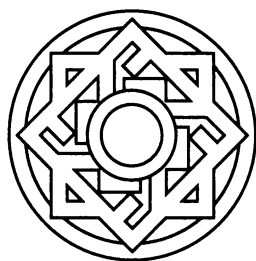

Исконная русская земля

Лев Прозоров

Кавказская Русь

Лев Прозоров

Кавказская Русь

Исконная
русская земля

Москва
«Яуза»
«ЭКМО»
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
П 79

Оформление серии С. Ляха

В оформлении переплета использована картина
художника К. Васильева «Свентовит»

Прозоров Л. Р.

П 79 Кавказская Русь : Исконная русская земля / Лев
Прозоров. — М. : Яуза : Эксмо, 2009. — 288 с. —
(Русские корни).

ISBN 978-5-699-35639-3

Кавказский вопрос всегда был одним из главных козырей в пропагандистском арсенале врагов России — вот уже два столетия Запад обвиняет нашу страну в «колониализме», «имперской экспансии» и «завоевании Кавказа».

Новая книга известного историка, автора бестселлера «Русь языческая», не оставляет от этих обвинений камня на камне, неопровержимо доказывая, что есть все основания считать наших славянских предков **коренным народом Северного Кавказа**, а сам **Кавказ — исконной русской землей**.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-699-35639-3

© Прозоров Л. Р., 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ЛАМБОДАРЕ-ЯДРЕЮ, ЧТО
ПЛЯШЕТ НА РАССВЕТЕ,
СМАХИВАЯ БРИЛЛИАНТЫ
ЗВЕЗД С НЕБОСКЛОНА.

ПОЛКОВНИКУ БУДАНОВУ.

ВСЕМ СЛАВЯНСКИМ
ВОИНАМ, ВОЕВАВШИМ
НА КАВКАЗСКОМ РУБЕЖЕ:
ОТ ОСАДЫ ПАРТАВЫ
И СЕЧИ ПОД АРДЕБИЛЕМ
ДО ШТУРМА САМАШЕК,
ВЗЯТИЯ И ОБОРОНЫ
ГРОЗНОГО ПОСВЯЩАЕТСЯ

Вместо эпитафии

«Русичи, не верьте врагам ва-
шим...

где кровь русская пролилась,
там и земля Русская.»

«ВК»

Комиссар чернявый, под стать грачу,
Отчертил: мол, «Г'ассея» — от сих до сих...
Нет, Мать-Русь, Ты там, где плечом к плечу
Встали двое детей Твоих!
Наша кровь во всех реках Европы течет,
В половине азийских рек.
Где ее лил гунн, где — свирепый гот,
Где — лукавый и подлый грек.
Кто сказал, что не Русь — Украина с Литвой,
Что не Русь — Ереван, Ашхабад,
Если в землях этих, сомкнувши строй,
Сотни русичей павших лежат?!
Русь — жива! В поднебесье полет орла
Подает нам благую весть:
Пусть никто не скажет — мол, Русь была.
Будет вечно! Зане Она — есть!

Озар Ворон

Вступление,
или
За что нас, русских,
мало ругают

Древний праздник. Как русские себя стыдятся, а другие — собой гордятся. Наши странные юбилеи. Тупики мнимые и настоящие. Завет историка. «Откуда есть пошло...». Две стороны фальшивой монеты. Это — мы.

Иван, родства не помнящий

Поговорка

Мы ленивы и нелюбопытны

А. С. Пушкин

Начну издалека — с мест, далеких и от Руси, и от Кавказа. Из Японии. Я видел это по телевизору — в одном из городов Страны восходящего солнца отмечали храмовый праздник. По улице торжественно шли люди, облаченные в сплетенную из веревок обувь, войлочные колпаки, странные просторные одеяния. Корреспондент объяснял, что праздник ежегодно отмечается «прихожанами» синтоистского¹ храма с... VIII века. И одеяния празднующих с археологической точностью воспроизводят костюмы той далекой эпохи.

¹ Синтоизм, синто — древнейшая исконная религия Страны восходящего солнца, японское язычество. Так же как и любое язычество состоит в поклонении богам природы и предкам.

А я смотрел на улыбчивые медные лица и думал, что здесь, наверно, идут в древних облачениях клерки знаменитых корпораций, ничуть не боящиеся, что появление на улице в столь «несолидном» виде поставит точку в их карьере, и их важные боссы, также нимало не тревожащиеся за свою деловую репутацию, а то и лихие ребята-якудза, вовсе не опасаящиеся, что «реальные пацаны не поймут». И приверженцы учения Будды почему-то совершенно не склонны протестовать против храма и обрядов, появившихся задолго до того, как первые проповедники учения Гаутамы шагнули на древние острова Ямато.

А теперь, читатель, попытайтесь вместе со мной представить картину: шествие где-нибудь в Новгороде по поводу, скажем, Перунова дня. Крупного бизнесмена (господина Брынцалова, к примеру), гостиничника, «братка» в одеждах русичей ну пусть не VIII, пусть X века (да не в лубочно-пряничных аляповатых одежках «ля рюс», с сарафанами и балалайками, а в тщательно, любовно реконструированных подлинных одеяниях той поры). Православных, мирно прибирающих под одежды кресты и идущих в общих рядах, не блажа об «идолопоклонничестве» и «сатанизме».

Русский народ, мой народ, часто ругают. И часто — безосновательно. Потому что, скажем, в лень народа Ермака, Хабарова и Дежнева, воздвигшего державу от Балтики до Тихого океана, народа Королева и Гагарина, первым шагнувшего в космос, я не верю. Не у русских родилось понятие «сиеста», скажем, а то, что у немцев развернулось в баллады о блаженной Шларрафии, с реками из пива и горами из сосисок, а у французов — в повествования о прекрасной Кокейнь, у нас ограничивалось потешными присказками — на острове, мол, Буя-

не, молочные реки, кисельные берега, ходит бык печеный, в боку нож точеный. И всевозможные простофили Гансы, Жаки и Джеки из европейских сказок ничуть не трудолюбивей нашего Емели. Что до других недостатков — так пьют, например, те же японцы куда как больше нашего.

Но есть один недостаток, за который нас, по-моему, ругают мало. Это какое-то изумительное беспамятство, несерьезное отношение к своему прошлому — и, в итоге, к своей народной сути, самобытности, культуре. Я не про либералов или, скажем, коммунистов речь веду — с этих спроса нет. Но вот как понимать, скажем, заявление одной из называющих себя русскими и национальными газет, что пристрастие к национальному костюму и традиционному обличью — это-де, оказывается, «азиатчина»? Вот уж просветили так просветили. Будем теперь знать, что Герман Геринг, позировавший перед фотокамерой в баварских шортах с узорчатыми подтяжками и легкомысленной тирольской шляпке с перышком, оказывается, «азиат». И артист Шон Коннери, на присвоение ему рыцарского титула надевший шотландскую юбку-килт с клановым узором, тоже, видимо, «азиат». И техасский конгрессмен, деловито поднимающийся по ступеням Белого дома в ковбойском стетсоне и костюме-антри, конечно, «азиат».

Простите, а Вы, читатель, способны представить себе кого-нибудь из наших актеров (про политиков умолчим), ну не Харатьяна с Гафтом, понятно, но вот хотя бы Домогарова или Жигунова, появляющегося в «присутственном месте» в косоворотке?

«Несерьезно»... «Балаган»... Ох, какие ж мы серьезные. В гавайке и в шортиках — это да, это нормально. Но в косоворотке — «я что, клоун?!».

Если честно, трепет перед историческим прошлым своего народа у западных «азиатов» и «клоунов» принимает иногда немного странные формы. Редьярд Киплинг — тот самый, к слову, которого его земляк и современник Честертон попрекал чуть ли не космополитизмом безродным, мол, глядит на родной остров «из окна пассажирского вагона» — в «Подарках фей» и «Паке с холмов Пака» любовно разворачивает перед читателями галерею предков, в которой и бритт-пастух каменного века, и римский легионер. И нимало не заботится, что собственно англичане-англосаксы к потомкам бриттов или римлян не относятся. Еще удивительнее гордость англосаксов — в том числе и заокеанских — подвигами легендарного короля Артура, одним из которых, между прочим, числится собственноручная расправа в битве у горы Бадон с девятью сотнями... англосаксов.

Или, скажем, торжества во Франции по поводу победы вождя восставших галлов Верцингеторига над римскими легионами и возведенный по этому случаю памятник — а ведь нынешние французы, пожалуй, в не меньшей степени потомки побежденных римлян, чем высоких и голубоглазых мятежников. А уж заявлять, в духе нашей интеллигенции, что галлы были дикарями, занимавшимися человеческими жертвоприношениями, а римляне несли им передовую культуру Средиземноморья, я Вам, читатель, ежели окажетесь на этих торжествах, очень не советую. Французы — народ горячий, и испытать их любовь и уважение к предкам на себе может быть не полезно для вашего здоровья. Как видно, самые передовые и цивилизованные народы не стесняются своего прошлого, а иногда не прочь и «нарастить» его за чужой счет.

Но знаете — есть и более странные и уродливые вещи. Например, когда у нас отмечают «день начала славянской письменности» в честь святого Кирилла. Того самого святого Кирилла, в житии которого черным по белому сказано, что будущий святой видел в Корсунь-Херсонесе, древнем городе неподалеку от нынешнего Севастополя, две книги (!), написанные «русьскими письмены»¹. Тут, понятно, подсуетились представители странной, и, к сожалению, немалочисленной, части наших ученых, у которой любая мысль о достижениях славян в прошлом вызывает какой-то суеверный страх, и заявили, что «русьскими» надо понимать как «готскими». То, что «русьскими» читается во всех 26 (!) списках жития, многие из которых составлены далеко за рубежами России — в Моравии, Сербии, Болгарии, — этих «ученых» не смущает, равно как и то, что готы упомянуты в житии под собственным именем. Ведь если написать, что это все-таки *русские* письма — «реальные пацаны не поймут»!

А недавно с помпой отпразднованное «трехсотлетие российского флота»? Аскольд и Дир, надо понимать, до Царьграда через Черное море вплавь добирались, равно как и поморы русские до Шпицбергена-Груманта, а казаки-землепроходцы — до Аляски и Калифорнии.

Но уж венец всего — наш замечательный День защитника Отечества. Ладно еще в советские времена он назывался Днем Советской Армии — ясно и честно. Но вот как понимать сегодняшнее название — что, первой защитницей Отечества была армия, созданная неполных сто лет назад во время и для гражданской вой-

¹ В книге «Святослав» я подробно рассказываю, почему считаю, вслед за многими учеными, так называемую кириллицу наследником именно этих «русских писмен», а Кирилла — изобретателем глаголицы.

ны, братоубийственной бойни и состоявшая из дезертиров, китайцев, латышей и среднеазиатских мусульман? Лично мне, признаюсь, читатель, трудно расценить это иначе, нежели смачный плевок на могилы героев Брусиловского прорыва и «Варяга», Шипки и Севастополя, Бородино и Полтавы, покорителей Казани и Сибири, воинов Куликовского поля и Ледового побоища, дружинников Святослава Храброго и Олега Вещего.

Назовем, читатель, вещи своими именами. Мы, русские, в массе своей не уважаем свое прошлое, свою историю, свои корни. А значит, и себя. А того, кто не уважает себя, не уважает никто — это вообще-то достаточно известная истина. И не надо слушать тех, кто еще не отошел от перестроечной горячки и продолжает бредить про «тупик «особого пути»», «общечеловеческие ценности» и «магистральный путь развития». Вот как раз когда мы гнались за этими миражами, будь то при Ольге и Владимире, при Петре Великом или Майкле Горби, мы и попадали в тупик, и выбраться из него всякий раз стоило больших, очень больших усилий — а то и крови. А времена, когда мы начинали понемногу вспоминать, что Русь — это все-таки Русь, а русские — это русские, что ничего постыдного в этом нет, — вот тогда наступали времена, когда нас, по-прежнему не любя, начинали уважать, а жизнь в стране становилась более-менее сносной — при московских государях, при Николае Павловиче и Александре Александровиче, при Сталине. Про последнего уже сказано все ругательное, что только можно, я только замечу, что при нем страна, лежавшая в руинах после Гражданской войны, стала державой, сумевшей переломить хребет двум не самым слабым в мировой истории империям, и был заложен фундамент космической программы. Зато

при его ругателях с бывшей державой и построившим ее народом практически без единого патрона сделали все, что собирался, как нам объясняли когда-то в школе, сделать Гитлер.

И если Вам, читатель, когда-нибудь захочется понять, отчего, скажем, в той же Японии, где на площади Уральского хребта, лишенной, впрочем, его сырьевых ресурсов, толпится столько же народу, сколько живет во всей России; в стране, где никогда не было ученых с таким мировым именем, как Капица, Курчатов или Королев, а во времена Менделеева и Павлова не было ученых вообще; в стране, которая, пожалуй, одна в целом мире может сказать, что в последнюю мировую войну ей пришлось тяжелей, чем России, тем не менее уровень жизни остается недостижимо высоким для нас, а ее промышленники уверенно захватывают рынки России, Европы и Америки — вспомните, с чего мы начали этот разговор. Хорошая жизнь невозможна без уважения к себе, своей стране, своему народу — а значит, и почтительного внимания к своему прошлому. Подчеркиваю, именно *почтительного* внимания, а не обезьяньего выискивания блох и болячек.

Я вряд ли смогу сказать об этом лучше замечательного русского историка Ивана Егоровича Забелина, а потому просто приведу здесь его слова: «Всем известно, что древние, в особенности греки и римляне, умели воспитывать героев... Это умение заключалось лишь в том, что они умели изображать передовых своих деятелей в своей истории не только в исторической, но и в поэтической правде. Они умели ценить заслуги героев, умели различать золотую правду и истину этих заслуг от житейской лжи и грязи, в которой каждый человек необходимо проживает и всегда больше или меньше ею мара-

ется. Они умели отличать в этих заслугах не только реальную и, так сказать, полезную их сущность, но и сущность идеальную, то есть историческую идею исполненного дела и подвига, что необходимо и возвышало характер героя до степени идеала.

Наше Русское воздвигание истории находится от древних совсем на другом, на противоположном, конце. Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу Историю и о каких-либо характерах-идеалах не смеем и помышлять. Идеального в своей Истории мы не допускаем. Какие у нас были идеалы, а тем паче герои! Вся наша История есть темное царство невежества, варварства, суесвятства, рабства и так дальше. Лицемерить нечего: так думает великое большинство образованных русских людей. Ясное дело, что такая История воспитывать героев не может, что на юношеские идеалы она должна действовать угнетательно. Самое лучшее, как юноша может поступить с такою историею, это — совсем не знать, существует ли она. Большинство так и поступает. Но не за это ли самое это большинство Русской образованности несет, может быть, очень справедливый укор, что оно не имеет почвы под собою, что не чувствует в себе своего исторического национального сознания, а потому и умственно, и нравственно носится попутными ветрами во всякую сторону.

Действительно, твердою опорою и неколебимою почвою для национального сознания и самопознания всегда служит национальная История».

Не обижена богом в этом отношении и Русская История. Есть или должны находиться и в ней добрые идеи и идеалы, светлые и высоконравственные герои и строители жизни. Нам только надо хорошо помнить правдивое замечание античных писателей, что «та или другая слава и знаменитость народа или человека в Ис-

тории зависит вовсе не от их славных или бесславных дел, вовсе не от существа их исторических подвигов, а в полной мере зависит от искусства и умения или даже от намерения писателей изображать во славе или уничижать народные дела, как и деяния исторических личностей».

Как видим, уродливые гримасы нашего общественно-го сознания появились не вчера, не в советское даже время. Я склонен возводить их к эпохе, когда предки из полубогов, из предметов безмерного почитания потомков были обращены новой религией в тупых варваров, поклонявшихся бесчувственным деревяшкам; сравнивая Ольгу среди язычников с жемчужиной в кале, летописец не подозревал, что кладет начало тому умонастроению, что последует за русскими грамотными людьми через десять веков. Только те хороши, кто желает подверстать Русь к очередному «общечеловеческому» ранжиру, затоптав и прокляв память своего прошлого, своего пути, своих предков. Это — прогрессивные, передовые люди, «жемчуг». Остальные — кал. И события, о которых я пишу в этой книге, — лучшее доказательство моей правоты. Ни одно из них — за единственным исключением, о котором упомяну особо, — не попало в летописи, хотя чуть не половина пришлось на время жизни той же «святой» Ольги — ведь это же были горести и доблестные деяния поганых язычников, «кала»!

С этой традицией надо кончать. Пора действительно учиться у Запада — но не взгляду на Россию, а умению глядеть на себя и свое собственное прошлое, свое народное Я.

При этом, конечно, желательно не впасть и в другую крайность, утверждая, будто русы — самый древний народ на земле, и щедро заселяя пращурами места, куда они и в мыслях не заглядывали. Асов и Клейн, Петухов

и Петрухин — это две стороны одной монеты, не зря соседствующие на книжных полках наших магазинов. Сочинения «патриотов», ищущих русов в Палестине — «Опаленном Стане» — или Индонезии, на островах которой обитает папуасское племя родда-ведов, позволяют рядиться в тоги поборников «научной объективности» авторам, радостно оповещающим читателя, что тиверцы и уличи — турки, древляне — готы, поляне с северянами — иранцы, дреговичи и кривичи — балты, словене ильменские — карелы, а русы — скандинавы (откуда на Русской равнине взялись славяне — это Вы, читатель, не у меня, это Вы у этих господ спрашивайте). В свою очередь, именно последние своими трудами обеспечивают львиную долю популярности первым, позволяя им утверждать, что профессиональные историки сплошь «русофобы» — благо примеров предостаточно — а стало быть, с исторической наукой можно не считаться. И обе стороны не особенно утруждают себя доказательствами и логикой, подменяя их ярлыками. Не веришь в «Велесову книгу» и русских этрусков? Так ты «русофоб», «жидомасон» и «космополит», радостно объявляют «патриоты» — и спор закончен. Не веришь в то, что летописные варяги и русы — это скандинавы, на быстрых ладьях пересекавшие непролазные боры и сырые дубравы Восточной Европы, покорившие земли в три раза обширнее самой Скандинавии только для того, чтобы во втором поколении бесследно раствориться среди завоеванных? Так ты «шовинист», «антисемит»¹ и «одержим комплексом неполноценности» — цедят через

¹ Между прочим, я не шучу. Некий В. Шнирельман утверждал не так давно, что те, кто отрицают существование человеческих жертвоприношений у древних славян, тем самым намекают, что подобные жертвоприношения существуют у евреев. Логика-с — а ведь сказавший сие господин не в психушке сидит, а в Институте этнологии и антропологии в Москве преподает, имея кандидатскую степень.

губу «академики», опять-таки ставя точку в дискуссии до ее начала.

Этот трогательный дуэт не вчера родился. Еще в XVIII веке на Руси объявился почтенный немец Г. Э. Миллер, описывавший, как удалые скандинавы завоевали диких славян, принеся им решительно все блага культуры, цивилизации и государственности. Когда ему говорили, что иные источники, на которые он опирается, не достовернее сказки про Бову-королевича, герр Миллер терялся лишь на секунду: «Бова? Никогда не слышал...» — но тут же с прежним апломбом неся вскачь: «...но это имя созвучно с именем брата Бальдра Боусом у Саксона Грамматика — вот еще одно подтверждение скандинавского влияния». Наука-с!

Вот Вы смеетесь, читатель, а меж тем и к самому герру Миллеру, и к его высоконаучным методам у иных отечественных (!) историков по сию пору сохраняется то же самое фетишистское благоговение, с каким дикарь с острова Фиджи в XIX веке подставлял лицо под благодатные плевики вождя, а его тибетский современник вкушал пилюлю из чудодейственного кала Далай-ламы. Далеко заводит некоторых наших соотечественников жажда не отстать от передовой (образа аж XVIII столетия) западной науки — до обычаев и повадок, лет полтораста как ушедших в прошлое в самом глухом азиатском захолустье.

Наряду с «академическим ученым» Миллером в Петербурге подвизался «патриотический писатель» В. К. Тредиаковский. Ни в коей мере не отмеченный литературными талантами, сей автор пробавлялся «историческими» изысканиями, трактуя Италию как «Удалию», выводя Испанию от польского «выспа» — остров (мало ли, что Испания ПОЛУостров — такие мелочи

третиаковских никогда не смущали), а в Латинской Америке отыскал «Гать Малую» — Гватемалу. Я могу ошибаться, но «русских этрусков», кажется, изобрел он же. Впрочем, «россов» Василий Кириллович отыскивал буквально везде — от Шотландии (она же Каледония — ну ясно же, Холодония, холодная, значит, страна!) до Туркестана.

Настоящий, без кавычек, академический ученый, русский гений Михайло Васильевич Ломоносов, как пишут биографы, «ставил Третиаковского на одну доску с Миллером в умении писать ученую чушь, часто досадительную и для России предосудительную». Их преемники и по сию пору стоят на этой доске. И, отчасти благодаря им, отчасти — собственным, Александр Сергеевичем Пушкиным еще отмеченным, лености и нелюбопытству нашим, многие вполне реальные и научно доказуемые славные деяния наших предков пребывают в забвении.

Вот об одной такой до сих пор неизвестной большинству читателей странице нашей истории я и поведу речь в этой книге. Про то, как начинался когда-то русский Кавказ. В этой книге будет и героизм побед, и горечь поражений, и скорбь, и смех — все, чем полнится каждая страница жизни нашего народа, нашей страны. И победы эти, и поражения достойны нашей с Вами памяти, читатель. Потому что это наша история, это деяния наших предков. Это мы.

Часть первая

Кавказские пленники

**Славяне на Кавказе:
VII – VIII вв.**

Солнцу навстречу
Жить — не тужить
В жилах руду-живу
Не остановить...
Сердцу поверить
Горнюю весть
Солнцу навстречу
Вспыхнуть — сгореть!

*Велеслав,
«Навстречу Солнцу»*

Глава 1

Русы под Дербентом

До «золотого века русской поэзии». Зеленое пламя джихада. Тяжкая участь «неверных». Дербент — железные ворота Кавказа. Письмо Шахрияра. Персидские историки и «Степенная книга» о русах под стенами Дербента. О каких русах речь? Дунайская Русь под аварским игом.

Мы едем, мы едем, мы едем... Предгорий
Взбегает, напротив, за склонами склон;
Зубчатый хребет, опираясь на море,
За ними белеет, в снегах погребен.

Валерий Брюсов,
«Вдоль моря»

По той же недоброй традиции беспамятства, о которой мне доводилось говорить во введении, тема русского Кавказа начинается для нас XIX веком. Пушкин — «Кавказ подо мною, один в вышине...», Лермонтов — он едва ли не весь там, и «Демон», и «Мцыри», и Печорин... он там и погиб. И волеы, волокущие по кривым кавказским тропкам тело Грибоедова, и «Кавказский пленник» и «Хаджи-Мурат» Толстого. Все это было, все это наше, но... но Русский Кавказ начинался не с этого. Освоение этого края славянами, как народом и Русью, как державой, началось задолго не то что до золотого века русской литературы — задолго до крещения Руси.

644 год по христианскому летосчислению, двадцать второй год Хиджры. Двадцать два года назад погонщик верблюдов Мохаммад, провозвестник-расул нового, единого бога — «и нет бога, кроме него!» — со своими приверженцами бежит из культового центра арабских языческих племен, Мекки, в Медину. Всего двадцать два года — и единоверцы недавней кучки беглецов пустынным вихрем-самумом несутся над «подносом Вселенной», сметая казавшиеся вечными державы и племена, алтари и престолы. Зеленые знамена новой веры — ислама — поднимаются над руинами древнего Персидского царства, над Палестиной — святой землей христианства, уже ставшего религией всей Западной Европы, Малой Азии и Северной Африки в придачу. Воины на быstroногих конях и величавых верблюдах наводняют Египет, дряхлую страну пирамид, и их предводитель, глядя на остатки истребленной христианскими фанатиками александрийской библиотеки, пожимает плечами: «Если в этих книгах есть то, чего нет в Коране, — они вредны. Если нет — бесполезны». От Индии до Испании разольется море белых бурнусов и зеленых знамен, и зеленых дамасских клинков с узорами, похожими на письмена, и арабских книг с письменами, похожими на узоры. В двадцать втором году Хиджры этот потоп подкатывает к Дербенту. Под стенами этого города, который арабы назовут Баб-уль-Абваб — «ворота ворот» (строго говоря, это лишь перевод персидского имени города), начинается наш рассказ о славянах и Руси на Кавказе, под этими же стенами три с половиной века спустя он закончится.

Завоеватели очень сильны. От огромной державы Второго Рима в одночасье остался жалкий клочок земли в Малой Азии и на Балканах. Персии, частью которой был Дербент, больше нет. Шах Йездигерд III бежал,

бросив захваченную завоевателями древнюю столицу, Ктесифон, на растерзание кочевникам песчаных пустынь, разбившим его войска в трех кровопролитных, ожесточенных битвах; бежал к бесславной гибели в Средней Азии, в далеком Мерве.

Закон победителей гласил: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и последний день, не запрещает того, что запретили Аллах и его посланник, и не подчиняется религии истины, — из тех, которым ниспослано писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными» (Коран, сура IX, аят 29). «Людям писания», к которым мусульмане причисляли иудеев, христиан и сабиев, было все же проще — у них был тройной выбор — принять ислам, погибнуть или согласиться выплачивать подать-джизию. Язычникам и того не было позволено — стань мусульманином или умри. Приверженцев зороастризма, древней религии Огня и Правды, Света и Чистоты, из которой когда-то иудаизм почерпнул множество представлений и понятий (о Едином Боге, рае и аде, Страшном суде, грядущем Спасителе и пр.), позволивших ему несколько приподняться над уровнем одной из ближневосточных племенных религий, мусульманские богословы, что называется, со скрежетом зубовным, согласились причислить к «людям писания» — хотя сомневаться в этом не перестали до наших дней. Когда завоевание с его резней и грабежами закончилось, были заключены договоры наподобие следующего: арабскому полководцу «выплачено пятьсот тысяч дирхемов от населения Рея и Кумиса (город и область в окрестностях современного Тегерана. — О.В.), с условием, что он не будет никого из них убивать или обращать в рабство, не разрушит ни один из их храмов огня». Арабы надели на шею покоренным ярмо, изготовленное их же руками, — налоговую систему потомки

караванщиков и грабителей караванов из жаркой Аравии переняли у цивилизованных персов, «украсив» ее на свой вкус такими вот обычаями: «зимми (презрительное название зороастрийцев. — О.В.) обязан стоять, уплачивая налог, а чиновник, принимающий его, сидит. Зимми нужно дать почувствовать, что он занимает, когда платит налог, более низкое положение. В определенный день он лично отправляется к эмиру, назначенному для сбора подушного налога. Эмир сидит на высоком престоле. Зимми предстает перед ним, протягивая подушный налог на ладони. Эмир берет налог так, что его рука наверху, а рука зимми — внизу. Потом эмир бьет его по шее, а тот, что стоит рядом с эмиром, прогоняет зимми прочь. Народ допускается на это зрелище». Удивительно, что не установили цены на билеты... Сборщики податей рангом пониже тоже не упускали своей доли веселья — любимой арабской народной забавой стало сорвать с зимми священный кушак-«кушти», символ верности Вере предков, посреди улицы и накрутить ему на шею. Простые арабы тоже не оставались в стороне от потехи — благо вся мощь государственной машины победителей была на их стороне — и не упускали случая плюнуть в священное для зороастрийца пламя — в его присутствии, конечно. Еще один способ поразвлечься состоял в долгом, мучительном избиении на глазах зороастрийцев собаки — зороастризм велел почитать и защищать этих верных, умных и добрых друзей и помощников человека. Между прочим, именно тогда у мусульман собака и становится презренным животным, вопреки Корану становясь причисленной к нечистым, а сравнение с собакой становится самым злым ругательством для мусульманина.

В общем-то, не было ничего проще, чем избавиться от этих измышательства. Достаточно было только отречь-

ся от Светлых сил, которым поклонялись предки, возведшие державу от Тибетских гор до пирамид Египта, в те века, когда арабы были не знавшими одежды дикарями (от людоедства, кстати, почитатели «Милостивого, Милосердного» Аллаха не отказались и во времена завоевания — жители одного арабского города, захватив в плен полководца врагов, разрезали беднягу на куски и съели по кусочку каждый, надеясь «причаститься» его удачей). Произнести формулу покорности ревнивому, не признающему иных божеств богу песчаных пустынь и его земному вестнику — и все. Вот только пути назад для сделавшего это уже не было — в противном случае его считали отступником, и участь ему была одна — смерть, безжалостная, неотвратимая, мучительная. Так что или чужая вера, с молитвами на незнакомом языке, с дикими для потомков Заратустры обычаями обрезания и запрета на свинину, с унижительным падением на колени и касанием лбом земли (зороастрийцы молились стоя), или — уплата поборов и бесконечные унижения.

Повторю — подобные унижения были еще проявлением относительной терпимости победивших мусульман и распространялись отнюдь не на всех. Очень бы хотелось, чтобы те, кто, начитавшись Михайлова или Никитина, грезит об исламском будущем для России, получше вчитались в эти строки. Действительно ли они хотят такой или подобной участи для тех из своих близких, кто не бросится повторять вслед за новыми хозяевами страны «Нет Бога, кроме Бога»?

Дербент — полунезависимое княжество в узком проходе между берегом Каспийского — тогда звавшегося Абескунским или Гирканским — моря и спускающимся к нему отрогом Кавказского хребта, в теперешнем Дагестане. Потому и «Ворота» — тот, кто сидит в крепости, решает, пройти или нет дальше подошедшему к ее

стенам войску. Когда-то крепости здесь не было — и северные вихри, бушевавшие по ту сторону Кавказских гор, доносились до самой Та-Кемет, Черной земли фараонов и пирамид — киммерийцы Лагдамме, скифы Партатуа¹... а потом здесь встал Дербент. И ни сарматы, ни гунны не прорвались на сытый и богатый юг мимо его твердынь — есть чем гордиться! После того как на каменный замок крепостных стен были заперты «Врата Врат», северные кочевники не беспокоили державу персидских царей-огнепоклонников. Крепостью правит царек с подозрительно знакомым именем Шахрияр — уж не тот ли, которому тысячу и одну ночь морочила голову хитроумная Шахразада? Если и тот — ему сейчас не до сказок. Калам скользит по бумаге, оставляя черный блестящий след из туши.

«Я нахожусь между двумя врагами: один — хазары, а другой — русы, которые суть враги целому миру, в особенности же арабам, а воевать с ними, кроме здешних людей, никто не умеет. Вместо того чтобы платить дань, будем воевать с русами сами и собственным оружием, и будем удерживать их, чтобы они не вышли из своей страны».

Так писал Шахрияр правителю арабов, и повелитель правоверных принял предложение царька маленькой крепости. Вместо дани Дербент обязали военной службой — следить, чтоб с севера не вторглись хазары и русы...

Так описывает события седьмого века перс Мухаммед Бал-ами, современник князя Святослава. Не все верят его сообщению, в особенности те — и их немало —

¹ Б. А. Рыбаков видел в этом скифском вожде праславянина-сколота, реконструируя его имя, как Перепет, но увы — доказательств этому слишком мало.

историки, что, по заветам Байера — Миллера — Шлецера, верят в происхождение русов из Скандинавии¹. То, что за два с лишним столетия, прошедших со времен «отцов-основателей» норманнизма, не найдено никаких, даже самых хиленьких, указаний на то, что народ с названием русь жил когда бы то ни было в Скандинавии, их не смущает. Многочисленные свидетельства о руси за пределами Скандинавии до IX в. они отмечают с порога (а известий о «скандинавской руси» так и не отыскивали за три века поисков — ни одного). А мы им уподобляться не станем и разберем этот случай чуть подробнее. Чем обосновывают норманнисты свое неприятие рассказа Бал-ами? Да тем, что он рассказывает о событиях, отстоящих на три века от него. Но такого строгого контроля не выдержит большинство наших источников, хотя бы те же любимые норманнистами (совершенно неизвестно за что — там рассказывается, как шведов, выдававших себя за послов кагана русов, заподозрили и после следствия разоблачили — судите сами, можно ли из этого вывести, будто шведы и русы — один народ). Бертинские анналы говорят о событиях IX века, а рукопись принадлежит XV. Тут вообще вдвое больше, чем от сообщения Бал-ами до времен Шахрияра. Далее — русы и впрямь были в X веке грозой всему миру, и арабам доставалось от них немало. В 844 году, ровно через двести лет после того, как Шахрияр выторговывал себе и своему княжеству свободу от дани, «язычники, которые зовутся ар-рус, ворва-

¹ Как и в «Святославе», много места и времени придется уделить мне в этой книге т. н. «норманнской теории». Что ж, во-первых, не могу я надеяться с одного раза перекричать канонаду норманнистской пропаганды. А во-вторых — что ж поделаешь, если буквально каждая страница нашей древней истории вопиет против этой трехсотлетней мумии, продолжающей без всякого на то права восседать на алтаре храма Русской истории!

лись туда, захватывали пленных, грабили, жгли и убивали». «Туда» — это в Севилью, один из самых богатых городов арабской Испании. Монеты арабского эмира, правившего Испанией в тот год, нашли в кладе на острове Рюген («остров русов» арабских историков и географов, Буян русских сказок и заклинаний). Как русы донимали мусульман Закавказья в X веке, мы еще увидим. А в VII веке о русах почти не слышно. Кроме Бал-ами, о русах в это время упоминает только его младший современник ас-Салиби, также перс. Он, кстати, подтверждает сообщение земляка, говоря, что Дербентская двойная стена, одним концом упирающаяся в море, а другим — уходящая в горы, была возведена шахом еще немусульманского Ирана Хосровом I Справедливым Ануширваном, умершим в 579 году, специально против хазар и русов. Подтверждает это известие и русская «Степенная книга», написанная в XVI веке по заказу Ивана Васильевича Грозного. В ней говорится так: «При Ираклии цари ходиша русь и на царя Хоздроя Перьского». Ираклий — это император Византийской, Восточно-Римской империи, правивший ею в первой половине седьмого столетия, а «Хоздрой Перьский», как нетрудно догадаться, персидский царь Хосров. Как-то очень сложно мне предположить, будто московские книжники при дворе грозного царя читали арабских историков, живших больше чем за полтысячи лет до них. Тем более что о союзе русов и хазар в X веке речь вряд ли могла идти. И русы хазар рассматривали даже не как врагов, а как чудовищ, чудо-юдо, с коим разговор один — головы с плеч, и даже жилье его не грабить, а рубить надо — и яблоньку с золотыми яблочками, и постель золоченую с убранством шелковым, и колодец золотой с серебряной чарочкой. И для хазар русы были страшным народом Рос из ветхозаветных

пророчеств о конце света, вырвавшимся из краев Севера, где мудрая наука каббала располагала «врата зла», и каган-бек Хазарии, Иосиф, в письме единоверцу и соплеменнику Хасдаю ибн Шаффруту, визирю кордовского эмира, ставит себе в особую заслугу, что не пропускает русов в земли мусульман (совсем как Шахрияр когда-то!). Так что диспозиция «хазары и русы против мусульман» в X веке могла быть только памятью о более древних временах.

А о каких русах, кстати, речь? Сведения о русах в Европе — до образования в IX—X вв. Русской державы — сводятся, в основном, к двум регионам: южному побережью Балтики (где их чаще называли ругами) — остров Рюген, судя по всему, их прародина — и Среднему Подунавью, куда русы-руги попали как федераты, союзники-защитники (то есть веринги, варяги) Римской империи III века. От Дунайских ругов владения Шахрияра отделены половиной Дуная, Черным морем (оно же Понт) и Кавказским хребтом. Путь мало что не легкий, но еще и основательно «засвеченный» всевозможными источниками, ни один из которых в это время не упоминает русов восточней Черного моря и западнее Дербента. Не говоря уж о том, что дунайская Русь (оставившая, кстати, яркий след в наших былинах¹) в то время была совершенно лишена какой бы то ни было независимости и находилась под аварским игом.

Один из примеров этого — участие дунайских русов в осаде Константинополя аварами и подчиненными им славянскими племенами в 618 году. Эту осаду хроники Тифлисского собора приписывают именно русам, которыми правил «каган». Проще всего, конечно, отмахнуться от этого сообщения как от «позднего», что и дела-

¹ Автор готовит книгу «Былинные времена».

ют историки-норманнисты. Но, во-первых, это сообщение подтверждается византийским стихотворцем XII века, Константином Манассией, а во-вторых, во времена создания дошедшего до нас списка Тифлиских летописей (тринадцатый век) русами уже давным-давно не правили никакие каганы, и плавали эти русы не на «моноксилах»-однодревках — грузинский летописец, не зная греческого слова, приписал его русам, — а на кораблях. Византийский флот, заманив славянские суда ложным маяком в ловушку, уничтожил их. Именно в честь этой победы, кстати, сложен был благодарственный акафист Богородице «Взбранной воеводе» — не то Романом Сладкопевцем, не то патриархом Сергием. Потом этот псалом перейдет в русскую церковь — и девять веков с лишним русские князья, цари и императоры будут вдохновляться на бой и благодарить за победу строками, сложенными в честь разгрома и истребления их пращуров. Более того, «царицу небесную» и будущую «заступницу земли Русской» благодарили и за гибель славянских *женщин* — византийские мародеры, собиравшие оружие и доспехи с выкинутых на берег моря тел славян, часто обнаруживали под воинским облачением прекрасное женское тело. В те же времена сирийский писатель Псевдозахария Ритор упоминает о народе рус, что соседствует с амазонками — вспомним о славянских женщинах-воительницах — к северу и западу от авар.

Целый ряд авторов — лангобард Павел Диакон, испанский еврей-работорговец Ибрагим ибн Якуб, араб Идриси, немец Адам Бременский, чех Козьма Пражский, наконец, — располагают воинственных женщин-амазонок в Центральной Европе. Козьма, кстати, относит амазонок к прошлому собственного народа — а Павел Диакон считает «людей-псов» предками своего народа, тогда как Захария располагает их рядом с «амазонками» и народом рус, что сильно помогает в поисках

месторасположения перечисленных племен на географической карте. Да и в наших былинах девы-поляницы, которых многие исследователи пытаются превратить в степных наездниц, не то сарматского (Д. М. Балашов, Б. А. Рыбаков), не то даже хазарского (В. В. Кожин) происхождения, на самом-то деле сплошь и рядом происходят из земли Ляховицкой или Политовской. Оттуда и Настасья Микулична, жена Добрыни, и несчастная Днепра-королевична, недолгая жена богатыря Дуная, чья печальная судьба воспета в картинах великого Константина Васильева, и жена боярина Ставра Годиновича Василиса Микулична, наверняка известная читателю хотя бы по одноименному мультфильму. Правда, несколько ошарашивает описание русов Псевдозахарией — у него это народ великанов... не пользующихся оружием! На самом же деле тут нет ничего странного: в начале VII столетия Феофилакт Симокатта, хронист Восточного Рима, сообщил о прибывших в Константинополь послах-гуслярах народа славян. С собою у этих послов — Феофилакт особенно упоминает поразившие императора богатырский рост и сложение славян, — происходивших не то из покоренных аварами, не то соседних с ними земель на берегах Балтики, были только гусли, и послы рассказывали, что в их роду не касаются железа и не воюют. Это сообщение породило множество самых различных толков среди ученых: славянофилы умилялись кротости пращуров, славянофобы толковали о дикости племени, вышедшего в Средневековье прямым из каменного века¹, третьи подозревали в речах послов

¹ Конечно, хочется думать, что подобные благоглупости остались во временах Шледера и К, но увы, стоит вспомнить фильм «Тринадцатый воин». Коли кто не понял, злобные чудовища вендели, эти размалеванные пещерные людоеды с каменными топорами, в медвежьих шкурах, терзающие набегами несчастных скандинавов, — это венды, как называли средневековые немцы и скандинавы славян.

хитрость разведчиков, старавшихся усыпить бдительность византийцев, а четвертые с важным видом рассуждали о «стереотипе образа варваров в античной литературе». Мне же представляется, что всему виной ошибка перевода. Послами могли оказаться жрецы — как друиды у галлов или попы в Киевской Руси, — а им действительно часто из ритуальных соображений запрещалось касаться оружия и железа вообще. В былине «Волх Всеславич», к примеру, заглавный герой, не только богатырь, но и волхв, практически не прикасается к оружию, и на войне, и на охоте прибегая вместо него к колдовству. Даже двери в покои врага он выставляет ногой, а с ним самим расправляется голыми руками. Сходные обычаи были у соседей и сородичей славян — германских племен. У англосаксов жрецу воспрещалось даже прикасаться к мечу, у готов во время сражений жрецы не сражались, а исполняли боевые песнопения, — но и у послов-жрецов Феофилакты Симокатты тоже есть гусли! Ну а византийцы приняли нравы сословия, касты за нравы народа — только и всего. А Псевдозахария Ритор просто взял эти данные о славянских подданных авар для описания жившего в тех краях народа рус, на том самом месте, где готские и лангобардские авторы VI века упоминают «Рутиланд» — землю ругов-русов, а немецкие источники IX — Руса-рамарку, край русов. В VII веке русам с Дуная, не то данникам, не то союзникам аваров, было не до далекого Кавказа.

Глава 2

Волжский торговый путь

«Меховой путь». Путь «из варяг в греки» — знаменитый призрак. «Волок» на армейских тягачах. Пути крестоносцев и паломников. Куда доплыли каменные ладьи. Боги и люди на Волжско-Балтийском пути.

«Ай, спасибо тебе, Волга-матушка,
А гулял я по тебе двенадцать лет,
Никакой я притки,
Скорби не видывал над собой,
И в добром здоровье от тебя отошел,
а иду я, молодец, на Новгород
побывать».

Былина «Садко»

Но ведь от Балтики до Кавказа еще дальше, заметит внимательный читатель.

Ну, во-первых, не так уж дальше — стоит взглянуть на карту. Во-вторых, именно от Балтики к Каспию ведет один из самых древних и известных (в свое время) торговых путей — Волжско-Балтийский. Еще его иногда называют «Меховым» (по аналогии с Шелковым путем, ведущим из Китая в Европу) — и путем «из варяг в хазары» (по аналогии с мифическим путем «из варяг в греки»). Да-да, читатель, это не опечатка. Тот самый путь «из варяг в греки», о котором так много говорили больше... прошу прощения, читатель, историки, — миф. Он упоминается один-единственный раз в «Повес-

ти временных лет» в связи с путешествием апостола Андрея из греческого Синопа в земли словен и варягов, а оттуда — в Рим¹.

Скажем прямо, что ученые с редкостным единодушием отказываются видеть в рассказе о странствии Андрея что-либо, кроме легенды — а вот в реальность пути, якобы им проложенного, отчего-то верят. Кстати, недавно археолог Андрей Никитин выступил с оригинальным и очень доказательным предположением, что в первоначальном варианте легенды путь ученика Христа пролегал не по Днепру—Шелони—Волхову, а по Дунаю, благо ни Шелони, ни волоков летописная легенда о странствии апостола не упоминает — по одной и той же реке, в летописи названной Днепром, Андрей путешествует мимо «Киевских» гор, мимо «словен», живущих вокруг «Новгорода», к варягам, а оттуда — в Рим. В «Киевских» горах, в таком случае, надо видеть обозначаемый еще на дорожных таблицах времен Андрея дунайский Киус. Тогда, конечно, посещенные апостолом «словене» — это словенцы, их «Новгород» — до сих пор стоящий в тех же краях Ноград, вокруг которого сгрудились городки и поселки с «банными» названия-

¹ Любопытно, однако, что Андрей, согласно преданию, отчего-то НЕ ПРОПОВЕДОВАЛ на своем пути по Русской равнине, что сильно выбивает почву из-под версии, будто эту легенду изначально сочинили с целью «удревнить» русское христианство. Занимал этот вопрос и средневековых православных авторов, так, например, один из крупнейших идеологов русской православной церкви, игумен Иосиф Волоцкий, задавался им же и отвечал: «возбранен бысть от святого духа». К сожалению, «святой дух», возбранив Андрею проповедовать, не возбранил некоторым безответственным, «не по уму усердным», как говорили в дни Иосифа Волоцкого, современным православным авторам сочинять сказки о проповеди апостола на Руси, обращенных язычниках и даже волхвах, своими-де руками повергавших «идолов». И печатается это не где-нибудь, а в «Энциклопедии заблуждений», том «Религия». А я-то думал, что цель этой серии — развеивать заблуждения, а не умножать их.

ми — Рудабанья, Цинобаня, Ловинобаня, Банска-Быстрица, Банска-Штьявница, Татабанья — помните, как в летописи апостол изумлялся банному усердию «словен»?; а варяги, в таком случае, руги-русь или иные федераты-веринги великого Рима. Но эта версия, при всей своей основательности, полностью вычеркивает из истории даже намеки на днепро-волховский путь «из варяг в греки». Знаменитый «Аустрвег» — Восточный путь скандинавских саг также не имеет с этой мифологемой ничего общего, начинаясь в Норвегии и вдоль южного побережья Балтики приходя в «Гарды» — Русь. Константин Рожденный в Пурпуре, знаменитый император-писатель X века из Византии, которому приписывают описания этого пути, говорит, напротив, лишь о пути из Киева в Константинополь, причем и этот путь — составивший бы одну шестую мифического «из варяг в греки» — оценивает как «долгое, страшное и мучительное путешествие».

Что сказал бы Рожденный в Пурпуре, если бы кто-нибудь рассказал ему про фантазии наших ученых о торговом пути, начинающемся у берегов Скандинавии и ведущем к его столице?

Когда креститель Руси, Владимир Святой, узнал в 1014 году об отказе новгородского князя, своего сына Ярослава (будущего Мудрого), покоряться Киеву и платить дань, он отдал приказание: «Теребите (расчищайте. — О.В.) пути и мостите мосты». Даже в эти времена из Киева в Новгород нельзя было попасть без инженерных мероприятий.

Любопытно, что летом 1987 года группа ленинградских археологов надумала совершить путешествие по этому самому пути «из варяг в греки», что, по их, неясной для меня, мысли, должно было каким-то образом подтвердить рассказы летописца о создании Русского государства и даже норманнское происхождение Рюрика

и его варягов. Логику ученых я, право, совершенно не в силах уловить... но не в этом соль. При рассказе об этом турне журналу «Родина» его организатор, ныне, к сожалению, покойный Глеб Сергеевич Лебедев, подробно описывает маршрут по берегам Волхова, Ильменя, Шелони, но затем как-то сбивается на лирическое отступление — и «приходит в себя» уже на Днепре, под Смоленском. Другой участник экспедиции, А. М. Микляев, вносит ясность в вопрос: не обремененные ни оружием, ни товаром участники регаты переправляли свои спортивные лодки (весившие, скорее всего, несколько меньше дубовых норманнских ладей) через водораздел бассейна озера Ильмень и бассейна Днепра по асфальтовым дорогам, на армейских тягачах. Явный анахронизм для IX века, пожалуй. Не говоря уж о том, что в те времена, как установлено археологами, уровень воды в реках был на 5 метров ниже, водораздел сплошь порос густейшим Оковским бором, а чужаков в нем встречали вместо приветливых армейских водителей местные лесные племена. Возможно, и согласные транспортировать их имущество — но лишь до собственного жилья, самих же путешественников наверняка рассматривавшие как ненужный и даже вредный довесок к оному.

С другой стороны, от пленников иногда толк тоже бывает: в хозяйстве, в обрядах — жертву принести по большой беде или на продажу — куда-нибудь да пригодятся.

Да, стоит добавить: там, где бурная фантазия ученых расположила волокы — через поросший лесом водораздел! — не сохранилось ни одного названия из числа тех, что отмечают места реально существовавших волоков на реально существовавшем Балтийско-Волжском пути: Волок Ламский (нынешний Волоколамск), Нижний Волочек и пр.

Когда же норманнам или хотя бы новгородцам надо было посетить окрестности Константинополя или лежавшие за ними святые места христианства, они двигались каким угодно путем, но только не днепровским. Стоит только припомнить знаменитого былинного удальца Ваську Буслаева. Когда сей персонаж принял историческое решение посетить Святую землю и город Иерусалим — «смолоду много бито-граблено, под старость надо душу спасти» (как он там «спасал душу», совсем особый разговор), то в путь пустился, опять-таки, отнюдь не через стольный Киев-град (а ведь мог бы и в Киево-Печерский монастырь заглянуть, казалось бы), а Волгой двинулся к Каспийскому морю. Потом у некоей Сорочинской горы столкнулся с казаками и побратался с ними (а заодно, видимо, перебрался со своими стругами из Волги в Дон где-нибудь в районе нынешнего канала Волга — Дон). Продолжив путь, Васька с ватагой приплыл прямо к Святой земле. Скандинавские паломники и крестоносцы (вроде короля Харальда Гиллекриста) плыли в Святую землю или вокруг всей Европы. Харальд даже умудрился навестить по пути норманнского владыку Сицилии, герцога Рожеро, который, судя по реакции на гостей, себя считал скорее ярлом Родгейром. Он принял Харальда не то что как знатного соплеменника — как собственного конунга¹! Растроганный Харальд — ему это ничего не стоило — произвел Рожеро-Родгейра из

¹ Не удержусь, между прочим, отметить — вот насколько крепка была у НАСТОЯЩИХ потомков норманнов память о своем происхождении. Предки Рожеро-Родгейра пришли в Италию даже не из Норвегии, а всего лишь из французской Нормандии за сто лет до Харальда, а в Нормандию прибыли из скандинавских краев еще раньше — за два века до выселения на Сицилию. А вот Александр Невский, скажем, что-то не проявил к шведским гостям ни малейших родственных чувств — справедливости ради заметим, что и шведы никакой памяти о мифическом «родстве» с потомками Рюрика не выказали.

яров в конунги, и тот сразу же открыл военные действия за признание соседями королевского титула. Другой конунг, Эрик Эйегода, к Константинополю пробирался через Германию... короче, из Балтики в Черное и Средиземное моря пробирались, похоже, решительно ЛЮБЫМИ путями, кроме до сих пор красующегося на страницах учебников и популярных книжек — да и серьезных научных трудов — пути «из варяг в греки».

И вот ведь незадача — про этот мираж знает чуть ли не всякий грамотный россиянин, а вот о реальном торговом пути из Балтики Волгой в Каспий или через Дон в Черное море, мало кто слышал.

Причем если, как мы видели, путь из Киева в Новгород был более чем непростым делом и в XI веке, то Балтийско-Волжским путем пользовались много-много раньше. Во-первых, на кавказском побережье Каспия, в частности, в Азербайджане, найдены могилы с оградой из грубо отесанных каменных глыб, выложенных в форме корабля. Такие, кроме этих мест, встречаются только на южном побережье Балтики. И там, и на Каспии могильники эти относятся к очень древним временам — конец неолита, века шлифованного камня, начало бронзового века. Вот в какую глубину уходит использование балтийскими мореходами Волжского пути!

Любопытно, однако ж, а какой народ оставил эти каменные корабли? Вообще-то легенды о плавании на камнях или в каменных кораблях чаще всего встречаются у кельтов. Подобные легенды высмеял в начале своего «Острова пингвинов» Анатоль Франс. Высмеивать то много ума не надо — гораздо полезнее отметить, что на каменных ладьях кельтские святые из Бретани плавают в Волшебную страну, то есть в иной мир, или, немного по-иному говоря — в мир иной. Так что жития

святых отцов из Бретани, вполне возможно, сохранили память о погребальных обрядах их языческих предков. Кстати, на севере Руси память о святых или святынях, плавающих на камнях, тоже осталась. На камне приплыл, согласно житию, в Новгород Антоний Римлянин, будущий святой (этот удивительный мореходный камень до сих пор можно видеть у стен основанной им обители). Есть легенды, как по рекам приплывали каменные кресты или иконы на камнях. Все это развитие той же кельтской темы. Но вот кельтской ли — или здесь сохранилась память о каком-то ином народе? Дело в том, что французская Бретань, где особенно были известны легенды про каменные лодки святых, во времена Цезаря была населена племенем... венедов. И там тоже встречаются погребения в «ладьях» из каменных плит. Кто были эти венеды — ученые до сих пор спорят, лично мне ближе всего позиция археолога В. В. Седова, предположившего, что изначально так звали общих предков славян, балтов, германцев и кельтов. Как говаривал англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен, один из основателей расовой теории, «кельто-славяно-тевтонов» (замечим попутно, что этот отец расовой науки и не думает, как видим, относить славян к «недочеловекам»). Во всяком случае, немцы называли прибалтийских славян вендами, а финские народы и по сей день зовут русских «венелайа». Вряд ли это случайно. И вряд ли случайно в карело-финский эпос, знаменитую «Калевалу», центральной фигурой вошел вещий музыкант, первый земледелец и мореплаватель, Вейнемейнен, которого некоторые песни-руны именуют просто Венелейненом — буквально Русским! Второе доказательство — языческая мифология... грузин. В картвельских преданиях упоминается бог-кузнец и громовержец, повелитель огня и

железа огнепламенный Пиркуши. Не надо быть филологом, чтоб обнаружить поразительное сходство его имени с балтийским громовником и покровителем кузнецов Перкуном. Другое божество, податель плодородия Копала, крайне созвучен славянскому Купале — «его же бога плодов земных мняху», сообщает рукопись «О идолах Владимировых». Между прочим, грузины приняли православие в 330 году — вот и судите, когда балтославянские боги могли успеть угодить в их мифологию. Тут поневоле вспомнишь, что шумерские «уруду» — медь и «дарагу» — путь очень напоминают наши «руду» и «дорогу». Возможно, конечно, что это простое созвучие. Каких только совпадений не случается в жизни — маленький нечистик из ПОЛИНЕЗИЙСКИХ преданий кукумара один к одному напоминает нашу кикимору, притом что никаких других заметных черт сходства в культуре славян и полинезийцев не существует¹. Так что набрасываться на случайное созвучие небезопасно — как раз окажешься в компании искателей русских этрусков. Но все же, все же...

Интересно и такое, очень раннее, свидетельство о существовании Волжского пути из Балтики к Каспию. Готский историк Иордан в своем сочинении «О происхождении и деяниях готов» так перечисляет подчиненные древним правителем готов, конунгом Германарихом из рода Амалов, племена и народы. Это тиуды (чудь-эстонцы), загадочные инаунксы, васинабронки (весь-вепсы), меренс (меря, обитавшая когда-то в Ростовских землях), морденс (уверен, читатель, вы и сами догада-

¹ С другой стороны: учитывая, когда стали записывать полинезийские легенды — кто ж знает, может, и впрямь какой-нибудь беглый или потерпевший кораблекрушение российский матросик из крестьян родом пугал шоколадных мальцов страшилками про ворующую детей нежить.

лись, но если все же нет — мордва), имнискары (в последней части этого названия видят сходство с названием Йошкар-Олы, так что перед нами древнейшее упоминание марийцев). Затем следует перечень неизвестных ученым племен — тадзанс, атаул (уж не Атиль-Итиль ли, тюркское название Волги, имеется в виду?), навего, бубегены, и, наконец, колды — колхи, грузины. Разумеется, всерьез о такой «империи Германариха» говорить не приходится. Нет ни археологических, ни письменных источников, свидетельствующих о том, чтобы германские пришельцы в Причерноморье когда-то правили с берегов Азовского моря, Меотиды, грузинами или мордвой, не говоря уж про вепсов и эстонцев. Когда с Востока на готов нахлынули гунны, престарелый Германарих, которого Иордан делает этаким готским Александром Великим, противостоял новым захватчикам не с разноплеменной армией своей мифической империи, а с одними только готами. Вообще, перечислив якобы покоренные его пращурами народы и племена, Иордан словно забывает о них, и ни чужь, ни весь, ни мордва с грузинами более не появляются на страницах его сочинения. Исследовательница труда Иордана Е. Ч. Скржинская выдвинула очень правдоподобное предположение, что в руках Иордана, писавшего в Северной Италии, оказался так называемый дорожник или интернарий — подобными перечнями странники пользовались в те времена за неимением карт, особенно в слабо известных варварских землях — и он, ничтоже сумняшеся, «подарил» все перечисленные им племена своей сказочной «империи». Но нам этот отрывок интересен тем, что свидетельствует: Волжский путь из Балтики в Закавказье во времена Великого переселения народов знали и использовали.

Так что, если вопрос ставится так — могли ли русы появиться под стенами Дербента в 644 году, то ответ на него будет однозначен — могли. И именно балтийские русы, с южных берегов Балтийского моря, — ибо нигде более на его берегах этот народ никем не отмечен, а доказательств странствий, к тому же столь ранних, по Волжскому пути пресловутых норманнов не существует. Впрочем, об этом мы поговорим чуть позже.

Глава 3

Славяне и хазары под Партавой

Хазарская орда под Партавой. Славянская речь воинов кагана. Странная «объективность» историков. Славяне в VII веке — внешность, одежда, вооружение. Искусство войны наших предков. Воины-звери — от антов до запорожцев. От ватаги к строю.

— Кто там на стенах?

— Наши дозоры.

— Что они видят?

— Дым над кострами.

*Дм. Фангорн,
«Князь»*

А уж славяне в Закавказье проникали точно, тут Шахрияр знал, что говорил. За несколько десятилетий до его письма арабскому правителю, в 628 году славяне «отметились» в Закавказье, причем именно в союзе с хазарами. Армянский историк Моисей Кагантакавацци в своей книге «История агван» сообщает об одном из прорывов северокавказского племени хазар в Закавказье. Войско кочевников осадило город Партаву — мы еще вернемся к этому городу, но уже под новым именем Бердаа. Не исчез он никуда и ныне, а под названием Барда стоит над одним из притоков Куры, у шоссе и железной дороги, соединяющей Агдам с Евлахом, в западной части Азербайджана. Тогда же это еще была

армянская земля — точнее, назывался этот край Албанией, но, дабы избежать путаницы с современной балканской страной, мы здесь от этого названия воздержимся. Итак, войско хазар осадило Партаву, требуя, по обычаю варваров, откупа. Вышедший вместе с другими послами или заложниками в лагерь осаждавших армянский летописец сам ходил между остро пахнущими кизяком кострами, слышал разговоры варварских воинов, видел, как они едят и пьют, утирая густые усы. Время во вражеском лагере Моисей провел с пользою — он записал несколько слов из языка сидевших у костров завоевателей. Историков результаты его любопытства очень удивили — все до одного слова, записанные Моисеем, оказались... славянскими! Так, знатных людей расположившиеся у костров воины называли тиунами — так и четыреста лет спустя, во времена «Русской Правды» Ярослава Мудрого, будут звать княжеских слуг на Руси. Несколько расходятся ученые в толковании хазарского названия черпака — «чором». Одни видят здесь «череп» — в значении горшка, а не головной кости, естественно... хотя чаши из черепов были ведомы славянам (болгарский князь Крум, например, сделал себе чашу из черепа побежденного византийского императора Никифора I) и нашли отражение в русских сказках, песнях («из буйной головы ендову скую») и былинах («Коли нет, княже, у тебя пивного котла — так вот тебе Тугаринова буйна голова!»). Другие — шолом, шлем, предполагая, видимо, что бойцы пили из шлемов, которые армянин в полумраке принял за чаши. Но все сходится на том, что это славянское слово. А мясной жир, которым марали усы ужинавшие у походных огней воины, они называли «сало». И если первые два слова хазары могли позаимствовать у славян — переняли же

венгры еще до поселения на Дунае титул «воевода», — то в заимствование кочевниками-скотоводами у земледельцев названия для сала мне лично верится с трудом. Остается предположить, что под стенами Партавы находилась вместе с хазарскими джигитами ватага славянских удальцов.

К слову сказать, одно из первых упоминаний славян мы, как ни странно, находим тоже в армянских книгах. Тезка бытописателя славянских бойцов Хазарии Моисей Хоренаци упомянул в V веке народ скалавацци, в котором еще Н. М. Карамзин узнал славян — склавинов, как их называли греческие и латинские авторы, сакалиба, как называли их арабы. И не просто славян, а прагосударство «Семь племен», на основе которого Аспарух, вождь кочевых болгар, создал Болгарскую державу. Есть еще более раннее упоминание — «суовены», обозначенные на карте Птолемея во II веке христианской эры. Однако ни то ни другое многие историки сейчас замечать не желают. Славяне, мол, упоминаются латинскими и византийскими историками с VI века, и точка. Тем паче, что именно в этом столетии появляется так называемая пражско-корчакская археологическая культура, с которой сейчас модно связывать возникновение славян, невзирая на то, что ни культуры полабских и балтийских славян, ни культуры их колонистов в Восточной Европе, кривичей и ильменских словен, не показывают никакой преемственности от нее. Или население Новгорода и Смоленска — не славяне?! Вообще, некоторые, весьма кичащиеся своей пресловутой «объективностью» историки именно в отношении славян странно необъективны. Что за дикий метод — начинать историю группы народов с первого упоминания книжного общего названия для этой группы? Тогда не может

быть никаких финских племен до первого упоминания финнов Тацитом, однако рекомые племена преспокойно украшают собой все карты доисторической Европы, начиная чуть не с каменного века. Тогда не германцы готы и тевтоны, которых видел Пифей во II веке до начала христианской эры, кимвры и те же тевтоны, ходившие несколько позже походом на Рим, поскольку слово «германцы» впервые употреблено Цезарем сто лет спустя. Тогда гунны не тюрки и не монголы — слово «тюрки» появляется в источниках в VI веке, имя монголов — четырьмя столетиями позже. Но этот метод применяется исключительно и только к славянам. Да еще отбрасывают два показания источников — Птолемея и Хоренаци. Отчего? Складывается впечатление, что некоторые историки испытывают какой-то мистический трепет перед каббалистической, апокалиптической символикой шестерки. Вопреки источникам, археологии, здравому смыслу — VI век, и точка!

К сожалению, Кагантакавацци не оставил нам подробного описания внешнего вида и вооружения этих воинов, поэтому придется обратиться к другим источникам. Начнем с внешнего вида. Армянин не зря, упомянув об усах, ни словом не заикнулся о бороде. Вопреки общераспространенному заблуждению, мужчины у древних славян и русов отнюдь не ходили поголовно бородатыми и с волосами до плеч. Волосы коротко остригали или же брили. Так же поступали и с бородою. Сколь-нибудь массовым отпусканье волос и бород стало только после крещения — франк Адемар Шабаннский так и пишет: «пришел из Греции некоторый епископ и научил их (русов. — *О.В.*) обычаю греческому относительно рождения бороды и всего прочего». Любопытно, что кроме христиан волосы и бороды отпускали их главные противни-

ки — языческие жрецы-волхвы. Золотые фигурки из так называемого Мартыновского клада, зарытого где-то за век до осады Партавы в Среднем Поднепровье, изображают пляшущих впрыскаду усачей с коротко стриженными волосами, в расшитых рубахах. И это не было заимствованием у степняков: на другом краю Славянщины, куда никакие степняки не проникали в самых своих сладких грезах, на уже упоминавшемся острове Рюген, четырехголовый кумир Свентовита имел, по одним переводам, коротко стриженные, по другим — и вовсе обритые волосы и бороды, «согласно народному обыкновению». Велеты-лютичи, у берегов которых находился Рюген, по словам Титмара Мезербургского, оставляли клок волос на макушке выбритой головы, и точно такую же прическу имел языческий польский князь Котышко, согласно «Великой хронике Польской». Так же выглядел наш князь Святослав Храбрый в X веке, по описанию Льва Диакона, а в Тьмуторокань¹ (нынешней Тамани) православная русская знать стриглась таким образом еще перед самым монгольским нашествием, немало удивив своим обличем захожего венгерского монаха Юлиана.

Доходило до смешного — в Константинополе одна из так называемых «цирковых партий»², которую правильнее было бы называть ипподромной, поскольку древний римский цирк Константинополя в те времена уже давно

¹ К этому древнерусскому городу прилипло в литературе нелепое и неблагозвучное наименование «Тмутаракань». Доходит до нелепостей — поставленный князем Глебом Святославичем памятный камень называют «Тмутараканским», хотя на нем ясно написано «Тьмуторокань» — безо всякого намека на множество вредных насекомых!

² Более всего эти объединения подданных Второго Рима напоминали современных футбольных фанатов — с той разницей, что имели размах и влияние, заставлявшее считаться с собою даже самодержцев-императоров.

исполнял исключительно обязанности ипподрома, а еще точнее было бы назвать ее, что называется, по делам, уличной группировкой, носила, шокируя почтенных прохожих, костюм из сравнительно короткой рубахи и просторных штанов. На этом странности в их облике не заканчивались — бороды уличные молодцы брили, а голову обривали почти целиком, оставляя только длинный хвост, растущий от макушки. На горожан такой облик действовал не менее ошеломляюще, чем на обитателей провинциального советского городка последнего десятилетия Союза — панковский «ирокез»: византийцы состригали волосы и бороду только в знак глубокого траура, императорской опалы или же, по судебному приговору, преступникам. Источник заимствования этого дикого, по меркам православного Царьграда, вида угадывается просто — группировка называлась «синими», а по-византийски это звучало как «венеты». «Венетами» же римские историки и писатели, как мы уже говорили, называли славян. Точно так же, кстати, парижская шпана лет сто-полтораста назад подражала длинными волосами, шейными платками и особого покроя рубахами индейцам-апачам и называла себя апашами.

Далее надо сказать несколько слов про оружие тех славянских бойцов, что первыми ступили на землю Закавказья. Византийский автор того времени Маврикий Стратег описывает вооружение славян как состоящее из лука со стрелами, двух копий, одно из которых, скорее всего, было легким дротиком, или, как это оружие называли славяне, сулицей, и большим — «труднопереносимым», по словам Маврикия — щитом. Тяжелого защитного доспеха славяне почти не знали в те времена — первый пластинчатый панцирь в славянских землях, на древлянском городище Хотомель, почти ве-

ком младше осады Партавы. Но не станем впадать и в другую крайность — слишком уж верить заявлениям византийских авторов, что славяне сражались без доспехов. Ведь если византийские хроники повествуют о «безбожных россах», а русские летописи — о, скажем, «безбожных половцах», мы не думаем, что упомянутые народы исповедовали научный атеизм. Когда киевский летописец в «Повести временных лет» утверждает, что окружавшие полян племена «не знали брака», мы не предполагаем, что восточные славяне были сторонниками монашеского безбрачия или свободной любви. Так же и в данном случае — конечно, видевшим пластинчатые латы закованных в железо вместе с конями всадников — «клибанофорос» Второго Рима, кожаные или стеганные (стеганные доспехи у западных славян упоминаются примерно в это же время, на Руси их называли тегелями) доспехи славян и за доспехи-то не считались. Но ведь славяне, даже не имея численного преимущества, умудрились разбить наголову панцирную конницу византийца Асбада на Балканах еще за век до осады Партавы. Были, конечно, и защитные наголовья — имея дело с вооруженными всадниками, либо быстро обучаешься беречь голову, либо теряешь ее. Есть изображения славянских воинов тех времен в конических и полукруглых шлемах. Стоит вспомнить и предполагаемое историками значение словечка, которое Моисей Кагантакаваца расслышал у дымных костров под стенами Партавы как «шором», — все-таки это звучит ближе к «шелому», чем к «черпаку» или «черепку».

Впрочем, что отдельные воины славянских дружин бросались в битву не то что без кольчуг, но даже без рубах и плащей — об этом определенно пишут византийские авторы, к примеру, Прокопий Кесарийский:

«иные не носят ни рубашек, ни плащей (остальные славяне, очевидно, все это носили. — О.В.), а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами». Только это происходило не от бедности этих воинов и не от неумения славян делать доспехи, а по совершенно другой причине — у славян, так же как у других европейских варваров — норманнов, германцев и кельтов, — были, по всей видимости, воины, шедшие в бой без одежды. В скандинавской «Саге об Инглингах» говорится, что такие одержимые бойцы «бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда. Такие воины назывались берсерками». Слово это одни переводят с норманнского как «медвежья рубашка» — от «бер», медведь (отсюда же наше «берлога») и «серк», рубашка (наше «сорочка» того же происхождения). Другие считают, что это слово обозначает «без рубашки». Римские авторы говорят об обычае отборных кельтских бойцов атаковать врага в одной боевой раскраске. Следы подобного рода веры в одержимость «звериным духом» и воинскую неуязвимость обильно сохранились в славянских былинах, преданиях, поверьях, заклätиях. В частности, отсюда же, предполагают исследователи, легенды об неуязвимых для обычного, незаговоренного, оружия оборотнях. Украинские казаки-запорожцы называли таких бойцов «характерниками». Среди «характерников» был и знаменитый кошевой атаман Иван Сірко, (то есть «Серый», украинское прозвище волка), и полковник Семен Палій («хто у воді врівні з водою, хто у траві врівні з травою, хто у лісі врівень з лісом, перевертень (оборотень) в лісі бісом? То Палій!»,

воскликает украинская песня), и сотник Захария Чепига — лица вполне исторические. Между прочим, вера в людей, способных «заговорить» себя или других от вражеского оружия, на Руси держалась очень долго — еще Павел I в своем уставе грозит карами подобным умельцам.

Поневоле приходит в голову «еретическая» мысль: а ведь во всем этом что-то есть, не может не быть. Иначе безумцы, верившие в чары, дарующие неуязвимость, вместе со своей верой сгинули бы в первом же сражении — война пустых иллюзий не терпит. А тут они сохраняются с первых упоминаний о славянах и до нового времени, пережив и Киевскую Русь, и Господин Великий Новгород, и Великое княжество Московское, а там — и Московское же царство.

Мечи у славян, скорее всего, тоже были, хотя и немного. Ведь сказал же примерно в те времена вождь дунайских славян Лаврита послам аваров, требовавших от его народа дани: «Родился ли и согревается ли Солнцем тот человек, что покорит землю нашу? Не отдавать свою землю, а владычествовать над чужою привыкли мы, и в этом мы уверены, пока есть на свете война и МЕЧИ». Чуть позже поляне выплатили дошедшим до них хазарам дань «по мечу от дыма» — в раннее Средневековье вполне обычное дело, вспомнить хотя бы короля Кнуда, бравшего с Дании дань боевыми секирами, или варинов-варягов, плативших королю остготов Теодориху дань мечами. Хотя, конечно, нельзя упускать из виду еще одной возможной трактовки летописной легенды. Согласно ей, «меч от дыма» надо понимать в том же смысле, в каком нынче говорят — отряд в сто штыков или, скажем, в двадцать сабель. В таком случае, можно представить, что полян обязали выставлять по

воину-мечнику от дыма — родовой общины. Так стало бы гораздо понятней, откуда в войске каган-бека под Партавой славянская речь. Но была ли полянская дань хазарам символической или нет — с мечами они, судя по этому преданию, были знакомы. Вот только были ли эти мечи трофейными или произведением своих, славянских, ремесленников — на это пока нет ответа. И вооружены ими, скорее всего, были далеко не все. Гораздо большему числу воинов в ближнем бою приходилось полагаться на длинные боевые ножи, топоры и дубинки. И это не было такой уж дикостью — например, татаро-монголы ещё в XIII веке, через шесть веков, были, вопреки фильмам и рисункам, в которых орда орущих кочевников поголовно размахивает над косматыми шапками кривыми клинками, в основной массе вооружены... дубинками, в лучшем случае — легкими топориками-чеканами. Сабли могли себе позволить лишь знатные и состоятельные люди, что, как известно, ничуть не мешало монголам побеждать вражеские армии.

Вот еще вопрос — как воевали славяне? Судя по всему, славяне использовали несколько способов ведения войны. Особенную сноровку, по отзывам византийцев, они проявляли в том, что мы бы назвали партизанской войной — нападения из искусно подготовленных засад, стремительные маневры, диверсии. За век до Партавы, во время войны с готами в Италии, полководец восточно-римского императора Юстиниана I, прославленный Велизарий, когда ему потребовался пленник, способный рассказать о планах противника, вынужден был вызвать к себе одного из воевавших в его армии славян. И тот сумел, миновав часовых, проникнуть в глубь вражеского лагеря, выкрасть одного из знатных готов — человека наверняка не хилого и не робкого десятка — и доста-

вить пленника к Велизарию. Это, так сказать, первый описанный историками «пластун» — как позднее русские казаки называли своих искусных разведчиков, вполне способных вот так вот выкрасть из вражьего лагеря татарского мурзу или польского полковника.

Вскоре славяне стали вступать в открытые сражения, в том числе и с численно превосходящим, отлично вооруженным противником, как мы видели это на примере Асбада. Более того, к VII веку они обучились брать штурмом города (эта опасность серьезно угрожала Фессалонике, будущей родине просветителей славянства Кирилла и Мефодия) — так что Партаве угрожала нешуточная опасность. Еще за век до ее осады Иоанн Эфесский замечал, что славяне «научились воевать лучше, чем римляне». «Римлянами», ромеями называл себя народ, который позднейшие авторы называли и называют византийцами. На самом деле Византией или Византием именовалась столица Восточной Римской империи, иначе известная как Константинополь, а славянам — и как Царьград — Царь городов, Город царей...

Описанное Маврикием вооружение, в особенности «труднопереносимый» щит, наводит на мысль либо о конниках, либо о крепком строе. Славяне, конечно, сражаться верхом умели — не скандинавы все-таки, для которых бьющийся верхом соотечественник (выучившийся этому в рыцарской Европе) выглядел еще и в XIV веке каким-то страшным чудом. Вот только конников, как и мечников, у славян было немного, и большинства они в войске не составляли ни тогда, ни три века спустя, во времена походов киевских князей Игоря Старого и Святослава Храброго. Именно поэтому славяне часто выступали вместе с конными кочевыми племенами, и если славяне под Партавой выглядят вполне

равноправными союзниками, то их сородичи, славяне-«бефульчи», в Аварском каганате того времени были, что называется, «пушечным мясом», которое гнали впереди себя на укрепления ромеев или франков надменные завоеватели-авары. Каган Байан цинично хвастал: «Я таких людей пошлю на Римскую империю, потеря которых не будет для меня чувствительна, хотя бы они совсем погибли». Впрочем, аварский каганат со временем пал, а отношения славян с кочевниками уже в X веке приняли прямо противоположный характер: Великий князь Киевский Игорь Старый во время похода на греков «повеле» степнякам разорять Болгарскую землю (болгары предали Игоря, сообщив грекам во время предыдущего похода о передвижениях русского войска), а араб ибн Хаукаль, которому предстоит еще появиться на наших страницах, называет печенегов «острием в руках русов, которое они (русы. — О.В.) поворачивают против своих врагов».

Поэтому вернее, мне кажется, вспомнить про другие примеры «труднопереносимых щитов» в комплекте с копьями: у эллинских гоплитов, римских легионеров и зулусов короля Чаки. Такой щит ясно говорит об умении биться в плотном пешем строю — фаланге, когорте, — ибо вне строя становится обузой для своего хозяина, обузой часто смертельной, зато в плотно сомкнутой линии это фактически подвижная крепость, способная дать достойный ответ даже конному противнику. Кстати, в последнее время часто стали встречаться заявления, что русская «стена щитов» — изобретение викингов и от них пришло к нам вместе с варягами. Тут все перепутано. Викинги — это не нация, это — занятие, викингами называли и природных скандинавов, и славян-вендов из Южной Прибалтики, и балтов с эстонцами, но с легкой

руки Голливуда это слово почему-то стало обозначением раннесредневекового скандинава, пошли бессмысленные разговоры про «жилища викингов», «религию викингов», «женщин викингов»¹. Во-вторых, варяги — это как раз не занятие и не какие-то сбродные дружины. Все источники, упоминавшие варягов, будь то саги норманнов, наши летописи, указы императоров Второго Рима или сочинения мусульманских географов, указывают их в ряду НАРОДОВ, говорят про «варяжский язык» и «варяжскую землю» — в то время как до XX века нигде нет словосочетаний типа «язык викингов» или «страна викингов». Летописи: «вои многи, варяги, и русь, и словене, и чудь, и мерю», византийские грамоты: «варанги, россы, сарацины, франки», скандинавские саги: «у норманнов и верингов»... Да, уважаемый читатель, «норманнов и верингов» — это РАЗНЫЕ народы. Местопребывание варягов на южном побережье Балтики яснее ясного обозначено целым рядом источников, об этом просто нет сейчас места говорить. Ну и, наконец, норманнские викинги как раз «стеной» щитов выстраивались только в обороне. Атаковали они клином — если вообще давали себе труд удерживать в бою хоть какой-то строй. Тот же Маврикий весьма скептически отзывался о способности северных белокурых народов к сколь-нибудь согласованному поведению в бою. Это прекрасно проявилось через четыре века после Маврикия, в битве при Стамфорд-Бридж, в Анг-

¹ Кстати, в устах настоящих средневековых скандинавов слово «викинг» звучало вовсе не комплиментом. Скандинав тех времен, услышав, что его время будут называть «эпохой викингов», скорее всего, обиделся бы не на шутку — как обиделся бы законопослушный американец 20-х годов XX же века, назови кто Америку «страной гангстеров» или его время — «эпохой гангстеров».

лии, где Харальд Гардрада, конунг-поэт, зять Ярослава Мудрого, пал смертью глупых (да простят меня поклонники скандинавов, но назвать по-иному поведение бывалого воина, умудрившегося ЗАБЫТЬ кольчугу в ладье при высадке на враждебный берег и не способного навести порядок в собственном войске, я не могу). При первом наступлении англичан дружинники Харальда сомкнули эту самую «стену щитов», но как только разбившиеся о пресловутую стену отряды англо-в стали отступать — норманны сломали строй и кинулись вдогонку.

Тут-то на поле битвы и появилась рыцарская конница англичан...

Хм, мы удалились очень уж далеко и от Кавказа, и от славян с русами.

Вернемся хотя бы к славянам.

Вот именно для них боевые действия в «стене» были привычны. Так они действовали в X веке и позднее. А кулачные бои «стенка на стенку», сохранившие тактику и боевые навыки, привычные еще бойцам князя Святослава Храброго, дожили до прошлого столетия. Минимум уверток, минимум блоков, ноги используются лишь в подсечках и затаптывании — все это подспудная память о бойцах за огромными щитами, в плотном строю, в котором не повертись и не попрыгаешь, а удар, собственно, один — укол копьем или боевым ножом (в кулачном бою — прямой удар кулаком) сверху или сбоку от щита.

Напоследок, кстати, стоит развеять одно из связанных со средневековой войной заблуждений, подкрепляемое «историческими» книгами и фильмами. Столкновение двух средневековых армий выглядит в них как сближение двух бегущих, орущих, потрясающих оружием

толп, которые сталкиваются, перемешиваются, и бой тут же рассыпается на множество поединков. Нет ничего более далекого от действительности средневековых и древних войн, а возник этот образ из механического перенесения в глубокую старину... штыковой атаки XX века. Немудрено, что во времена, когда потери от огнестрельного и прочего дистанционного оружия приближаются к ста процентам, солдаты прилагают все усилия, чтоб преодолеть простреливаемое пространство между боевыми порядками побыстрее. Но еще во времена наполеоновских войн «пуля-дура» вкуче с ядрами брала лишь тридцать солдатских жизней из ста — остальное приходилось на долю «штыка-молодца» и его старших «родственников» — палаша, тесака, сабли и пики. И в атаку тогда шли плотно сомкнутыми рядами, держа строй, под мерный рокот барабанов и пение флейт. А ведь в это время уже не было доспехов и щитов, с одной стороны, надежно оборонявших воина от стрел или снарядов пращей, с другой — сильно обременявших его. В самом деле, читатель, если Вы мне еще не поверили, настоятельно рекомендую оснаститься весовым аналогом самого легкого из доспехов — стеганого (две обычные телогрейки вполне подойдут), надеть на голову стальной шлем, засунуть за пояс длинный нож, топор, а в руки взять две палки подлиннее (это у нас будут копья) и что-нибудь вместо щита, можно — большую доску (помните — «труднопереносимый»?). Ну и как, читатель, готовы Вы к спринтерскому забегу? И имейте в виду, раздумывая над ответом, что на финише от Вас требуется порвать отнюдь не тонкую ленточку, а здорового, вооруженного, обуреваемого теми же стремлениями мужика, причем, возможно, не одного. Хорошо задумайтесь над этим — и тогда, думаю, поверите, что

средневековые армии сходились неторопливо и пуще зенницы ока берегли строй (за исключением сорвиголов вроде описанных выше скандинавов — так то ж не войско, то ж викинги, джентльмены удачи, так сказать). Между прочим, в воинских уставах несколько более позднего времени конному латнику рекомендовали приближаться к вражескому воину с такой скоростью, «как будто бы он везет на седле впереди себя свою невесту». Романтично сказано — но суть-то вполне прагматична: выдохнется конь, и не сможет своим весом смести вражью пехоту, нести на себе вооруженного и доспешного хозяина в сечу. Недаром на Чудском озере пехота Тевтонского ордена (состоявшая, кстати, не из загадочных «кнехтов» в шлемах-тазиках, фигурирующих в малоисторичном фильме Эйзенштейна, а из чуди-эстонцев) шла в сердцевине клина, не особенно отставая от конных господ-рыцарей.

Но, покончив с вопросами внешнего облика, вооружения и боевой тактики славян, мы оставили без рассмотрения гораздо более насущные для нашего рассказа вопросы. А именно — откуда появились славяне в хазарском войске и что представлял собой каганат тех времен?

Глава 4

Арабско-хазарская война: славяне по обе стороны фронта

Языческий каганат. Анты в Приазовье и их соседи. Знамя джихада в Железных Воротах. Битва при Ардебиле и славяне под зеленым знаменем. Горький выбор Небула. Воины-язычники на службе правоверных владык. «Стремительный рейд» Мервана Безжалостного. Славянский Ронсеваль. «Славящий Солнце» мстит. Невеселые уроки истории.

Двойным путем ведет его судьба —
Она и в имени его двуглава:
Пусть SCLAVUS — раб, но
Славия есть СЛАВА:
Победный нимб над головой раба!

М. Волошин,
«Ангел времени»

Хазары («акациры» готского историка Иордана, «козаре» русских летописей) на тот момент были одним из самых сильных кочевых племен Предкавказья. Кто они были, доподлинно не известно — одни из источников объединяют их с болгарами и печенегами, в таком случае хазары — тюрки, точнее, отуречившиеся, тюркоязычные скифо-сарматы. Эта версия сейчас принята большинством — хотя считавшиеся ранее тюркскими рунические надписи, найденные на территории каганата, оказались именно сарматскими. Ради справедливости надо упомянуть, что некоторые источники роднят хазар с гру-

зинами и армянами, а видный дореволюционный историк Дмитрий Иловайский рассматривал их как черкесское, то есть вайнахское, родственное чеченцам и ингушам племя. Впрочем, поскольку большинство имен (Булан, Рас-Тархан, Чичак), званий, титулов (каган, бек, тудун) и названий (Саркел, Итиль, Семендер) Хазарии тюркские, проще будет и нам присоединиться в данном случае к большинству и считать хазар именно тюрками. По внешности хазары изначально были ярко выраженными монголоидами — издеваясь над ними, армянский правитель осажденного Тифлиса выставил на стене чучело, изображавшее их кагана, с тыквенной «головой», двумя дырами вместо носа, редкими ветками, призванными изображать чахлую растительность на подбородке и верхней губе повелителя хазар, но без глаз — большеглазый армянин узкие щелочки, сквозь которые глядели на мир кочевники, за глаза считать отказался. После взятия хазарами города правитель Тифлиса, имевший несчастье попасть в плен живьем, горько поплатился за свое остроумие — ему отрезали нос и выкололи глаза, уподобив изготовленной им карикатуре на кагана. Схожим образом описывал, кстати, вторгшихся в Закавказье хазар наш знакомый, Моисей Кагантакавацци, добавляя распущенные, как у женщин, волосы. Впоследствии арабские авторы видели во главе каганата так называемых белых хазар, чья внешность больше соответствовала кавказским и ближневосточным канонам красоты, но это была не первоначальная внешность племени, а свидетельство иноплеменного происхождения новых хозяев каганата.

Столицей каганата в то время был город Семендер на дагестанском берегу Каспия, база для молодецких налетов на основную добычу хазарских джигитов — богатые земли Крыма и Закавказья. Правил каганатом священный царь-жрец каган из рода Ашина, то есть волчьего рода — золотая голова волка изображалась на

хазарских знаменах. Правда, при этом его трон не наследовался — из многочисленных Ашина кагана выбирали. В битвы же хазарскую конницу водил военный вождь — каган-бек. Кое-кто из знати хазар принимал христианство, кое-кто во времена того самого Хосрова Ануширвана не без его помощи принял зороастризм, кое-кто принимал религию враждебных арабов — ислам, но в целом хазары, и знать, и простой народ, исповедовали религию предков, будучи язычниками-шаманистами. Почитали Синее Небо — Тэнгри, и Солнце, и всевозможных духов, и пращуров, которым воздвигали изваяния на курганах. Одним из кумиров религии хазар был сам священный царь-каган. Считалось, что от него напрямую зависят и удачливость хазар на войне, и плодородие земель и стад хазарского племени.

Границы Хазарии упирались в бассейн Дона на западе и в дельту Волги — на востоке. Вместе с собственно хазарами жили в их державе родственные им племена черных болгар хана Батбая, савир и барсилов, угорские — венгры и буртасы и аланы — предки осетин и потомки прежних хозяев степей — скифо-сармат. А на западных границах молодого хазарского государства обитали и собственно славянские племена, обильно и безбоязненно заселившие щедрые черноземы Дона и Кубани, по всей видимости, потомки антов. Так с четвертого по седьмой век именуют выдавшуюся далее всех на юго-восток часть славянских племен. Готский историк Иордан пишет о них так: «На безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям¹, все же преимущественно

¹ Например, в Восточной Европе, на землях будущей Руси, роды потомков вождей Радима и Вятко дали названия народам радимичей и вятичей, а дреговичи, бужане и древляне получили названия по месту обитания: «дрыгве»-болоту, берегам реки Буг и лесам.

они называются склавинами и антами... Анты же — сильнейшее из обоих племен — распространяются от Дана-стра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину». Иордан, писавший в готской Италии, пользовался теми сведениями о расселении антов, которые сохранили готские предания о войнах с ними, — мы еще дойдем, читатель, до одного из таких преданий. Но за два века, отделявшие стычки готов с антами на берегах Понтийского (Черного) моря и впадающих в него рек от написания Иорданом его «Деяний и происхождения готов», анты не сидели на одном месте. Во всяком случае, византийский автор VI века Прокопий Кесарийский упоминает этот славянский народ к северу от Меотиды, как многие писатели Второго Рима по античной традиции величали Азовское море. А в эпических преданиях кабардинцев и адыгейцев упоминаются герои из племени антов, их сражения с готами, гуннами, римлянами. Более того, имя Ант¹ встречается на погребальных

¹ Происхождение самого имени «анты» — загадка для исследователей. На сегодняшний день существуют три варианта ответа на этот непростой вопрос, три версии. Первая, «гуннская», производит «ант» от монгольского «аньда» — побратим. Что анты были союзниками гуннов в войнах с Византией и с готами, хорошо известно. Более того, тогда и «исчезновение» антов в VII веке объясняется предельно просто: анты не исчезли, они просто перестали быть союзниками-«аньда» степняков — теперь уже не гуннов, а аваров, превратившись в их данников. Очень убедительная версия, дело за малым — хоть каким-то доказательством, что гунны говорили по-монгольски. Вторая версия уводит нас в дни догуннского нашествия, когда славяне соседствовали на берегах Днепра со скифо-сарматскими племенами, иранцами по языку. На индоиранских наречиях «ант» — крайний, на краю живущий, так сказать, «украинец». Якобы так называли скифо-сарматы тех, кто обитал на краю их владений. Наконец, славянская версия рассматривает «ант» римских источников как передачу славянского слова со значением «высший, лучший, старший». Позднее оно произносилось как «вящий», но первоначально должно было звучать как «венчий», «ванчий». Отсюда же якобы и «венеты». Хазары передают звучание имени славянского народа вятичей как «вантит». Я затрудняюсь выбрать из этих версий и предоставляю сделать это читателю.

плитах Боспора Киммерийского (эллинского города на Керченском проливе) еще в III веке. В этих же местах кочевали болгары до того, как после проигранной войны с хазарами ушли за Дунай, на Балканы. Любопытно, что в «Именнике болгарских ханов», в рассказе о временах до перехода, встречаются очевидно славянские имена Гостун и Безмер, ясно говорящие, кто был соседями болгар в Донских степях.

В начале VIII столетия хазары, привыкшие нападать на соседей сами, получили вдруг неприятный сюрприз — на сей раз напали на них. Угроза шла из тех краев, которые хазары и их союзники считали верным источником военной добычи — из Закавказья. На сей раз Железные Ворота Дербента распахнулись на север — арабские халифы, покончив с внутренними неурядицами, решили укрепить свою власть на Кавказе и покончить с набегами северян-язычников. Ко всему прочему, варваров-кочевников очень крупно, выражаясь современным языком, «подставила» православная Византия, заключив с ними союз против угрожавших Восточному Риму мусульман — и ограничившая благодеяния союзнику тем, что высватала за молодого императора Константина V с неблагозвучным прозвищем Копроним (по-русски... гм, как же это помягче-то — Навозноименный, пожалуй) хазарскую княжну Чичак (а вот ее имя обозначало Цветок; вот уж воистину неравный брак!). Зато арабские правители приняли этот союз вполне серьезно — и полчища под зелеными знаменами джихада устремились на север.

За спиной завоевателей было мощнейшее, по средневековым меркам, государство и огромные, почти неисчерпаемые людские и материальные ресурсы Ирана, Закавказья и Средней Азии. За хазарами был непрочный, спаянный воедино лишь военной удачей господствующе-

го племени, хазар, и авторитетом их священного жреца-кагана, тоже, как мы помним, напрямую зависевшим от удачи, союз народов, говоривших на самых разных языках — славянских, тюркских, угорских, кавказских — и чтущих богов разными обрядами. И тем не менее хазары долго, и первое время вполне успешно, отражали натиск захватчиков. Иной раз арабским полководцам доводилось отступать в такой, мягко говоря, спешке, что победителям доставалась не только войсковая казна арабов, но даже гарем их предводителя! Нас, однако, интересуют те из битв этой войны, в которых так или иначе были задействованы славяне. В долине Ардебиль, на землях современного Азербайджана, столкнулись в 730 году войска Барджиля, сына старого кагана, незадолго до этих событий внезапно умершего — страной управляла его вдова и мать Барджиля, Парсбит, — с армией арабского полководца Джарраха. Джаррах этот, по отзывам земляков и современников, человек превосходной щедрости, был, по-видимому, еще и человеком безрассудной отваги, так как атаковал превосходящие силы противника (с другой стороны, вполне возможно, что такими превосходящими силы хазар стали уже под пером, то есть каламом, описывавших разгром Джарраха мусульманских летописцев). Побоище продолжалось три дня, на последний арабы обратились в бегство под первым же натиском противника, но один из приближенных Джарраха остановил их гневным окриком: «В рай, мусульмане, а не в ад! Идите по пути Бога, а не шайтана!» — напомнив тем самым одну из главных заповедей ислама — воин, павший в войне с неверными, получает спасение души. Соответственно, видимо, трусу на рай рассчитывать не приходится. Увы, даже этот призыв смог лишь побудить арабское войско сражаться, а не спасти его от поражения. К вечеру все было конче-

но, погиб сам Джаррах, а из двадцатипяти тысяч воинов уцелело едва больше сотни. Пленных хазары не брали — «прекрасный и щедрый» Джаррах во время своих первых, более успешных походов разграбил курганы хазарских воинов, одну из самых заповедных святынь кочевников, — когда-то еще Иданфирс, повелитель скифов, насмешливо писал вторгшемуся в его страну персу Дарию, попрекавшему его трусостью и вызывавшему на битву: «У нас нет ни городов, ни пашен, чтобы их защищать; если хочешь сражаться с нами — попробуй прикоснуться к курганам наших предков, и ты узнаешь, какова ярость скифского племени». Из уцелевших, отлично знавших об отношении восточных деспотов к дурным вестям и тем, кто их приносит, лишь один пришел в Багдад к халифу Хишаму и рассказал повелителю правоверных о гибели его войска и полководца. По сообщениям арабских авторов, этот храбрец был «сакалиба», то есть... славянин!

Получается, славяне в арабско-хазарском конфликте сражались по обе стороны фронта. Как это могло произойти? Сразу скажу: донские анты, потомки воинов, осаждавших с хазарами Партаву, не предали своих союзников. Славяне, «златокудые сакалиба», как поэтично называли их восторженные арабские писатели, появились в арабском войске совсем из других земель. В 688 году император Восточного Рима Юстиниан II (не путать с Юстинианом Великим, известным одним читателям как составитель знаменитого Юстинианова кодекса, легшего в основу современного права, а другим — как герой романа Валентина Иванова «Русь изначальная» и снятого по нему фильма, где императора сыграл Иннокентий Смоктуновский), нарушив мирный договор, вторгся на территорию Болгарии. Захватив огромный славянский полон, Юстиниан расселил пленников в пограничной с

арабами феме-области Опсикιον. Через пять лет император отобрал из числа пленников тридцать тысяч мужчин, вооружил, поставив над ними знатного славянина Небула (Небывалого?) — или это имя надо читать как «Невол» (звуки «б» и «в» передаются в греческом письме одним знаком) и видеть в нем горькое прозвище пленника? Пополнив это воинство ополчением крестьянских общин, Юстиниан разорвал мирный договор с арабами и атаковал их. Тщетно арабские послы напоминали православному владыке о договоре и предлагали мир. Первая битва под малоазиатским городом Севастополь (современный Сулу-Сарай в Турции) показала мощь славянского оружия — арабы были разгромлены. Юстиниан торжествовал победу.

Вот только владыке, столь беззаботно относившемуся к собственному слову, не стоило слишком уж полагаться на чужую верность, и особенно — на верную службу тех, кого он лишил родины. Вскоре Небул во главе двадцати тысяч славян перешел на сторону арабского полководца Мухаммеда, эмира Месопотамии. Византийские авторы, конечно, не сомневались, что варвара подкупили — всем ведь ведомо корыстолюбие диких язычников, да и что еще могло отвратить этого дикаря Небула от беззаветной преданности добрым христианам, ворвавшимся в его землю, истреблявшим сородичей, спалившим дом, разрушившим алтари, разлучившим с могилами пращуров?

Понятное дело, подкуп. Некоторые хронисты Восточного Рима с уверенностью очевидцев даже сообщали, что люди эмира Мухаммеда передали-де неблагоприятному варварскому князьку аж целый колчан золотых монет.

Говорят, каждый судит по себе, или, выражаясь более современно, — в меру собственной испорченности.

Мы можем осуждать Небула — ведь арабы, собственно говоря, были немногим лучше — если вообще лучше — православных завоевателей. Они были столь же нетерпимы к чужой вере, их войны точно так же жгли чужие земли и поработщали народы. Но не надо забывать, что для Небула и его людей византийцы были не абстрактным, а вполне конкретным злом. Именно император Восточного Рима, а не кто-то иной, подверг родные края славян разорению, а их самих — лишил свободы. Арабы же были, как говорится, «врагом моего врага». Небул был не первым и не последним, кто допустил такую ошибку, а в исторической перспективе это все же, как мы увидим, была ошибка.

В следующем сражении наголову разгромлен оказался уже Юстиниан — как видно, славянское оружие немало значило на поле боя! Позорно бежавший император сорвал злобу на славянских семьях, живших в пределах православной империи. По его приказу множество славянских семей было истреблено вместе с женщинами и детьми на берегу Никомидийского залива в Мраморном море. Мусульмане же, высоко оценив боеспособность славянских воинов, расселили их в трех городах — Мараше (современный Караманмараш в Турции), Дулуке и Рабанае, — определив им содержание за счет налогов, обязав воинской службой и предоставив женщин для создания семей. Насколько именно арабы ценили перешедших к ним славянских воинов, говорит такой факт. Халиф Умар II, правивший в 717—720 годах, упоминая население трех городов, где жили славянские воины, говорит о них как о тех, «чьи души следует привести к согласию», и далее — «Славяне и (!) те, кто принял ислам». *Тридцать лет* посреди средневековой мусульманской страны живут воины-язычники — и никто не требует от них с ножом к горлу отказаться от

идолов и принять истинную веру! Только представить себе: беленые стены и дувалы, пронзительный крик муэдзинов летит над минаретами — и тут же, во дворе славянских воинов, деревянные кумиры вдыхают дым костра. «Те, чьи души следует привести к согласию» — исламская формула, обозначающая дружественных иноверцев, коих к истине следует склонять убеждениями и щедрыми дарами. Умар и речь о славянах завел в связи с такими вот подарками.

Вот из таких витязей-язычников на службе повелителей правоверных, очевидно, и происходил славянский воин, принесший халифу Хишаму известие о гибели полководца Джарраха и его воинства.

Арабы после разгрома в Ардебиле не оставили своих притязаний на Северный Кавказ и Предкавказье. В 737 году за Железные Ворота двинулась армия, которую возглавил брат халифа, Мерван ибн Мухаммед. Мерван начал поход с того, что, выстроив укрепленный лагерь в «двадцати фарсангах¹» от Тифлиса (Тбилиси)... предложил кагану мир. Когда каган, принявший предложение (снабженное по обычаю как тех, так и более поздних времен дарами), отправил встречное посольство, Мерван, ничтоже сумняшеся, наплевал на неприкосновенность посла, сделав его первым пленным этой своей кампании. Отпустил он посла хазар лишь после того, как преодолел (одна часть войска шла на север «Воротами Ворот», другая — Дарьяльским ущельем) горные перевалы и оказался на земле каганата. Арабские источники — уж не берусь сказать, насколько достоверно — оценивают численность его армии в сто пя-

¹ *Фарсанг* — принятая на средневековом Востоке мера длины, к сожалению, слишком часто колебавшаяся, чтобы ее можно было уверенно и однозначно перевести в метрическую систему.

тьдесят тысяч человек. Войска халифата захватили Семендер, кагану с сорока тысячами воинов пришлось бежать к устью Волги, в небольшой город, называвшийся по хазарскому имени великой реки Итиль, в город, которому предстояло стать столицей потомков кагана. Мерван, которого грузины прозвали Безжалостным, настиг отступающих, разбил хазарское войско и разорил Итиль; после этого его воины направились в земли «сакалиба и других неверных». Как сообщает нам арабский историк аль Куфи, войска Мервана достигли некой Славянской реки, в которой большинство исследователей видит Дон. Аль Масуди называет эту реку, следуя античной традиции, к которой часто прибегали арабские авторы, когда им не хватало знаний об описываемых краях, Танаисом. По берегам Танаиса, говорит аль Масуди, «обитает многочисленный народ славянский и другие народы, укорененные в северных краях». Судя по дальнейшим действиям арабского полководца, Славянская река не слишком радушно встретила пришельцев, и Мерван прибегает к тактике «выжженной земли»: разрушено двадцать тысяч домов, угнано в плен двадцать тысяч семей...

Честно говоря, не знаю я, читатель, как относиться к этим цифрам, сообщаемым источниками. С одной стороны, верится не очень — ведь речь шла не о нынешних «мама, папа, я», а о *нормальных*, традиционных семьях с двузначным числом чад и домочадцев. У прадеда автора этих строк было пятнадцать детей — а ведь это уже православная Россия, не знавшая языческого многоженства. Предположим, потери Мервана ибн Мухаммеда в первых боях были незначительны; предположим, что он мог ограничиться выделением на охрану каждой семьи только одного воина — и все равно охрана такого полона, да еще в родной для пленных земле, оттянула

бы на себя чересчур большое число воинов. А чем их кормить? Веками двумя раньше полководец восточно-римского императора Юстиниана Великого, евнух-армянин Нарзес, воюя в Италии, захватил шесть тысяч пленников — готов и италийцев — последних, как заявляла Византия, ее воины пришли освободить от ига готов, варваров и еретиков-ариан. Столь обширный полон в такой степени стеснил византийское войско, что Нарзес, не моргнув глазом, распорядился попросту перерезать пленных — шесть тысяч человек, европейцев и христиан. И несколько удивительно, что араб-мусульманин оказался снисходительней к пленным язычникам.

С другой стороны — по крайней мере, можно, основываясь на сообщениях аль Куфи, сказать, что берега Славянской реки были населены очень плотно.

Любопытно, что именно после этого, вместо того чтоб атаковать обремененную немислимым количеством пленных армию брата халифа, каган признает свое поражение, заключает мир на условиях, продиктованных Мерваном, и даже принимает ислам — разумеется, на время. Создается впечатление, что и здесь, как в войне Юстиниана II с войском эмира Мухаммеда, славяне были своего рода решающим резервом, главным козырем, и если Мерван разорил берега Славянской реки, захватил в плен их обитателей, то каганату больше не на что надеяться.

Пленных славян Мерван ибн Мухаммед разместил в землях Кахетии. Очевидно, он хорошо помнил, какими отличными воинами были славянские поселенцы на византийской границе, да только не учел одного простого обстоятельства — те, потомки воинов Небула, и те славянские витеязи, что приходили служить арабским халифам до и после него, служили добровольно, по собственному выбору. Юстиниан же, пытавшийся сделать воинов

из подневольных, из пленников, потерпел сокрушительную неудачу. Неудачу потерпели и планы Мервана Безжалостного — через несколько лет переселенные им славяне взбунтовались, убили поставленного управлять ими наместника-эмира и двинулись назад, на родину. Увидеть вновь берега Дона пленникам было не суждено — арабское войско настигло их и почти всех истребило. Уже упоминавшийся на наших страницах император Восточно-Римской империи Маврикий Стратег пишет про славян и антов: «Этот народ никаким образом нельзя сделать рабами или принудить к повиновению...» Жаль, что арабские летописцы не удостоили упоминания место, где их конница настигла беглых полонян. Мы так и не узнаем, в каком краю сложили свои головы свободолюбивые потомки донских антов. По справедливости, вся эта история должна бы быть столь же памятна каждому русскому, как памятна всякому французу воспетая менестрелем Турольдом геройская гибель рыцаря Карла Великого, графа Роланда, павшего вместе со своим отрядом в пиренейском ущелье Ронсеваль, но не пропустившего мусульманские полчища¹ в родное королевство. Что ж поделаешь, жизнь не так уж часто бывает справедлива. Нам, потомкам, остается лишь представлять, как шли и шли эти люди — мужчины, женщины, несущие на руках малышей, цепляющиеся за их подола дети постарше с потрескавшимися от жары губами, день за днем вглядываясь в северный горизонт — где он, Донбатушка? Как пило их слезы — злые слезы мужчин, тихие слезы женщин, чистые слезы детей — злое кавказское солнце. И как одним безоблачным утром это солнце за их спинами заблестело на вязи кольчуг, сереб-

¹ Напоминаю читателю, что Испания в те времена была под властью мусульманских эмиров Кордовы.

ряной насечке обвитых чалмами шлемов. Как мужья и отцы обступали стеной своих жен, матерей, дочек и сыновей, готовясь к последней и безнадежной схватке с поработителями...

Видно, эта история чему-то научила арабского правителя — или просто силы халифата уже истощались, — но более арабы уже не предпринимали таких походов на север от Кавказских гор. Мерван же после своего, как обозначили его арабские писатели, «стремительного рейда», узнав об убийстве своего брата, халифа Валида, спешно вернулся в родную державу и в Дамаске провозгласил себя халифом. В державе правоверных разгоралась очередная смута, через семь лет в ней погиб и Мерван. Любопытно, что среди его противников во время гражданской войны был славянский воин с именем, которое можно прочесть¹ как Солнослав («Славящий Солнце»), — всадник и командир отряда. Сражались ли славянский витязь против Мервана ибн Мухаммеда из верности своему арабскому покровителю или мстил

¹ Читать арабские рукописи, особенно средневековые, — нелегкая задача. Правильное прочтение того или иного знака может зависеть от малейшей закорючки, от точки, от положения знака в слове и чуть ли не от положения слова в предложении — и это когда речь о собственно арабских словах. Когда же арабы берутся передавать иноземные имена и названия... Аль Масуди перечисляет славянские народы Европы: «Затем следует славянское племя Астабрана (варианты: Астабвана, Астарана, Вастарана или Вастарая. — *О.В.*), которого царь в настоящее время называется Саклаих (варианты: Сакландж, Садлайдж, Сакла, Сакландж. — *О.В.*); еще племя, называемое Дулаба (варианты: Дулана, Длавана, Дулая. — *О.В.*), царь же их называется Вандж-Слава (Вандж-Алаф, Вандж, Ванджелак, Вахсла, Тала — это все варианты одного имени! — *О.В.*), затем племя, называемое Бамджин (Ямхик, Махас, Набаджин, Набгир, Намджин. — *О.В.*), а царь называется Азана (*Гарана, Араба, Арата, Ара, Гарата. — О.В.*). Хватит, пожалуй. Ладно еще «Дулаба» с «Вандж-Славой» легко поддаются прочтению — это дулебы (причем неясно, какие — прикарпатские или чешские), с князем Вячеславом. Но остальные: мука мученическая!

захватчику Мервану за разоренные родные края, угнанных в полон и истребленных сородичей — теперь уже узнать невозможно...

После гибели Мервана прервался халифский род Омейядов. Как обычно бывает, когда обрывается династия, в стране началась смута, сцепились многочисленные претенденты — законные, не очень и просто желающие — занять опустевший престол. Арабам стало не до далеких северных земель за Железными Воротами Дербента.

Не без тяжелого чувства переворачиваю я, читатель, последнюю страницу арабско-хазарских войн и участия в них славян. Я бы даже сказал — не без тягостного недоумения. Потому как славяне оказываются во время этих войн отличными воинами — но только не тогда, когда надо воевать за себя. Почему воины Небула не разбили византийцев на своей родной земле, в Болгарии, коль скоро с таким успехом разгромили их в сирийской пустыне, сражаясь под зеленым знаменем халифата? Почему позволили захватить себя в плен двадцать тысяч семей с донских берегов? Почему славяне воюют за византийцев, за хазар, за арабов, воюют и проявляют себя замечательными бойцами, на которых не надышатся и очень многое им позволяют всевластные повелители правоверных, без которых каган оказывается бессилен перед арабским завоевателем — но не воюют за себя?

Этот вопрос тем более, что эхо его звучит и в XX веке, и в нашем, нынешнем. Почему не худшая в Европе армия, возглавляемая кадровыми офицерами, не справилась с толпой дезертиров, латышей, китайцев и мусульман, которой командовал аптекарь-недоучка? Почему казаки Краснова воевали с врагами отечества под германским флагом? Почему те, кто сражался с банди-

тами-исламистами в Афганистане и в Чечне, вспоминают о засилье точно таких же бандитов на улицах своих родных городов только один день в году — второго августа? Почему, наконец, наши изобретения воплощают в жизнь, богатея на этом, американцы, японцы, корейцы — кто угодно, только не мы, — а наши изобретатели, творцы доживают век в нищете и безвестности?

Почему? Может быть, Вы, читатель, ответите. Я, признаюсь, ответа на этот вопрос так и не нашел.

А впрочем, исключая этот болезненный вопрос, вывод из истории противостояния хазарско-славянского союза арабам на Кавказе прост — джихад тогда удалось остановить. Незрелая государственность языческой Хазарии оказалась столь же непреодолимой препоной для мусульманских завоевателей, как и католическое королевство франков Карла Мартелла. И в этом — заслуга в том числе и славянских воинов каганата. В отличие от франков, мы не знаем имен своих Роландов. Но пусть славянский Ронсеваль, на котором полегли своими телами, своими жизнями закрыв юго-восток Европы от арабийского самума, от страшного выбора между гибелью и растворением в мусульманском мире, двадцать тысяч славянских семей, останется навеки безымянным — он все-таки был. Народы Восточной Европы были спасены от порабощения, обращения в чужеземную веру (или смерти — других вариантов для язычников, как мы с Вами, читатель, помним, ислам не предусматривал и не предусматривает) и, наконец, полного растворения в безликой исламской общине-умме. Сравните-ка мусульман Средней Азии и Северной Африки — много ли найдете отличий? А потом сравните, скажем, русских с украинцами — или даже русского помора с русским же сибиряком или донским казаком. И осознайте, насколько

ко мощным был всеуравливающий каток учения Мохаммада.

Судьба же тех десятков тысяч славян, что ходили в походы под зеленым знаменем повелителей правоверных, — совсем другой исторический урок. Донские славяне, потомки антских первопроходцев, остались безымянными — но Дон до наших дней пребывает «Славянской рекой». Имена Небула и Солнослава сохранились в истории — но их потомство бесследно растворилось в смуглой меди аравийских пустынь. Кто из нынешних жителей Ирака, Ливана, Сирии потомок «славившего Солнце» витязя — такая же тайна, как имена его истребленных Мерваном соплеменников. Любая попытка приобщиться к этой, чуждой для нас культуре, цивилизации, религии может кончиться лишь утратой самих себя, полным и бесследным растворением — словно в заливе кислотой бассейне ближневосточного диктатора.

И этот урок нам тоже необходимо помнить сегодня. У нас с арабским миром, говорят нам, один враг. Да, отвечаю я — у славянского вождя Небула был с ним один враг двенадцать веков тому назад. Точно такой же сытый и наглый, столь же ханжески-самоуверенный, убежденный в своей мировой миссии, в своей богоизбранности и единственности, точно так же не признававший никого и ничего, кроме себя.

Есть «союзники», с которыми лучше не объединяться даже перед лицом такого врага.

Глава 5

Сказания славянского Кавказа

Бывший мулла и друг Пушкина. Адыгейские песни про античных героев. «Время Бусово». Каган Байан, Лаврита и Мезанмир. Падишах-Громовержец из чеченских легенд. Перун на Кавказе. Хлеб, бочки и медное небо. Армянский историк защищает князя Кия. Хазарские фантазии. Тяжелый больной армянского лекаря. Времена братства подходят к концу.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

А. С. Пушкин,
«Руслан и Людмила»

На невеселой ноте закончился рассказ о славянах на полях сражений молодого каганата хазар с набирающим мощь халифатом арабов. И перед тем как перейти к следующему повествованию, увы, также не слишком радостному, задержимся, читатель, хоть ненадолго на том, что не омрачит нашего взора, — на следе, что оставили славяне-язычники в культуре племен и народов Кавказского хребта.

Я уже говорил об адыгейских преданиях про богатырей из рода антов и про то, как воевали эти богатыри с готами и гуннами, аварами и византийцами. Впервые об этом поведал кабардинец по национальности, бывший мулла, Шора Бекмурзич Ногмов в статье «Предания

адыгейцев небесполезны для истории России», а обнаружена эта статья была в 1850 году, в журнале «Московитянин». В бытность в Пятигорске Александра Сергеевича Пушкина — вот мы и вернулись к золотому веку русской литературы — Ногмов собирал для великого русского поэта адыгейские сказания, песни, легенды; в свою очередь, Александр Сергеевич помогал адыгейцу освоиться с русским языком, правил стиль переводов. Что же до записанных и напечатанных им преданий, то они, судя по всему, восходят к глубокой древности. Адыгейцы, по мнению некоторых ученых, — потомки знакомых еще Геродоту меотов, чьи владения подходили к Азовскому морю, по их имени называвшемуся эллинскими мореплавателями Меотидой, со стороны Предкавказья. И в их легендах отразились звучащие седой стариной имена бывших хозяев причерноморских степей и предгорий — «кимирген»-киммерийцев, «шармат»-сарматов. Помнили они и «тургутов»-утургуров, гунно-болгарское племя, кочевавшее в Приазовье еще при предках Аттилы, которого адыгейские предания именовали Адилем, и «хаза»-хазар, и русский Тьмуторокань, который называли Тмутараканем, и «косириха», то есть кесаря, по имени Юстин — скорее всего, нашего старого знакомого Юстиниана II, проведшего несколько лет в ссылке на берегах Меотиды. Помнили они и антов — в их легендах то и дело мелькает «антский юноша», «антский княжеский сын», «антский всадник». Очень показательно, что анты оставили о себе память на огромных европейских пространствах — от альпийских деревенок Центральной Европы, где их именем в тирольских ле-

гендах стали называть легендарных великанов¹, первых хозяев земли (более того, слово «enta», обозначающее лесного великана, попало и в англосаксонский «Беовульф», а оттуда... во «Властелин колец» профессора Дж. Р. Р. Толкина), до адыгейских аулов в предгорьях Кавказа.

Между прочим, эпос адыгейцев подробно рассказывает про трех антских героев: Буса, Лавриту, того, что дал столь гордый ответ аварским послам, и Мезанмира Идарича, убитого аvaraми.

Историк германского племени готов Иордан в своей книге о происхождении и деяниях готов рассказывает, как во времена конунга Винитара (это имя-прозвище буквально означало «Потрошитель венетов», то есть вендов, славян) были схвачены в плен и свирепо казнены семьдесят старейшин народа антов во главе с князем Босом и его сыновьями: «он двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Боса с сыновьями его и семьюдесятью старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых усилили страх покоренных». Русское «Слово о полку Игореве» говорит: «готския красныя девы въспеше

¹ Вообще, у многих народов таким сказочным исполинам приписывают имя древних племен, соседствовавших с их предками. При этом зачастую богатырская статья в счет не шла — вряд ли угры-мадьяры так уж потрясли своим ростом французов, гунны — немцев, а обры-авары — поляков. Скорее речь шла о мощи и опасности всего племени, о том, какое почтение, страх, а иногда ненависть внушало оно соседям, заставляя видеть в себе не столько людей, сколько воплощение грозной стихии. Кстати, и русское «исполин» из этого же списка и происходит, как полагают, от названия скифского племени «спалов».

на брезе синему морю, звоня рускимъ златомъ: поють время Бусово, лелеють мечь Шароканю». Здесь воедино сведено три исторических события: «готские красные девы» радуются пленению князя-славянина, Игоря Святославича, героя «Слова», сопоставляя его участь с судьбою захваченного когда-то их пращуром славянского князя Буса-Боса, и ожидают, что пленивший Игоря половецкий хан Кончак окончательно уподобит судьбу пленника той, что постигла правителя антов, отомстив за своего деда, хана Шарукана, взятого в плен и казненного русскими воинами. Буса, убитого готами-«гугами», песни адыгейцев именуют Баксаном. Ногмов перевел плач по коварно убитому врагами князю антов его сестры: «Геройство Буса освещает народ антский своими доблестями. О родина Буса, хотя нет уже его среди живых, но когда будет добывать тебя Гут — не покоряйся!

Весь народ почитал его за благого духа: когда началось сражение и удары блитали, как молнии, его присутствие поселяло в антском народе уверенность.

Гутские истязания не прекращаются, весь антский народ пришел в отчаяние, потому что восемь пар быков привезли его тело на родину».

Другого славянского героя, Лавриту, адыгейцы называли Лавристаном. Он, согласно песне, в калым своей невесте (конечно, в антских преданиях звучало иное, славянское название выкупа за невесту — «вено») включил пленников из византийских провинций Мизия (земли современной Болгарии) и Дакия (теперь на ее месте расположилась Румыния). Он ходил на Русь (судя по всему, дунайскую). Историю же, обессмертившую имя Лавриты-Лавристана, адыгейские певцы передали настолько схоже с византийцем Менандром — донесшим

до нас имя славянского вождя, — что просто диву даешься. Точно так же, как и хронист Восточного Рима, адыгейские певцы рассказывали, что послы Аварского кагана «Байкана» — того самого Байана, что хвастался безразличием к судьбе своих славянских воинов, — потребовали от Лавриты-Лавристана дани. Князь и младшие вожди отказали им, «отвечая гордыми и неприятными речами». Менандр на этом месте сообщает о приведенных мной выше «дерзких и гордых» словах Лавриты. Дерзить начали в ответ и надменные степняки — и до того разъярили славян, что те, позабыв священную неприкосновенность послов, перебили их. Получив повод для войны, аварский правитель двинул свои полчища на Дунай, и Лаврита погиб, защищая свою землю.

От рук авар Байана принял смерть и еще один славянский вождь той поры — Мезанмир Идарич¹, которого адыгейские легенды величают «Маремихо, сын Идара». Этот как раз погиб в посольстве к аварам — некий недоброжелатель антов по имени Котрагиг нашептал кагану, что, убив князя, справиться с антами будет много легче.

Увы, негодяй оказался совершенно прав. «С тех пор пуще прежнего стали авары разорять землю антов, не переставали грабить ее и порабощать ее жителей», — заключает рассказ об этих событиях летописец Восточного Рима.

Любопытно, что остатки аваров, в Европе после падения каганата попросту вырезанных озверевшими данниками («и погибоша аки обре», отмечает летописец),

¹ Недавно довелось прочесть, будто отчества славяне позаимствовали у скандинавов. Счастлив сообщить, что первое славянское отчество отмечено византийцем Менандром еще в VI веке, во времена, когда никаких скандинавов дунайские и днепровские славяне и знать не знали.

сохранились в Дагестане — это всем хорошо известный народ аварцы, славный впоследствии не столько воинскими достижениями, сколько отличными оружейниками — «шеломы оварьские» упоминает «Слово о полку Игореве».

Однако еще занимательнее тот след, что соседство со славянами оставило в фольклоре другого кавказского народа — чеченцев. В преданиях их упоминается некий Пиръо или Пиръон падчах (падишах). В первом из них ему прямо приписывается Божественное могущество Творца: «Люди говорят, — гласит чеченское предание, — что Пиръон-падчах создал небеса и землю. Чтобы забраться на небо, нужно много времени. Настоятельно много, что если гнать на небеса осла, то понадобится столько времени, что трехгодовалый осел по возвращении сдохнет от старости». Вторая легенда уже противопоставляет Пиръона «богу» — не то Аллаху, не то собственному божеству вайнахов. Немногие знают, что чеченцы, нынче ставшие чуть ли не лицом — и надо сказать, очень неприятным лицом — исламского мира, еще два столетия назад были язычниками и поклонялись своим племенным богам. «Пиръон спорил с богом. По краю Вселенной он сделал навесы из бронзы наподобие небес. По ним он с шумом катал бочки, лил из них воду». Третье сказание говорит: «Пиръон создал медные своды небес. Он заставлял женщин подниматься на самодельные своды небес и оттуда лить воду». Иногда его называют сыном Селы — вайнахского Громовержца. Есть еще легенды, как Пиръон достал для людей из подземного мира первую мельницу, и о том, что грозный владыка очень уважал стариков, любил детей и безмерно почитал хлеб, за неуважение к которому наказывал строго. Естественно, две первые заповеди вполне

понятны и естественны для чеченцев, живущих и по сей день родовым строем, но вот заповедь о любви к хлебу не слишком типична для горского народа, чьим главным пропитанием были охота, скотоводство да разбойные набеги на соседей.

Ленинградский исследователь Л. С. Клейн сопоставил эти легенды со славянскими преданиями о громовержце Перуне. Он производил громы и молнии, посылая на землю дожди с помощью «облачных дев», которых славяне именовали вилами или берегинями (вот и женщины, которых «Пирьон-падчах» заставлял лить воду с медных небес). Связь вил с дождем была неразрывна — на головном уборе древнерусских женщин XII века цепочки-рясны, изображающие дождь, свисавшие по бокам лица, кончались подвесками-колтами, на которых изображали вил — птиц с девичьими лицами. Удивительнее всего, что мастера, жившие в уже не первый век крещеной стране, осмеливались не просто изображать языческих полубогинь, подобных апсарам, подчинявшимся индийскому Громовнику — Индре, но даже «святотатственно» обводили их прелестные головки НИМБАМИ. Перун, по белорусским преданиям, летает в небе верхом на мельничном жернове, а в словацкой легенде говорится, как сурово он карает тех, кто непочтительно обходится с хлебом. Некогда, говорит эта легенда, хлеб рос по всей ости пшеничного колоса, от земли до верху. И было так до тех пор, пока однажды неразумная женщина, убирая хлеб, не взяла с собой ребенка — но не припасла чистой тряпицы, и, когда малыш испачкал пеленки, вытерла детскую попку колосьями. Разъяренный Перун обратил надругавшуюся над хлебом женщину в каменный столб, а поднявшаяся лютая буря стала срывать зерна с колосьев. Но тут вмеша-

лась собака и умолила грозного бога оставить на колосе зерен хотя бы на длину ее носа. С тех пор, повествуется в предании, люди и едят «собачью долю» в хлебе.

Медное небо также упоминается в русских легендах, духовных стихах, заговорах: «встану яз... благословясь, и пойду перекрестясь в чистое поле, умоюся росой и зорею светлою, утруся красным солнцем, подпояшуся светлым месяцем, обычуся мелкими частыми звездами, покроюся медным небом». У христианского бога и «небесного воеводы» Михаила-архангела просил православный ратник загородить его «железным и медным небом». Уж не языческого ли Небесного Воителя замещает в этом заклятии христианский архистратиг полков ангельских?

Даже бочки, которые катали по медному небу женщины Пирѣона, появляются в легенде неспроста, и не без связи с Перуном. В честь Громовержца его обрядовым оружием — палицей — удалые молодцы-юнаки в хорутанских деревнях старались с седла достать и разбить старую бочку, подвешенную на главной деревенской площади на старую, почитаемую в округе липу. Односельчане стояли в это время вокруг и пели обрядовые песни. А новгородцы в 1358 году «утвердишася межи собою крестным целованием, чтоб им *играния бесовского* не любити и бочек не бити». Поскольку языческие боги предков стали для крещеных христиан «бесами» — «боги язычей — бесы!» (Втор. 32:16—17, Пс. 105:37, Коринф. 10:10), в том числе и сам Перун — Иаков Мних писал в «Похвале князю Владимиру»: «Поганских богов, рекше бесов — Перуна, и Хърса, и иных многих», — то и обряды в честь них стали «бесовскими играциями». Еще А. Афанасьев в своих «поэтических воззрениях славян на природу» сопоставил два

этих известия, придя к выводу, что речь шла об обряде в честь Перуна, где бочка обозначала его грозовые тучи, полные хмельной влагою дождей.

Наконец, любопытную легенду сохранили от времен близкого соседства со славянами жители Армении. Историк VII века Зенобий Глакк в своей «Истории Тарона» говорит нам вот о чем: жили три брата, одного звали Куар, другого — Мелтей, третьего — Хореан. «Куар поставил город Куары, а Мелтей поставил на поле свой город и назвал его Мелтей, а Хореан поставил свой город в земле Палуни и назвал его по имени Хореан. И по прошествии времени... Куар, Мелтей и Хореан поднялись на гору Каркея и нашли там прекрасное место, так как там простор для охоты и прохлады, а также обилие травы и деревьев. И построили они там селение, и поставили они двух идолов».

Многие годы это сообщение средневекового армянского автора оставалось далеко за пределами поля зрения исследователей, изучавших славян и начало Руси. Что ж, как отмечал еще Козьма Фаддееч Прутков, специалист подобен флюсу — полнота его односторонняя; иногда полезен бывает свежий взгляд дилетанта, способный придать новое направление поискам специалистов, если только те окажутся способны обратить и свои взоры в этом направлении. В 1928 году Н. Я. Марр, исследователь крайне, не говоря худого слова, своеобразный, место которого в науке, в общем-то, целиком и полностью определялось тем, как умело подстраивал он свои умопостроения под «линию партии», сделал наблюдение, которое одно, невзирая на все его, балансировавшее иногда на грани шарлатанства, чудачества, способно обессмертить его имя. Он сопоставил предание, сообщаемое Зенобием Глакком, с... преданием

«Повести временных лет» об основании Киева. Куар напомнил ему Кия, Мелтей — Щека¹, Хорив (в некоторых списках летописи звавшийся Хоревом) — Хореана. Земля Палуни, в которой жили и обустраивались братья Куар, Мелтей и Хореан, явственно напоминала землю полян, где княжил Кий с братьями. Даже упоминание сразу за рассказом об основании Куара «множества деревьев» и богатых охотничьих угодий нашло полнейшее, едва не дословное подобие в сообщаемом русским летописцем предании: «И сотвориша град во имя брата своего старейшего и нарекоша имя ему — Киев. И бяше около града лес и бор велик, и бяху ловища зверь». Наблюдение Н. Я. Марра подхватил и развил Борис Александрович Рыбаков, обратив внимание на то, что даже порядок повествования в двух преданиях одинаков: сперва перечисляются отдельные поселения братьев (в нашей летописи это горы будущего Киева, Щековица, до сих пор носящая это имя, и до сих пор не определенная исследователями Хоривица). Затем говорится об основании ими одного города. И, наконец — о лесе под стенами молодого поселения и охотничьих угодьях в этом лесу.

А я, пожалуй, добавлю еще одно сходство: в летописях, восходящих к новгородской традиции, сразу за рассказом об основании града, лесе и «ловищах» под ним, замечается: «были же они язычниками и приносили жертвы озерам, колодцам и растениям, как и другие язычники». В других списках и того хлеще: «бяху же невернии и многое тщание имуще к идолам». Конечно, можно списать эти замечания на желание новгородцев

¹ Мелтей — одно из армянских названий змея; слово же «Щек» Марр связал с древнерусским «щекотать» — «свистеть», «шипеть».

уязвить надменных киевлян — не зря же киевский летописец на том месте, где его новгородские коллеги сообщали не без злорадства об «идолопоклонническом» усердии основателей «матери городов русских», словно бы с обидой за предков, вместо этого заявляет: «бяху те мужи мудры и смыслены, и нарицахуся поляне». Что желание уязвить киевлян у новгородских летописателей было — тут спора нет, недаром же они «превратили» Кия с братьями и сестрой в изгнанных (чуть ли даже не во времена Олега Вещего) их, новгородцев, пращурами разбойников¹. Но есть одна «мелочь», с одной стороны, сокрушающая попытки новгородцев предельно «омолодить» столицу Руси, с другой — не дающая воспринять упоминание об почитании братьями языческих кумиров как просто очередную шпильку в новгородско-киевском соперничестве. А именно — как раз на этом месте, после рассказа о густых лесах и местах для охоты, Зенобий Глакк говорит... о поставленных братьями идолах.

Тут уж никак не отделаешься разговором о случайных созвучиях или совпадениях. Помилуйте — имена двух из трех братьев (по звучанию, по смыслу — и третьего), название земли и основанного ими города, наконец, содержание и последовательность четырех частей сказания (об отдельном житие братьев, основании ими города на горе, охоте в лесах и почитании идолов) — таких совпадений просто не бывает! Между тем отделаться от основателя Киева хотят нынче многие. Одни

¹ Занятно, что по следам новгородских летописцев идут и иные нынешние исследователи. В. В. Кожинов пытается обосновать мысль о жизни и княжении Кия в конце VIII века. Но как тогда Зенобий Глакк мог знать о нем заранее столь досконально? Впрочем, Кожинов хотя бы признает Кия славянским князем, а не книжным миражом или иноплеменником, как иные его коллеги.

заявляют, будто Кий с братьями — книжная выдумка, плод умствований келейника-летописца, а само имя его происходит от названия Киева. По логике, с позволения сказать, этих людей, имя Юрий происходит от названия города Юрьева — нынешнего Тарту? Но сейчас, с легкой руки украинского эмигранта Омеляна Прицака, многие увлеклись идеей, будто название Киева... хазарского происхождения! Араб аль Масуди упомянул командующего мусульманскими войсками Хазарского каганата (дело было в X веке) в чине вазира, а по имени Ахмад бен Куйя, то есть сын Куيي. Некоторым ученым тут же все стало ясно — вот папа-то этого хазарина, этот самый, извиняюсь, Куйя, и основал Киев!

Никаких археологических или иных оснований предполагать не то что основание хазарами Киева — пребывание в днепровском городе сколь-нибудь заметной хазарской общины не существует. Название не то района, не то улицы в средневековом Киеве Козары скорее говорило бы о малочисленности киевских хазар и чуждости их киевлянам (ведь улица Ордынка располагается не в Сарай-Бату, а в основанной отнюдь не ордынцами Москве, так же как и Немецкий двор в Новгороде вовсе не обозначает основания его выходцами из Германии). Говорило бы, повторяю я, поскольку связь этого названия с хазарами надо еще доказать — всевозможные Козары щедро рассыпаны по карте славянской Европы в тех краях, где отродясь не ступала нога уроженцев каганата. Происходят эти названия от слова «козар» — козопас, козий пастух. Вполне может быть, что и киевские Козары того же корня.

Совсем уж ни к селу ни к городу — в том числе ни к Киеву — рассуждения о хазарском происхождении таких названий районов средневековой столицы Руси,

как Пасынча беседа или Копырев конец. И то и другое звучит совершенно по-славянски, и превращать славянское слово Пасынча (от «пасынок» — так называли на Руси не только приемных детей, но и младших дружинников, воинских слуг князя или боярина) в какое-то тюркское слово, никем и никогда не засвидетельствованное, или выводить Копырев конец от тюркского племени кабар — о нем еще будет разговор — значит подменять науку гаданием на кофейной гуще.

Далее, нет ровным счетом никаких оснований полагать, что батюшка командира мусульманской армии Хазарии — армии, как любезно сообщает нам современник и соплеменник аль Масуди, знаменитый ибн Фадлан, состоявшей из наемников, — когда-либо бывал на берегах Днепра. Больше того — предводитель наемников, сам, скорее всего, наемником и был, и папа его вполне мог быть каким-нибудь мирным уроженцем Хорезма или Персии, тачавшим башмаки, сидящим в лавке или помахивающим тяжелым кетменем на скудно орошенном теплой арычной влагой поле, и даже не слышать никогда про такую речку — Днепр. Версия о происхождении названия древнерусской столицы от его неблагозвучного для славянского уха имени основана — точнее, шатко балансирует — на одном-единственном созвучии. И чем же такие «научные» методы отличаются от пресловутых поисков «русских этрусков», я, читатель, право же, понять не в силах.

Мало того, и имя Кий — у простого народа сокращавшееся до Кийко или Кияшки — ходило в быту у русских до самых Петровских реформ, когда некалендарные имена окончательно поставили вне закона, превратив в презренные прозвища. Примерно до тех же пор бытовало оно и у поляков, а вот производные от

этого имени названия местностей — Киевы, Киевцы, Киевки, Киевичи и прочая, прочая, прочая — встречаются в Болгарии, Югославии, Чехии, землях полабских славян. Болгарский исследователь Ковачев насчитал около восьмидесяти таких названий по землям славянских народов — и скорее всего, это еще не все. Все они, конечно, не имеют к папе хазарского наемника ни малейшего касательства, зато напрямую происходят от славянского имени Кий. Отчего же имя их «тезки» над Днепром должно иметь иное происхождение?

А предание, сообщаемое Зенобием Глакком, должно было бы окончательно вернуть вечный покой злосчастному призраку безвестного Куيي, чью память понапрасну тревожат ученые. Если предание об основателях Киева — ровесник Хазарского каганата, то родственники полководцев этого каганата, жившие триста лет спустя после Глакка, определенно не могут иметь никакого отношения к его основанию. Да, читатель, опять я употребляю «было бы»: ученые упрямый народ, и если им довелось создать кажущуюся им красивой теорию, да процитировать ее дюжины две раз — из статьи в книжку, из книжки в статью, — то мелочи вроде фактов, показаний источников или здравого смысла с трудом могут достучаться до их сознания. Вы, читатель, решите, что я глумлюсь — но вот Вам мнение крупного лингвиста В. Н. Топорова: «понятно, что с этой точки зрения (о Куие — основателе Киева. — *О.В.*) должна быть пересмотрена армянская легенда о трех братьях (один из которых, Куар, сопоставляется с Кием), сообщаемая Зенобием Глакком». Не знаю, как Вам, читатель, а мне вот решительно непонятно — как это может быть «пересмотрено» прямое показание независимого источника? И ради чего — ради все того же злополучного отчества

командующего хазарских мусульман? Ради единственного созвучия? И ведь пишет ученый, лингвист-языковед... поневоле приходишь к выводу, что невозможное занижение роли славян, приписывание всех их достижений иноплеменникам — основной критерий «научности» в наши дни. Потому что «научные» рассуждения про Куйю и Киев, право же, только тем отличаются от штудий приснопамятного Василия Кириллыча Тредиаковского, с его «Холодониями» и «Гатью Малой», что не пытаются возвеличивать славян.

Другой автор, А. С. Королев, хотя и с разумным сомнением относится к идее о хазарском основателе Киева, впадает в другую крайность. Уж не знаю, чем нашим ученым мужам так не угодил основатель «матери городов русских», но упорству, с каким они пытаются сделать из него то иноплеменника, то вообще книжный мираж, фикцию, можно только позавидовать. Королев, к примеру, не отрицая удивительного сходства легенды из «Истории Тарона» с преданием «Повести временных лет», приходит к выводу, что... летописец попросту переписал историю основания Киева из армянских книг.

Что тут можно сказать — разве что припомнить одну историю, произошедшую в том самом Киево-Печерском монастыре, где составлялась «Повесть временных лет», поведавшая нам о Кие с «братией», в те самые годы, описанную в «Киево-Печерском патерике» едва ли не тем же монахом, что составлял летопись. Захворал тяжко известный праведной жизнью монах Агапит. Киевский князь Владимир Мономах послал ему своего лучшего придворного лекаря. Пока тот осматривал больного, этот, в свою очередь, вглядывался в незнакомца и, не выдержав, настороженно осведомился: «Кто ты и какой веры?» Государев эскулап, привык-

ший, что его все знают и узнают, изумился и не без тщеславия ответил: «Разве ты не слышал про меня? Я армянин». И тут тяжело больной инок возопил: «Да как же ты смел мою келью осквернить и меня за мою грешную руку брать?! Изыди, иноверец и нечестивец!» «И армянин, посрамленный, ушел», — с удовлетворением отмечает рассказчик — такой же печерский монах, как и принципиальный Агапит.

И вот солидный автор, ученый, специалист по Киевской Руси, пытается уверить нас, что в монастыре, монах которого не желает видеть армянина в своей келье даже как избавителя от тяжелой, быть может, смертельной хвори, читали сочинения «иноверцев и нечестивцев» в поисках сведений о начале родного города, города, с которого пошло крещение Руси, местоположения их обители? Не знаю, как Вам, читатель, а мне легче представить, что печерские черноризцы изучали родословную своего «Спасителя» по иудейскому Талмуду!

Между прочим, источник рассказа про Кия и его братьев летописец называет прямо: «якоже говорят». Не просто «говорят» — это бы передали словами «глаголаху», «рече» — а именно «скажут» — сказывают, как сказывают былины или сказки. Кий был героем местных преданий, которые летописец добросовестно записал — иначе, как метко подчеркнул Б. А. Рыбаков, ему ни к чему было бы признаваться, что он не знает («не свемы»), к какому именно кесарю ходил в Царьград-Константинополь князь Кий. Он мог бы спокойно вставить в сочиненный им рассказ кого угодно — хоть Юстиниана, хоть Феодосия Великого, хоть самого Константина, основателя Второго Рима. Но раз имя кесаря не названо — значит, и предание записано без домыслов и изменений. «Фольклор», презрительно скривит

губу иной сноб. Что ж, устные предания — не худший способ сохранения сведений о прошлом. И отнюдь не самый ненадежный — стоит вспомнить историю с Олавом Альвконунгом. Про него рассказывает в своей «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусон в XIII веке, а сам конунг жил еще во времена Великого переселения народов, и конечно, ничем, кроме фольклора, Снорри в рассказе о нем пользоваться не мог. Тем не менее, когда в XX веке раскопали курган в Швеции, который исландец (!) Снорри назвал могилой Олава, который был, по его словам, высок ростом и умер оттого, что у него заболела нога, то нашли скелет знатного мужчины той эпохи с сильно деформированными костями левой ноги. Почему же предания, записанные Нестором в Киеве за два века до Снорри, не могли быть столь же достоверны? В пользу этого говорит и удивительное сходство между записью предания, вошедшей в «Историю Тарона» Глакка, и тем, как передает ту же легенду «Повесть временных лет». Если предания не особенно изменились за полтысячи без малого лет, что отделяют Зенобия Глакка от печерского черноризца, то можно смело предположить — за срок от основания города до создания «Истории Тарона» они изменились не больше.

Но как же попало к армянскому историку это предание? Покойный академик Б. А. Рыбаков предположил в свое время, что этому мы обязаны как раз пленным Мерваном славянским поселенцам. Благо Кахетия, в которой арабский полководец расселил двадцать тысяч семей своих пленников, расположена на самой границе с Арменией. Впрочем, поскольку славяне в Армении появлялись и до того — еще раз вспомним осаду Партавы, — навряд ли есть надобность вспоминать о недолгой эпопее несчастных пленников мусульманского заво-

евателя. Стоит только отметить, что с этими же событиями — осадой Партавы и пленением Мерваном ибн Мухаммедом славян с Дона — связывает и Л. С. Клейн появление у чеченцев легенд о Пирьо-Пирьоне.

Предания Кавказа сохранили память о славяноязычниках, пришедших к его подножию за века до Ермолова, Пушкина или Толстого.

Остановимся, наконец, на еще одном предании, уже не имеющем касательства к собственно славянскому фольклору. Это предание сообщают нам арабские историки.

Предание о тех временах, когда рус, хазар и саклаб (славянин) были родными братьями.

Может, память об этих временах хранят русские былины о богатыре Михайле Казарине¹ или былины о князе со странным, нерусским именем Саур, правившем в царстве Алыберском (очень похоже на Альбурз — персидское название современного Эльбруса).

Времена эти близились к концу.

¹ Если только его прозвище не происходит от пастуха — козаря или птицы казарки (вспомним двух былинных Соловьев — Разбойника и Будимировича и тезку Казарина, богатыря Михайлу Потыка, то есть Птаху).

Глава 6

«Обновленная» Хазария

Хорезм в огне. Рахдониты. Выбор Булана. Гражданская война в каганате. «Да не пощадит их глаз твой». Горе побежденным!

Чтоб тебе жить в эпоху перемен!

Восточное проклятие

И снова придется переместиться мыслью в далекие от Кавказа края — что ж поделаться, на земле нашей все взаимосвязано, и кто хочет ограничиться изучением истории одного края — тот даже ее не в силах будет понять. Началось все в далеком Хорезме, еще не мусульманском — хорезмийцы тех времен исповедовали, как и персы, зороастризм. На исходе VII века его сотрясала гражданская война. К власти рвался Хурзад — родич хорезмшаха по отцу и внук старейшины общины рахдонитов, иудейских торговцев и ростовщиков — по матери. За ним стояли все рахдониты Хорезма и секта еретика Маздака. Маздакиты говорили о равенстве всех перед богом и выводили из него необходимость равенства на земле. А чтобы не было неравенства, следовало отнять все у тех, кто что-нибудь имел, и поделить между теми, у кого ничего не было. И зловещим призраком — не привидением мертвого прошлого, а тенью страшного будущего — реяло над ордами черни, дряни и сволочи, сбегавшейся отовсюду к Хурзаду, знамя

Маздака. Багрово-красное, со щитом Соломона — пятиконечной звездой.

На словах идеи маздакистов звучали, может быть, и неплохо, но в отсталом средневековом неграмотном Хорезме было слишком мало книжников, способных предпочесть красоту теории тому, что видели глаза и слышали уши. И не было еще газет, телеграфа, радио, способных обогнать беженцев, рассыпавшихся во все стороны из захваченных Хурзадом городов и сел. И чернели лицом хорезмийцы, слушая рассказы уцелевших об арыках, красных от крови тех, кто не желал отдавать бандитам Хурзада нажитое потом и кровью. И о том, как кричали, стонали, хрипели, прежде чем замолчать навсегда, пущенные по кругу их дочери и жены. Ибо женщины — тоже имущество. А имущество должно быть общим. Так завещал учитель Маздак. Так повелел вождь Хурзад.

А самые наблюдательные говорили об уцелевших в растерзанных городах домах ростовщиков и работорговцев. К ним сносили в ожидании окончательного дележа после полной победы все отнятое у «врагов истины» имущество. Сородичи матери Хурзада богатели среди пепелищ и руин.

И по-иному перехватывал рукоять тяжелого кетменя угрюмый дехканин. И молча шел седлать коня благородный багадур.

Хорезм поднялся. Весь. Пощады не было — мстители шли мимо пересохших арыков на мертвых полях, мимо гниющих туш недоделенного скота и гниющих рядом оскверненных тел женщин, мимо чинар, увешанных трупами «врагов истины Маздака», и их родни, невзирая на пол и возраст. Пощады не было — и первыми это поняли те, кто наживался в погибающих городах.

С востока надвигались остервенелые хорезмийцы, с севера лежало Аральское море, а с юга уже катилась прилетевшим из аравийских пустынь самумом конница халифата. Оставался запад, благо там, на Нижней Волге и Северном Кавказе, у рахдонитов были старые связи — кочевники за бесценнок продавали им добычу и рабов. Над погибающими шайками еще мотались кровавые тряпки Маздака, когда последний караван, тяжело нагруженный сундуками с их добычей, пересек западную границу Хорезма. Отребье Хурзада сделало свое дело и больше не интересовало тех, кто был их истинными хозяевами.

На новой родине хорезмийские рахдониты и не вспомнили об уравнилельных идеях Маздака. Побрякушка для дураков — и если кто-то из них побежал за ней и сейчас кормил воронье в дымящемся Хорезме, так тем лучше для племени. Племени? Корпорация ростовщиков и работоторговцев, раскинувшая метастазы от иранских нагорий до Альбиона, не была ни племенем, — хотя в нее входили только евреи, — ни религией, — хотя основывалась она на законах Талмуда. Скорее она была исполинской мафиозной «семьей». В случае необходимости она жертвовала и «соплеменниками», и «единоверцами». Ее земной святыней были Выгода и Власть. В Хазарии еще не было толп полуголодного рванья и заевшихся богачей. Идеи Маздака здесь не вели к власти, не давали выгоды. Здесь ценились отвага и знатный род. Что ж, нашлись и удальцы, отличившиеся в боях с арабами, и красавицы-жены для племенных князей. По законам Талмуда сын еврейки считался евреем, от кого бы ни был зачат. И росли маленькие княжичи, которых все вокруг считали хазарами, а матери воспитывали как сынов Израиля.

Вскоре очередной военный вождь хазар, Булан, принял иудаизм и женился на Серах, дочери рахдонитского старейшины. Так же поступил его сын, Рас-Тархан. Внук уже носил иудейское имя Обадия. Спустя века каган-бек Иосиф, потомок Обадии, напишет испанскому единоверцу Хасдаю ибн Шафруту, придворному кордовского эмира: «Обадия обновил царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собраний (синагоги) и дома учения (хедеры) и собрал мудрецов израильских».

Византийские и армянские летописцы и, в особенности, сама земля сохранили свидетельства, позволяющие, скажем так, существенно дополнить эту мирную картину.

Теперь не в Хорезме, но в самом каганате полыхала гражданская война. Старая языческая знать не смирилась с превращением иудаизма в государственную религию. И дело тут не в каком-то особом антисемитизме знатных хазар. Скорее уж дело в ненависти рахдонитов-иудеев к язычеству, ненависти, основанной на запретах Ветхого Завета, его непримиримых требованиях не поклоняться идолам, сокрушать кумиры, ниспровергать столбы, вырубать священные рощи и опрокидывать жертвенники. Волхвов и ворожей должно было изгонять, побивать камнями, разрубать на куски. Рахдониты не стремились обратить в свою веру весь хазарский народ, но наверняка требовали исполнения этих заветов от своих хазарских внуков. И вряд ли жрецы и не породнившиеся с рахдонитами хазары пришли в восторг, увидев, что те, кого они считали братьями, стали избегать обрядов хазарских богов, уничтожать изваяния предков.

Война была беспощадной, потери несли и те и другие. Обадия потерял и сына Езекию, и внука Манассию, так что престол перешел после войны к его брату,

Ханукке. Но противники Обадии были обречены. Новые хозяева страны плотной стеной стояли вокруг престола уже принявшего иудаизм кагана — и их враги становились в глазах большинства хазар врагами кагана и каган-бека, изменниками и мятежниками. У них за спиной не было опыта гражданской войны. Язычники, чтившие род, они видели в новой знати хоть и неполноценных, но соплеменников. Откуда им было знать, что принесенный чужаками закон не позволял «соплеменникам» видеть в них хотя бы людей? Они пытались договориться, приносили клятвы. Откуда им было знать, что новая вера прямо вменяет в обязанность обмануть язычника, а раз в год, в веселый праздник Йом-Кипур, освобождает от любых обещаний и клятв? Они не имели представления об изощреннейшем искусстве интриги, виртуозное владение которым позволит потомкам их врагов натравливать друг на друга племена данников каганата.

Но все это было неважно.

Гораздо важнее — и гораздо страшнее — был новый, незнакомый степнякам метод ведения войны.

До сих пор пределом жестокости в степной войне было вырезать всех мужчин в племени, что не переросли высокой оси огромных, почти двухметровых колес кочевых кибиток. Такие свирепые расправы врезались в память степняков, о них пели у ночного костра, в промежутках между рассказами об одноглазых людоедах и кровожадных мертвецах... но даже в этом случае оставляли в живых малышей и женщин, пополнявших гаремы победителей.

И ни у каких костров в самые темные ночи не пели такого:

«И сказал им Моисей: для чего вы оставили в жи-

вых всех женщин? И так, убейте всех детей мужеского пола и всех женщин...» (Чис. 31: 15,17), «А в городах сих народов, которых Господь бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души» (Втор. 20:16), «И взяли город. И... все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом» (Ис. Нав. 6:19—20), «опустошал Давид ту страну, и не оставлял в живых ни мужчины, ни женщины» (1 Цар. 27:9).

Можно длить и длить цитаты, но зачем? Кому в радость дикое смакование кровавейших сцен насилия и резни? Чьи души ублажит сладострастный рефрен: «ни осталось в живых ни одной души, никого не оставил, кто бы уцелел и избежал, все дышащее предал мечу»?

На несчастной хазарской земле вновь облачались в истекающую кровью плоть чудовищные предания Ветхого Завета. О, новая власть Хазарии помнила, хорошо помнила и не повторяла ошибок прадедов. Из восставших городов, захваченных войсками Обадии, беженцев не было. Спустя тысячу с лишним лет археологи раскопали их руины — так называемые Семикаракорское и Правобережное Цимлянское городища. И груды костей.

Чего ожидали семьи защитников, когда победители сквозь проломы в стенах ринулись внутрь? Плена, грабежа, унижений? Плакивали близких, собирались искать их среди тел у стен и мечтали найти лишь ранеными?..

Они не знали, что им не придется никого искать...

«Так что истребили всех их, не оставили ни одной души».

Кости, кости, кости... Не только у стен. Не только на улицах. В каждом дворе. В каждом доме. Кости детей. Кости женщин. Кости стариков.

«И истребишь все народы, которые Господь, бог твой, дает тебе; да не пощадит их глаз твой» (Втор. 7:16). Вот «закон и правило», согласно которым Обадиа «обновил царство и укрепил веру». И «мудрецы израильские» в «домах собраний» с удовольствием повторяли древние строки книги пророка Наума: «Несется конница, сверкает меч, и блестят копья, и убитых множество, и груды трупов; нет конца трупам, спотыкаются о трупы их... даже младенцы их разбиты на перекрестках всех улиц» (3:3—16) — и завершали победоносным: «Празднуй, Иудея, праздники твои... ибо не будет более проходить по тебе нечестивый: он совсем уничтожен!» (1:15).

В XX веке это назовут тотальной войной. Дрезден, превращенный в чудовищную печь бомбардировками союзников. Ядерные грибы над Хиросимой и Нагасаки. На крыльях бомбардировщиков XX столетия красовался тот же символ, что и на знаменах новых хозяев каганата: щит Соломона — пятиконечная звезда.

Но у каган-бека Обадии не было ни самолетов, ни ядерных бомб. Кто же исполнял чудовищные приказы?

Это было второе «оружие победы» новых владык. Арабские путешественники, как мы уже говорили в связи с Ахмадом бен Куйя, особо отмечают, будто диковину, что в земле хазар войско «получает жалованье», то есть состоит из одних наемников. Чужаки или разбойничьи шайки изгоев. Что им была Хазария, ее обычаи, ее древние боги? Новые хозяева платили им. И они делали свою работу — чужаки равнодушно, изгой, пожалуй, и с удовольствием.

Ужас охватил уцелевших. Большинство не выдержало — и покорно склонилось под тяжелую длань новых владык. Непокорные бежали, уходили целыми рода-

ми — к венграм, к болгарам. В Болгарии долго еще рассказывали про страшных людоедов-«джидовинов». Возможно, кто-то уходил и на Русь. Велимир Хлебников видел потомка хазарских язычников — хабаров — в русском землепроходце Хабарове. Это, кстати, те самые хабары-«кабары», от которых иные языковеды пытаются вывести Копырев конец. Как видим, это не «племя», а уж выводить из его предположительных следов наличие в Киеве победителей в гражданской войне — хазарских иудеев и вовсе бессмысленно.

Какова же была судьба славян в «обновленной» Обадией Хазарии? Славяне были хорошо известны своей приверженностью богам. Христианские проповедники сравнивали проповедь среди наших предков с проповедью посреди пустыни, по выражению «Жития святого Колумбана», жившего в шестом-седьмом веках. «Нелегко у этого народа успех веры», — заключает житие. Младший современник Колумбана, епископ Аманд, вообще отправился к дунайским славянам с целью снискать «пальму мученичества» — подразумевалось, очевидно, что никаких иных успехов проповедник христианской веры у славян не добьется. Если кому интересно — Аманд не добился даже этого успеха, хотя никак нельзя сказать, что епископ не старался. Видя, «что плод для него еще не созрел», разочарованный проповедник покинул славянскую землю. Единоверец Колумбана и Аманда Гельмольд пишет полтысячи лет спустя: «среди всех северных народов одни лишь славяне были упорнее других и позже других обратились к вере». Когда в Болгарии потомки болгар Аспаруха начали принимать славянские титулы («князь» вместо «хан сюбиги») и имена (Маломир, Нравота, Звеница — вместо Омуртага и Крума), усилилось давление

на христиан. Уже в крещеной Болгарии именно славяне дольше держались за языческие обычаи. Показательно, что из двух сыновей Симеона Великого, царя Болгарии, один, с болгарским именем Сурсувул, вырос примерным христианином, а его брат со славянским именем Боян (очень может быть, тот самый Боян из «Слова о полку Игореве», «Велесов внук» и оборотень), хоть и вырос в православном Константинополе, стал волхвом и язычником. Даже в исламском халифате воины Небула и, судя по имени, Солнослав хранили верность вере предков. Лишь склонив на свою сторону славянскую знать, при помощи вооруженного насилия христианство «пробило дорогу к сердцам славян» — а ведь христианство во многом ближе язычеству, чем иудаизм, не ведающий ни Воплощения, ни Троицы, ни культа святых.

И, думается мне, сомнений в том, на чьей стороне выступили славяне в гражданской войне на землях каганата, нет. На стороне почитателей прашуров и их богов. На стороне проигравших. Очень возможно, что среди тех, кого резали наемники каган-бека в Семикаракорском и Правобережном Цимлянском городищах, были и славянские женщины, дети и старики. Поэтому упоминания о славянах на территории Хазарского каганата хотя и не исчезают, как мы еще увидим, вовсе, но становятся гораздо глуше. Да и говорится в них... вот аль Масуди — тот самый, которому мы обязаны известием про бен Куйю, сообщает, что славяне — «рабы кагана хазар». Не очень радостное сообщение.

Однако, не имея своей державы, славяне не могли достойно противостоять армии каган-бека. А попытки взбунтоваться пресекались безжалостно. Об одной из них, пусть и произошедшей вдали от Кавказских гор, рассказывают армянские летописцы. Считается, что из-

вестие это относится к кочевникам-савирам, соседям хазар, но есть причины — и я о них расскажу — отнести рассказ летописи к северу, северянам.

Их вождя армянин-летописец назвал Илутвером; можно уверенно перевести это имя как Лютовер. Лютовер решил восстать против кагана. Захожие проповедники из Византии убедили его, что если он примет христианство, Христос и его земной наместник, кесарь, помогут ему.

Лютовер принял новую веру. Из Византии приехал епископ со звучным именем Израель. Он собственноручно свалил священный дуб. Вот из-за этого я и думаю, что речь о славянской севере, а не о кочевниках-савирах. Те вряд ли могли поклоняться дубу, а у славян дуб был святыней Перуна. Более того, сам этот дуб найден археологами в Десне, реке северян. Ствол дуба усажен клыкастыми челюстями кабанов — священных зверей Перуна. Челюстей этих, квадратом всаженных в ствол, ровно девять — число девять связывается учеными именно с Громовержцем: так, в Перыни, святилище Перуна под Новгородом, исследованном археологом В. В. Седовым, горело девять костров — восемь по кругу и один в середине, перед кумиром грозного бога. Срублен дуб был на рубеже VIII—IX веков, задолго до крещения Руси в 988 году. И, скорее всего, именно он стал жертвой фанатизма византийского проповедника.

Епископ не ограничился истреблением святыни северян. Он калечил обереги славян, маленькие коловраты-свастики, обламывая им зубцы и превращая в обычные кресты.

Понадеявшись на новых заступников, небесного и земного, Лютовер объявил войну каганату. Можно представить, как, с каким сердцем шли в бой люди, с

чьих шей свисали изувеченные обереги, а перед глазами, верно, еще рушилось с обрыва тысячелетнее дерево бога побед.

Северяне были разбиты. Лютовер, взятый в плен, вынужден был принести кагану унижительную клятву покорности и отдать в гарем кагана единственную дочь. Не отсюда ли в русской былине «Иван Годинович» «королевна Черниговская», просватанная за «царище Кошерище»¹?

Бог христиан не двинул с небес, на помощь новым приверженцам, ангельские полки. Кесарь в далеком Константинополе не шевельнул пальцем, чтобы помочь новым единоверцам. Что там варвары-славяне, вчерашние язычники... Византия фактически предала хазарам даже крымских повстанцев-христиан Иоанна Готского.

Зато греки, наверное, как всегда, скупили немало полонян, которых хазары гнали из разгромленной, разоренной Северской земли.

Еще менее северян могли противостоять новым владыкам каганата донские славяне. Их сила наверняка была основательно подорвана еще «стремительным рейдом» Мервана — потерять двадцать тысяч семей и в наши дни катастрофа! А последовавший вскоре за этим иудейский переворот и гражданская война в Хазарии окончательно должны были подорвать силы донских потомков антов. Из девяти верховных судей Хазарии делами язычников — в том числе и славян — занимался только один. Учитывая, что делами небольшой и моно-

¹ *Кошерище* — от «кошер», иудейского слова, обозначающего ритуально-чистое, праведное, короче говоря — иудейское, в противоположность «треф» — нечистому, скверному, иноплеменному. Подробный рассказ об этой былине, в которой отражено противостояние русов и хазар, помещен в моей книге «Святослав».

литной иудейской общины занимались аж три судьи (еще три вели дела мусульман, а двое — христиан всех церквей и сект), можно предположить себе положение язычников — и славян в том числе — в державе каганов. Впрочем, что иноплеменники — в «обновленной» Хазарии свои, хазары, иной раз вынуждены были продавать собственных детей. Впрочем, так жили, конечно, не все — иудейская элита, которую арабские авторы называют «белыми хазарами», жила в благодатном покое укрытых за мощными стенами городских крепостей «элитных кондоминиумов» с тенистыми садами и журчащими фонтанами. Остальным же предоставлялось ютиться в хибарках, саклях, юртах, сбившихся перепуганными овцами под мощные белокаменные стены крепостей, за почти символическим земляным валом, по ту сторону которого лежала разбойная степь. «Черным хазарам», как называли арабы большинство населения каганата, не было ходу за стены крепостей даже в качестве стражи. Это, наверно, была единственная в средневековом мире страна, где стража обходила городские укрепления *снаружи*. Удивляться такому апартеиду особенно не приходится — стоит лишь вспомнить, что в «закон и правило», по которым Обадия «обновил царство» Хазарское, входил такой любопытный документ, как «Законы Ездры». Про этот замечательный памятник права можно сказать только одно — немецкие нацисты при составлении знаменитых Нюрнбергских «расовых законов» взяли за основу именно «Законы Ездры», естественно, заменив в них «иудеев» на «немцев». И если даже хазары — та их часть, чьи грубые рубленные черты не были сглажены примесью крови «избранного богом народа» и пощажены безжалостным южным солнцем, степными ветрами, горем и голодом — вынуж-

дены были ютиться под стенами крепостей и торговать собственными детьми, то можно только представить себе, как жили в этом государстве славяне, которых аль Масуди именует самыми многочисленными из язычников (читай — самой бесправной части населения) каганата.

Хотя славяне еще упоминаются как один из народов Кавказа (в 903 году ибн аль Факих сообщает: «на горе Кабк (Кавказ) семьдесят два языка; длина горы — пятьсот фарсангов. Она соседит со страню греков до границы алан и доходит до страны славян. На ней (горе Кабк) есть также род славян»). Более того, вот парадокс, именно бесправные язычники дали Хазарии слово «закон» — об этом полезно знать, чтобы, вопреки всем новейшим фантазиям, помнить, кто на самом деле был «культуртрегером» в отношениях хазар и славян, но, как действующая сила, самостоятельная или в союзе с другими народами, собственно славяне из истории Кавказа после «обновления» Обадией Хазарского царства исчезают.

Но в это же время, в девятом-десятом веках, на «горе Кабк» все громче начинает звучать, после двухсотлетнего перерыва, имя новых северных пришельцев, поклоняющихся тому же богу, что вошел в мифы Кавказа как Пиркуши и Пиръон, сделавших своей столицей город, рассказ об основании которого записал Зенобий Глакк, зовущих своих управителей тиунами, как и славянские воины кагана под стенами Партавы.

На Кавказ пришла русь.

Часть вторая

За городом Тьмутараканем

**Русь на Кавказе:
IX – X вв.**

Холодно Каспию, старый ворчит:
Длится зима утомительно-долго.
Норд, налетев, его волны рябит;
Льдом его колет любовница-Волга!
Бок свой погрееет усталый старик
Там, у горячих персидских предгорий...
Тщетно! Вновь с севера ветер возник,
Веет с России метелями... Горе!

*Валентин Брюсов,
«Баку»*

Глава 1

Русы-купцы на таможене ибн Хордадбега

Любознательный таможенник. Русы и славяне — странное «разделение». Русские мечи в краю булатных клинков. Кто торговал на Волжском пути? Балтика — роскошь славянства и нищета Скандинавии. Свидетельствуют верблюды и «слоны». Загадки русского христианства. Накануне грозы.

Война, торговля и пиратство —
Три грани сущности одной.

И. В. Гете,
«Фауст»

Мы уже говорили о том, что если русы и были в VII столетии в предгорьях Кавказа, то попасть они туда могли лишь одним, известным еще с неолита, нового каменного века, Волжско-Балтийским путем. Что до века IX, то тут нет и не может быть вообще ни малейших сомнений — именно этой дорогой русы и попадали на Восток. «Наследили» вдоль него они основательно — именно в Поволжье, точнее, в землях волжских булгар ибн Фадлан, посол халифа аль Муктадира, увидел русов и оставил нам бесценное описание их внешности, обычаев и обрядов. Там же, в Бальмерском могильнике, отыскан меч с русским именем — но об этом разговор позже.

Шли купцы — разведывая пути, расположение крепостей, силу войск, многочисленность населения и его

готовность к войне. Шли войны — своей свирепой славой отбивая и у лихих людишек, и у дикарей из степных и горных племен, и у иных правителей охоту протягивать загибающие руки к товарам русских купцов.

Одно из самых ранних — если не считать сообщения Мухаммеда Бал-ами, ас-Салиби и «Степенной книги» — упоминаний о русах в восточных землях — это записки ибн Хордадбега, таможенного чиновника Повелителя Правовверных в городе Рей (помните, в том, что откупался когда-то от арабских завоевателей?), сделанные им в сороковых годах девятого столетия и озаглавленные «Книга путей и государств». По долгу службы он сам общался с русскими купцами. «Что касается русских купцов — а они суть племя из славян, то они вывозят бобровый мех и мех черно-бурой лисы и мечи из самых отдаленных частей страны славян... затем они отправляются к Джурджанскому (так видоизменилось под каламом персидского автора античное название Каспия — Гирканское море. — О.В.) морю и высаживаются на каком угодно берегу, и продают все, что с собой привозят, и все это попадает в Рей. Иногда они привозят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад, где переводчиками для них служат славянские рабы. И выдают они себя за христиан».

В этом интереснейшем сообщении, где буквально что ни слово, то золото (особенно если учесть, что все это — сообщения очевидца, который не раз сам досматривал товары русских торговцев, щупал меха и придирчиво разглядывал лезвия мечей, разговаривал через рабов-толмачей с их хозяевами), есть целый ряд полезных для нас сообщений, заслуживающих более пристального разбирательства. А что оно имеет отношение к нашей теме — в том и сомнения быть не может. Все источники говорят, что русские ладьи по Хвалынскому морю,

как наши предки величали Каспий, ходили вдоль его западного, кавказского побережья. И конечно, самое важное для нас, буквально бьющее в лицо сообщение, сообщение, которым ибн Хордадбег начинает свой рассказ, это то, что русы — *племя славян!* И дальше добавляет, что переводчиками у русов были тоже славяне.

Тут, конечно, опять приходится вступать в полемику с норманнистами. Они возмущенно заявляют — но ведь остальные-то, мол, арабские авторы резко отличают русов от славян!

Ох, что-то странно они их «отличают»! *Русский* князь Дир у нашего старого знакомого аль Масуди — «правитель *славян*». Целый ряд восточных авторов среди трех частей *Руси*, вместе с Куявой-Киевом и загадочной Артанией, называет *Славию*. Аль Масуди говорит об одинаковом погребальном обычае русов и славян, ибн Русте их различает, но, описывая погребальный обряд *русов*, рассказывает про отлично известные археологам срубные гробницы Киева и Чернигова, имеющие ближайшее подобие в *славянской Моравии*. А исследование черепов похороненных в них людей привело археологов к выводу, что перед ними не просто славяне, а группа *славян*, стоящая дальше всех прочих по строению черепа от германских и скандинавских народов. Кстати, описанное ибн Русте погребение руса почти дословно воспроизводит погребальный обряд, описанный в русской былине «Михайло Потык», в которой и намек на скандинавское влияние не обнаружено. Зато, описывая погребальный обряд *славян*, ибн Русте фактически один к одному — за вычетом нескольких мелких деталей — воспроизводит описание еще одним арабом, ибн Фадланом, виденных им в Булгаре похорон знатного... *руса!*

Получается, арабы разделяют русов и славян лишь затем, чтобы тут же начать путать их на каждом шагу!

Ну хорошо, пусть разделяют. Честно говоря, напрашивается единственный вопрос — ну и что?! Целый ряд историков — в том числе Прокопий Кесарийский и гот Иордан — отделяют готов от германцев и противопоставляют их. Ни один античный источник не называет бриттов кельтами. Многие средневековые источники точно так же, как русов и славян, «разделяют» хазар и тюрок. Тем не менее готы — германское племя, бритты — кельты, хазары — тюрки. Потому что имена (в большинстве), обычаи, вера у готов — германские, у бриттов — кельтские, у хазар — тюркские. Ведь и слова «германцы», и «кельты», и «тюрки» значили для современников совсем не то же, что и для нас. И только слависты требуют от древних авторов твердого знания и правильного применения слова «славяне» в том обобщающем смысле, которое он получил в книгах Нового времени — через века после их смерти! Знакомая «объективность».

Достоинно внимания, что в качестве одного из товаров, который русы вывозили в Персию, упомянуты мечи. Позвольте особенно не останавливаться на идее, будто это были клинки франкского производства, которые вездесущие и неутомимые скандинавы вывозили из империи потомков Карла Великого через всю Балтику и Восточную Европу. Я даже не буду говорить, сколь рентабельно было подобное предприятие — мечи трудно назвать легким и удобным грузом, так они, ко всему, еще и ржавчины боятся. Никакие источники не говорят о закупке франкских клинков норманнами — но есть указ самого императора франков Карла Великого о запрете на продажу оружия прибалтийским славянам. Как

подданные христианнейшего императора соблюдали этот запрет, говорит археология — франкских мечей с именными клеймами лучших мастеров, так сказать, фирменный товар, археологи нашли в землях Киевской Руси одиннадцать штук, в Эстонии семь, в Литве — пять, в Латвии — двадцать два, в землях балтийских славяновендов — тридцать (!), а в Швеции... один. Даже в Эстонии этих клинков больше, чем в земле «грозных викингов»! А уж число франкских «фирменных» мечей в вендских землях ясно говорит, что выгода торговли со славянами сильно перевешивала в глазах франков-торговцев все неприятности, которые могли доставить им их христианнейшие государи.

Впрочем, арабские авторы сообщают, что мечи производят сами русы, в той самой загадочной Артании (она же Арсания или Уртаб). Но вот это-то замечание норманнисты не особенно жалуют. Потому как найдено уже два клинка со славянскими именами мастеров. С первым из мечей получился замечательнейший конфуз. Его долгое время выставляли напоказ как очень яркий пример «типично скандинавского» клинка, цитировали скальдов — «на лезвии змей окровавленный лег, другой обвивает хвостом рукоять», — горделиво указуя на змееподобных чудищ, изображенных на рукояти. Я даже не знаю, указал ли им кто-нибудь в ответ, что змеи скопированы со скандинавских... *могильных камней* и яснее ясного говорят, что кузнец, изобразивший их на *оружии*, явно был чужд скандинавской культуре. Но потом ученые научились очищать клинки от вековой ржавчины, и на лезвии «типичного скандинавского меча» проступили буквы, гласившие... Людота коваль.

Как Вы думаете, читатель, научил этот конфуз хоть чему-нибудь господ норманнистов? Совершенно прави-

льно думаете — абсолютно ничему. Продолжается уверенная раздача званий «типично скандинавских предметов» пресловутым громовым топоркам, невесть с чего окрещенным «молоточками Тора», которые, как отмечают сами норманнисты, типологически ближе всего находкам не со шведских берегов, а со славянского Рюгена; ладейным заклепкам в погребениях Гнездово, которые, по замечанию археологов, «ближе к балтийской и славянской, нежели скандинавской традиции»; овальным фибулам, которые даже в шведском городе Бирке оказываются в одной могиле со славянской керамикой и типично славянской расшитой рубахой, а вот под Ростовом почему-то оказываются веским доказательством норманнского происхождения хозяйки. Причем, что характерно, когда эти фибулы находят в курганах ливов или вепсов, то они не обозначают скандинавского происхождения — только в могильниках русских городов. Опять эта «объективность»! Женщина финского племени имеет право, так сказать, хранить в могиле это украшение, но стоит ему попасть в погребение русской боярыни, как та тут же превращается в шведку.

Только не надо называть, читатель, этих людей русофобами. Они очень, *очень* обижаются, когда их называют русофобами. Они свой подход называют «объективным». И правда, надо быть совершеннейшим «объектом»... впрочем, ничего, ничего, молчание, как говаривал классик.

Второй меч со славянским клеймом несколько старше творения Людоты коваля. Тот сделан во времена не то Святослава, не то его сыновей, а второй изготовлен в середине десятого века, при князе Игоре Рюриковиче, при втором поколении варягов-руси, живших в Восточной Европе. В это самое время, по мысли норманни-

стов, русы вовсю говорили на своем норманнском языке, и имена носили сплошь скандинавские. Так вот на этом мече, найденном, в отличие от Людотиного, даже не на славянской Киевщине, а в неславянском Среднем Поволжье (как раз на «Меховом пути»), в Бальмерском могильнике, нанесено имя «Славимир».

Комментарии? А какие, читатель, тут могут быть комментарии?

Что до мечей эпохи викингов с клеймом кузнеца-скандинава, то их все еще ищут.

Замечу еще напоследок по поводу мечей, что ибн Хордадбег не единственный, кто сообщает, что мечи были одной из существенных статей экспорта русов в арабские страны. Если Вы, читатель, не уловили, повторю: в арабские страны. На родину пресловутой дамасской стали. И там их с восторгом расхватывали. При этом, скажем, о византийских клинках арабы отзывались более чем сдержанно. Вообще, арабы того времени, сравнивая Восточный Рим и Русь — которую они, кстати, полагали *государством*, а не каким-нибудь «союзом племен», — были как-то очень уж... необъективны, что ли. В отличие от наших современных авторов, исправно смотрящих на отношения своих предков с Византией через византийские очки. Не говорят византийские авторы ничего о победах Игоря или Святослава — значит, и не было их (ну и что, что Святослава, скажем, ежели верить византийцам Льву Диякону и Иоанну Скилице, победоносное византийское войско гнало прямо... на собственную столицу). Говорят, что Русью правили не государи, а «вожди»-архонты, значит, так и было (ну и что, что византийские авторы точно так же — вождями — именуют царя болгар и эмира египетского... или что все остальные народы звали правите-

лей Руси «королями», «царями», а то и «хаканами»-императорами). Вот, например, ибн Русте пишет, что у русов «множество городов», а тот же ибн Хордадбег замечает, что в Византии только пять настоящих городов, остальные — огороженные деревни. Ну что ж это, явная же необъективность! Наши-то историки куда как лучше каких-то там современников знают — это у русов были огороженные деревни, а у ромеев, у тех да, города-а!

А ибн Хордадбег вообще доходит до того, что сообщает, будто купцы-русы доходили со своими товарами до Китая. Вот ведь жаль, что умер он не десять лет, а десять с лишним веков назад, не то наши радители «объективности» быстро б определили его в «квасные национал-патриоты» да наградили б «комплексом неполноценности». Зато западные авторы в результате уверенно отправляют в центральноазиатские степи... да-да, читатель, все тех же викингов. Как мы уже говорили во введении, представители западной цивилизации благоговейно перед своими предками (даже если предок — нечесаный бандюга с топором) и не прочь прибавить им достижений за чужой счет, в чем им наши «объективные» авторы — верные и надежные помощники.

Строго говоря, уже само изображение русов как купцов выбило бы почву из-под ног норманнистов — если бы таковая там когда-то имелась. Потому как ни один источник не изображает скандинавов за пределами Восточной Европы как купцов. То есть в сагах купцы упоминаются, но они малочисленны, занятие это для них не основное, и большим почтением у окружающих они не пользуются. За одним очень показательным исключением — несколько купцов со столь невнятно однотипными именами (Али, Оли, Гилли), что создается впечатление,

будто норманнский сказитель пытается просто обозначить их чужеземность. Каждый из этих купцов носит характерное прозвище Богатого, и многозначительно добавляется — «из Гардов». Из Руси, стало быть. В остальном же — для нормального норманна многократно почетнее и даже где-то естественнее *отнять*, а не купить. О том, чтоб что-нибудь продавать, — нет и разговора. «Купец» в сагах — презрительное прозвище, для скандинава нелестное.

Любопытно, что даже крупнейшие торговые центры Балтики в норманнских сагах либо очень слабо упоминаются (Хедебю, Волын-Йомсбург, Готланд), или не упоминаются вообще (шведская (!) Бирка, Аландские острова, торговые центры ободритов и велетов). Создается впечатление, что норманнам эти места казались не стоящими упоминания, или торговали там вовсе не норманны. А скорее всего — и то, и другое.

Результат настолько различного отношения к торговле понятен. Город балтийских славян в устье Одры, Волын, который западные авторы именуют *самым большим городом в Европе* (наши историки, конечно, мимо такой необъективности не проходят и «цитируют»: «самый большой город балтийских славян»), в IX веке располагался на пятидесяти гектарах, а население его насчитывало пять-десять тысяч человек. Крупнейший торговый центр Швеции, Бирка (которую почему-то не знают скандинавские саги и в которой почему-то преобладает славянская керамика), занимала в то же время только двенадцать гектар. Крупнейший датский торговый центр Хедебю (ставший таковым после того, как в начале IX века датский конунг Готрик разорил стольный город славян-ободритов Рерик и под конвоем переселил оттуда в Хедебю купцов и ремесленников) зани-

мал в пору своего расцвета двадцать четыре гектара, а население его не дотягивало до тысячи. При этом жило оно, скажем мягко, не слишком сытно — испанский араб Ибрагим ат-Тартуши, посетивший Хедебю в середине десятого века, во времена того самого «расцвета», с ужасом описывает страшную вонь от валяющихся у ворот скотских трупов, грязь улиц и людей, вынужденных с голода топить... собственных новорожденных детей.

В Волине, как и в других городах славянской Балтики, по отзывам немецких монахов-миссионеров, которым не с чего было захваливать упрямых язычников-славян, на каждом дворе в особом покое стоял накрытый, доступный любому желающему стол, полный яств, сундуки с добром не запирались по причине величайшей честности, всюду стоят роскошные храмы, одежда жителей богата и опрятна, а что такое нищие, они, похоже, не имеют никакого понятия.

Стоило, однако, тем же самым монахам заехать по делам в Данию, к сородичам и единоверцам, как яркие краски стремительно покидают их рассказ, начинающий напоминать унылую картину, выведенную Тартуши: всюду убожество, нищета, промысел жителей — скорее охота, рыбалка и скотоводство, чем земледелие или торговля, церкви и дома знати бедны и скудно украшены, в образе жизни ни роскоши, ни изыска. Избаловались, похоже, достопочтенные патеры в славянских городах!

Археология говорит о том же — арабские монеты на берегах Балтики сперва (в VIII веке) появляются в славянском Поморье, в начале следующего столетия — на Готланде и уж только потом, в середине IX века, появляются в Швеции. Причем найдено там пять тысяч монет-дирхемов. Много? А это, читатель, как посмотреть. Арабский путешественник ибн Фадлан сообщает, что

купцы-русы делают своим женам низку-монисто с каждого... десятка тысяч дирхемов капитала. И араб добавляет, что видел женщин со множеством рядов монисто на груди. Во ВСЕХ шведских кладах не набралось бы дирхемов и на половину такой низки. Заимствований из норманнского языка в торговой сфере в славянских наречиях не просматривается. Их, этих заимствований, в древнерусском языке вообще не так чтобы уж очень много. Норманнисты иногда вспоминают, что И. И. Срезневский, видный лингвист XIX века, насчитал таких заимствований десять слов (притом что датчане, *тридцать лет* владевшие частью Англии, оставили английскому языку в наследство *десять процентов корней*). Только вот после Срезневского в начале XX века видные норманнисты С. Н. Сыромятников и В. А. Мошин сократили список сперва до восьми, а там и до шести слов. А вот в скандинавских языках насчитывается более двенадцати слов, заимствованных у славян. И большая часть связана с торговлей. Тут и *lodhja* — лодья, судно (удивительно, но факт — не знаменитые мореходы-норманны дали славянам название корабля, но наоборот!), *torg* — собственно торг, что достаточно говорит о роли славянских купцов в Скандинавии; *besman* — безмен, предмет, в торговле крайне необходимый; *silki* — шелк, один из самых ценных восточных товаров, *sapul* — седло, *tolk* — переводчик, по-древнерусски «толковин». Показательно, что скандинавы заимствуют славянское слово для переводчика, славяне же не знают норманнских обозначений толмача. *Pitshaft* — печать, также полезная для торговых сделок вещь. Договор Игоря с греками 944 года говорит о серебряной печати, которую имели русские «гости» в Царьграде, в противоположность княжым людям, пользовав-

шимся золотою. Да и письменное завещание, которое, согласно тому же договору, оформляли русы, также могло потребовать печати для заверения. И это еще не все, далеко не все.

Далее уважаемый таможенный чиновник сообщает, что русы шли до Багдада на верблюдах. Тут опять-таки не вытанцовывается у норманнистов: дело в том, что скандинавское название верблюда *латинского*, книжного происхождения, чего, конечно, не было бы, если бы скандинавы напрямую общались с арабами и их «кораблями пустыни». Напротив, славянское «вельблуд» — явное переосмысление арабского названия зверя, такая игра смысла и звука совершенно в духе лесковского «мелкоскопа» или щедринских «деликатов». Академик Рыбаков с советской сдержанностью предполагал, что название надо трактовать как «много ходящий», я же, со своей стороны, думаю, что арабское название вьючного животного «ебилун» направляло мысли русских торговцев в несколько другом направлении, вызывая озорные ассоциации, и корень «блуд» в названии животного надо понимать несколько по-иному. Кстати, другое доказательство непосредственной связи славян с Востоком — и отсутствия такой связи у скандинавов — тоже связано, некоторым образом, с животным, только не настоящим, а... шахматным. Я, конечно, говорю про слона. Дело в том, что во всей Западной Европе, и в Скандинавии в том числе, шахматы стали известны через арабское посредство. Ислам же фигур, изображающих живые существа, не жаловал, посему некоторые из них сильно видоизменились и были в Европе переосмыслены. Неведомый и невиданный слон стал жертвой этих изменений — его сменил «епископ». Именно «епископы» стояли между королевской четой и «конями»-

всадниками в норманнском шахматном наборе, найденном в 1851 году на норвежском острове Льюис. Именно о митрах католических архипастырей напоминают заостренные «головы» наших шахматных «слонов». Но их название сохранилось с более давних времен — на Руси фигурка «слона», изображающая именно слона, найдена в слоях IX века — века торговых операций описанных ибн Хордадбегом русских купцов — если они могли ходить в Китай, то и до Индии добраться могли тоже. А если это название в русском языке закрепилось — значит, такие путешествия дальних предтеч Афанасия Никитина не были ни малолюдными, ни редкими¹.

Ветхозаветный Валаам, говорят, не мог увидеть стоящего перед ним ангела, и его собственной ослице пришлось обратиться к недогадливому пророку, дабы он, наконец, прозрел. Но даже свидетельство слонов и верблюдов, боюсь, не поможет норманнистским валаамам узреть очевидную истину.

В русском языке масса слов восточного происхождения, причем некоторые из них гораздо старше золотоордынского завоевания. Кафтан, шаровары, сарафан, даже шуба — все это названия одежды восточного происхождения. В скандинавских языках их просто нет — между тем те же шаровары были одним из наиболее приметных предметов одеяния русов, как рисуют их арабы. Скандинавы, вопреки реконструкциям современных одержимых норманнизмом художников, судя по много-

¹ Еще одно «шахматное» доказательство непосредственной связи русов с Индией и отсутствия таковой у скандинавов — ладья. На Западе, и у норманнов в том числе, эта фигура изображает башню-«туру», в то время как русская трактовка является явным переосмыслением индийской «ратхи» — колесницы. Колеса были приняты, очевидно, за щиты на бортах, конь впереди — за носовое украшение.

численным изображениям и погребениям, никогда не носили широких штанов, а носили узкие, облегающие.

С другой стороны, арабские писатели не дают никакого повода думать об их близком — или вообще каком бы то ни было — знакомстве со скандинавами. Так, столицу русов, «мать городов русских» наших летописей, «город россов» Константина Рожденного в Пурпуре, первую и наиболее близкую к странам ислама из «частей русов», Киев, арабские авторы (впрочем, как и все перечисленные) знают под ее славянским именем. Существование норманнского названия для Киева — «Кенугард» — остается для них неизвестным. Родное для скандинавов Балтийское море арабы называют «морем варангов» — то есть буквально передают русское «Варяжское море». Скандинавское «Eyestrasalt» — восточная соль — не упоминается ни одним восточным автором. А ведь, если верить норманнистам, арабы общались с мифической шведской русью с начала IX века. И не сохранили о ней — впрочем, как и все иные народы земли, начиная с собственно шведов, — никакого воспоминания.

Сообщение ибн Хордадбега, что русы пользуются в качестве переводчиков славянами, находит полную аналогию в сообщении наших летописей, что русы князя Олега пользовались в Царьграде услугами переводчиков-«толковинов» из славянского народа тиверцев. Это, впрочем, совпадает и со словами той же летописи, что «славянский язык и русский — один», и с сообщением испанского еврея Ибрагима ибн Якуба, что русы говорят по-славянски, и с утверждением папы римского Иоанна XIII в булле от 967 года, что русские священники служат на славянском языке. На все эти сообщения норманнисты предпочитают закрывать глаза, выму-

чивая «легко и непринужденно»¹ скандинавское значение из «русских» названий порогов в сочинении Константина Рожденного в Пурпуре.

Впрочем, пока хватит о скандинавах. Достаточно глянуть на любую карту их плаваний — на западную часть, которая отражает реальные плаванья викингов, а не буйную фантазию отечественных и зарубежных норманнистов, — чтоб обнаружить, что скандинавы предпочитали морские берега и практически никогда не поднимались по рекам выше среднего течения. И дотуда-то они добирались лишь в случае наличия в оном среднем течении добычи масштабов Парижа, Лиона или Лондона. Притом ни на Темзе, ни на Луаре, ни на Сене не было порогов — в Восточной же Европе пороги встречали привыкших к океанским просторам норманнов, прошу прощения за каламбур, прямо на пороге: пороги Невы еще в XIV веке требовали от иноземных купцов выгружать товар на телеги и следовать к Ладоге сушей. Если норманнисты способны измыслить причину, по которой норманны все же вопреки своему обыкновению пробирались в глубь лесов и болот Восточной Европы через все пороги и волок, умудрившись не оставить об этом никакой памяти ни у себя, ни у тех, к кому плавали, нам с Вами, читатель, остается лишь позавидовать полету их воображения.

На самом же деле норманны стали проникать в Восточную Европу не ранее середины X века, а по-настоя-

¹ Степень «легкости» можно определить по тому, что порог Улборси превращают в Хольмфорс путем пяти (!) фонетических изменений, а скандинавский корень «форс» мало что вместо основного своего значения — стрежень, быстрина — начинает обозначать порог, так еще и умудряется превратиться в пределах одного абзаца в «-борси», «-фар» и «-форос». Такими методами можно вышибить любое значение из любого слова.

щему интенсивным их проникновение в Русские земли стало с конца этого столетия, после того как витязи Юмны, крепости на острове ввиду Волына, которых скандинавы называли йомсвикингами, боевое братство орденского типа, хранившее порядок на Востоке Балтийского моря и состоявшее, согласно скальдам, в основном из вендов, почти полностью погибли в Норвегии. Недаром саги не знают русских князей ранее Владимира Крестителя, а византийских императоров — ранее Иоанна Цимисхия (и того более по слухам).

Перейдем к заключительному пункту сообщения ибн Хордадбега — русы выдают себя за христиан, в связи с чем платят джизию. Как мы с Вами, читатель, уже говорили, джизия была условием компромисса халифата с неверными, на котором владыки правоверных соглашались терпеть пребывание «кяфиров» в своих пределах. Причем касалось это лишь «людей книги» — иудеев, христиан, сабиев; уже зороастрийцы вызывали величайшие сомнения. Язычник должен быть принужден к принятию ислама — или погибнуть, никакого иного выбора ему не предоставлялось; исключения делались лишь для очень важных халифату язычников, вроде воинов Небула и Солнослава, но и то, как можно думать, ненадолго. Профессионально недоверчивый таможенник, очевидно, полагал христианство северных чужеземцев хитрой уловкой, чтобы облегчить себе жизнь в державе сынов пророка — да благословит его Аллах и приветствует!

А на самом деле — могли ли быть русы, проходившие сквозь Рейскую таможню ибн Хордадбега, христианами, и если да — то какими именно?

Это не самое раннее упоминание о крещеных русах до 988 года. Говорится еще о Бравлине, русском князе из «Новгорода» (Неаполя Скифского? Новгород-Се-

верского? Какого-нибудь из многочисленных Ноградов и Новиградов Дуная? Во всяком случае, Новгорода на Волхове тогда еще, кажется, не существовало) в VIII веке. Этот князь с дружиной прошел войной по всей «Корсуньской стране» — то есть окрестностям Херсонеса Таврического — до Корчева, нынешней Керчи. Судя по этому названию, происходящему от древнерусского «корчий», кузнец, в Приазовских землях жило уже немало славян — возможно, беженцев от «стремительного рейда» Мервана Беспощадного и гражданской войны в Хазарии. В Суроже (современный Судак, по имени этого города русичи называли Азовское море Сурожским), взятом после десятидневной битвы, Бравлин вломился в церковь Святой Софии, где лежали мощи святого Стефана Сурожского, где и был разбит внезапным припадком. В ужасе князь повелел отпустить всех пленных и отдать награбленное в церквях: так-де приказал ему явившийся святой Стефан. После исполнения приказаний Бравлин крестился и был исцелен. Позже, еще при жизни ибн Хордадбега в той же Корсунь-Херсонесе Кирилл-Константин, отправленный кесарем послом к хазарскому кагану, увидит евангелие и псалтирь, написанные «русьскими письмены». Видимо, какая-то христианская община русов в Крыму существовала. Но русское христианство могло уходить корнями в куда как более древние времена...

Впрочем, сперва надобно решить вопрос с купцами ибн Хордадбега. Могли ли они быть христианами, мы уже разобрали. Скорее всего, да, могли. Были ли — вопрос иной, но мне кажется, что ответить на него нетрудно. Ведь для того, чтобы достоверно разыграть христиан перед бдительным налоговым ведомством повелителя правоверных, прекрасно знакомым и с кафоликами-

православными из Византии (напомню, что до разделения церквей на западную, римско-католическую и восточную, греко-кафолическую или православную, еще два столетия), и с несторианами из Сирии, и с монофизитами из Армении, христианство надо было как минимум хорошо знать. А поскольку по Волжско-Балтийскому пути не было ни одной христианской державы, а в православный Константинополь в это время едва только добираются первые послы «народа Рос», то остается предположить одно: среди русов уже были христиане. И право же, легче предположить их среди купцов, больше общавшихся с другими народами и по необходимости более открытых чужим нравам, обычаям и богам. А сомнения ибн Хордадбега отнести исключительно за счет свойственной его профессии подозрительности.

Вообще, историки мало уделяют внимания одному занимательнейшему вопросу. А именно: сведения о крещении русов относятся именно к тому периоду (IX—XI века), когда русы в источниках «резко отличаются» от славян. Более того, судя по тому, что еще в начале XII века словене новгородские упоминаются как народ, внешний христианскому миру, а кривичи и вятичи с радимичами причисляются к «поганым», а в землях волынян до монгольского нашествия действуют капища, то и в 988 году произошло не столько крещение Руси-державы, сколько крещение руси-народа. Еще христианами в Восточной Европе были варяги — «мнози бо варязи христиане» в 944 году, варяги-мученики в Киеве, Феодор и его сын Иоанн, в 983-м, варяги Африкан и его сын Шимон-Рюрик, «спонсоры»-покровители Киево-Печерского монастыря. И при этом «отчего-то» ну ни следа скандинавства в варягорусском христианстве. И раствориться варяжским русам в славянской языче-

ской массе их христианство не помешало — В. Я. Петрухин, один из самых активных нынешних норманнистов, заявляет, что крещение этому растворению... способствовало!

Вот такие вот загадочные люди со своеобразной логикой.

Однако если мифическая норманнская русь никаких следов в русском христианстве не оставила, то некоторые западные следы в нем все же остались. Впрочем, что там некоторые! Древнерусские слова «крест», «церкы» (церковь), «алтарь», «поп», «еретик», «поганый» явственно напоминают германско-романские «крейц» (от «крестус»), «киркхе» (от «циркус»), «алтариа», «паппе» (от «папа»), «еретикус», «паганус». И вовсе не похожи на греческие соответствия — ставрос, наос, бомос, иерей, гетеродокс, этникой. Да что там — сам народ, от которого наши предки приняли якобы христианскую веру, они называли не тем именем, которым византийцы назывались сами, — ромеи, римляне, — претендуя на происхождение от владык полумира. Русские летописи называют их греками — латинской кличкой, для подданных Восточного Рима столь же оскорбительной, как оскорбительно для гражданина Израиля слово «жид», а для уроженца Кавказа «чурка» или «хачик». Западное, а не византийское происхождение имеют обычаи церковного пения и колокольного звона, столь сроднившиеся с русским православием, и многое другое.

Есть в раннем русском христианстве и другая любопытная черта, на которую обращают слишком мало внимания. Еще в рассказе о крещении Руси летописец вкладывает в уста византийскому проповеднику — «философу из греков» — слова, которые православный византиец выговорил бы разве что под страхом смерти —

да и то навряд ли. Это упоминание о «старейшинстве» бога-отца в символе веры и «подобосущности» ему бога-сына. Кроме того, почти обязательное в сколь-нибудь подробном изложении символа веры упоминание о «неипостасности» трех лиц Троицы совершенно отсутствует. Все это — черты древней ереси епископа Александрии Египетской, Ария. Основным отличием ее от православия было именно утверждение о «подобосущности», а не «единосущности» Христа своему небесному отцу, благо в греческом написании эти слова разделяла буквально одна йота — «омойусиос» и «омоусиос» соответственно. Но за этой йотой стояла такая разница во взглядах на мир и бога, за которую люди не раздумывая жертвовали своей жизнью — не говоря уж о чужой. Арианство в дни своего расцвета подмяло под себя половину умирающей Римской империи, его исповедовали могучие варварские народы вандалов и готов. С огромным трудом церкви удалось одолеть эту ересь — но не уничтожить. В Киевской Руси в первые же века после крещения переводят критику Василием Великим одного из идеологов арианства, Евномия, специально составленные против ариан «Слова» их главного противника Афанасия. Более того, уже русские православные мыслители начинают активно творить в антиарианском ключе — Феодосий Печерский, Кирилл Туровский! К чему так ожесточенно воевать с призраком?! Если с арианством боролись, с привлечением лучших умов, своих и иноземных, значит, оно было живо!

Откуда же взялось на Руси арианство? Вроде бы ни готы, ни вандалы — не говоря уж о выходцах из Александрии Египетской — не принимали деятельного участия в судьбах молодой державы Рюриковичей?

Тут надо вернуться во времена дунайского государств-

ва ругов-русов. Житие святого Северина, один из наиболее полных источников об этом народе (что на самом деле говорит не о его насыщенности сведениями, а о том, как мало мы знаем о ругах), как раз говорит об арианском вероисповедании многих знатных людей в этой дунайской стране. После падения королевства ругов-русов под ударами готов и воцарения аваров многие роды, исповедовавшие эту религию, могли покинуть негостеприимные берега Дуная и вернуться на южно-балтийскую прародину. Судя по появлению — точнее, проявлению — ариан в Киевской Руси и отчетливо в европейском словаре молодого русского христианства, им удалось за все это время не навлекать на себя гнев могущественных жрецов Рюгена. Они же могли привезти в Восточную Европу и «прикрепить к местности» дунайскую легенду о странствии апостола Андрея по тем краям, где много позже встанет Ругаланд-Русарамарка, Дунайская Русь, поселятся у своего Нограда любители горячих бань, словенцы, и дунайские ободриты-варяги. К одной из таких семей могли принадлежать и киевский князь Аскольд, и русские купцы ибн Хордадбега.

Этим объясняется необычность их христианства, возбуждавшая мнительность осторожного таможенного чиновника. Да, эти христиане не были ни армянскими монофизитами, отрицавшими человеческую составляющую Христа, ни несторианами из Сирии, напротив, считавшими спасителя из Назарета всего лишь лучшим из людей, ни православными-кафоликами из Второго Рима на Босфоре. Их название главной христианской святыни не походило ни на греческое «ставрос», ни на армянское «хач» (несториане креста вообще не почитали, четыремья веками позже монгольский хан-несторианин шокирует Марко Поло, заявив ему, что считает кощунством почи-

тание орудия казни праведника). И все же это были христиане — русские христиане арианского вероисповедания.

Возвращаясь к мифическим шведским русам — в девятом веке, согласно житию проповедовавшего в землях Швеции святого Ангария, его паства исчерпывалась рабами из христианской Европы. Что до самих шведов, то и два-полтора столетия спустя они не соглашались признать своим королем человека, отказывавшегося приносить жертвы Тору (человек этот, кстати, был крещен как раз на Руси). Позже уже избранный конунг, бывший христианином, отказался, невзирая на увещевания духовенства, ликвидировать огромный языческий храм в Упсале или хотя бы прекратить в нем кровавые жертвоприношения, ссылаясь на неминуемое возмущение подданных, в результате которого он может лишиться короны, а почтенные патеры — и самой жизни.

Язычниками в основном оставались и русы (в договоре Олега Вещего с византийскими императорами Львом и Александром употребляется сочетание «русин или христианин» — одно из двух!), но среди них источники хотя бы упоминают христиан. Христиане же могли сосредотачиваться в купеческих кругах — благо их вероисповедание помогало им и в христианских, и, как видим, в мусульманских странах.

Ибн Хордадбег, должно быть, и не догадывался, что примерно полвека спустя после того, как он в промежутках между нелегкими трудами таможенника писал свою «Книгу путей и государств», по протоптанным купцами тропинкам придут воины.

Между прочим, некоторые исследователи отмечают, что первые набеги свирепых «россов» на Восточный Рим и его столицу — Константинополь-Царьград пора-

зительным образом совпадают с ожесточением византийско-арабских войн. Кое-кто даже предположил, что русы вступили в союзнические отношения с халифатом. Я так далеко не пойду, а только предположу, в свою очередь, что русские купцы, как когда-то мусульманские купцы для орд Чингисхана, выполняли, помимо обычных торговых дел, и разведывательные поручения своих государей. И хотя дружить с мусульманами язычники-русы, скорее всего, не собирались, но было очень полезно знать, когда двое врагов сцепятся между собой, — и воспользоваться этим.

Примерно во времена ибн Хордадбега в борьбе с непокорными армянами погиб арабский наместник. Халиф отправил в Закавказье огромную карательную армию во главе с полководцем Бугой Старшим. Буга не удовлетворялся очередным — и, увы, далеко не последним — избиением армян. Мусульманские каратели двигались дальше на север. Был захвачен Тифлис, убит его правитель Саак (поразительно, но имя армянское, а не грузинское), разорены долинныя и горныя селения Грузии. Буга разбил войско абхазского царя Феодосия и подступил к Дарьяльскому ущелью, в окрестностях коего обитали ценары (санарийцы). Санарийцы отважно сопротивлялись завоевателю, но силы были слишком неравны. И тогда, как повествует рассказывающий об этом аль Йакуби, защитники Дарьяльского ущелья воззвали о помощи к трем владыкам, врагам арабов: «сахиб ар-Рум» (повелитель ромеев, византийский император); «сахиб ар-Хазар» (каган Хазарии) и «сахиб ас-Сакалиба» — государь славян. Исследователи немало спорили о происхождении этого «государя славян», предполагали и волжских болгар — но те были слишком далеко, и дунайских болгар — столь же далеких и не граничив-

ших в те времена с мусульманским миром. Самым вероятным представляется, что в виду имелся князь русов, только какой их части — северной ли, Киевской или, что мне представляется вероятнее всего, крымской — неизвестно. Не удалось мне, читатель, к глубочайшему сожалению моему, и найти упоминаний о том, какой отклик нашли мольбы несчастных санарийцев о спасении. Хазары, во всяком случае, никакой помощи им не оказали; не торопилась с подмогой — а может быть, просто не успела — и Византия. И о появлении русов на Кавказе в те времена ничего не известно, так что послы санарийцев, если и достигли цели, уже не успели привести подмогу своим несчастным землякам. Лишь Алания остановила в тот раз арабских захватчиков, и не своим войском, а холодами наступившей зимы, устранившей уроженцев жарких полуденных земель.

В 909 году русы на шестнадцати судах — суда русов, по разным источникам, вмещали от сорока до ста человек — напали на остров Абескун в Астрабадском заливе, по имени которого и само Каспийское море иногда называлось Абескунским. Остров был разграблен. Годом позже был сожжен город Сари в иранском Мазандеране — в общем-то стоявший отнюдь не прямо на морском берегу. Жители были угнаны в рабство. Местные жители, разъярившись, напали на ночевавший у берега караван русов — тех же ли самых, других ли, они не знали и, надо думать, не хотели знать. Ночевавшие на берегу были перебиты, отошедшие в море ладьи встретила и уничтожила флотилия правителя закавказского государства Ширван, ширваншаха Али ибн аль Гайтама.

Это была большая ошибка — виновная или нет, русская кровь в те годы не оставалась неотомщенной. До

времен, когда исламскому авторитету, призывавшему с экранов телевидения «резать русских собак», посмертно присваивают звание «героя России», оставались века и века. В те времена русы руководствовались несколько иными принципами, которые лично мне, читатель, говоря откровенно, импонируют больше.

Ибн Русте: «И если какое-либо их племя обижено, то выступают они все. И нет тогда между ними розни, но выступают на врага, пока не победят... и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его совсем».

Анонимный автор «Собрания историй» 1126 года, восходящий, разумеется, ко много более ранним временам: «И остался такой обычай, что если кто-либо прольет кровь руса, они не успокоятся, пока не отомстят. И если дашь им весь мир, они все равно не отступятся от этого».

Глава 2

Злосчастный год

Аль Масуди — Синдбад X века. Мстители и каган-бек Аарон. Буря с севера над Каспийскими берегами. Месть свершена. Вероломство каган-бека. Побоище в Итиле. Кто они были? Подвиг Игоря. Кембриджская «липа». Тьмутарканьская «Сечь».

О, далече зайде соколь,
Птиць бя — къ морю!
А Игорева храброго плъку не кресити!
За ним кликнула Карна,
И Жля поскочи по Руской земли.

«Слово о полку Игореве»

Об этом походе мстителей, закончившемся одним из самых страшных и кровавых поражений русов на восточных путях, нам рассказывает аль Масуди. Мы несколько раз уже встречались с этим именем, настало время поподробнее познакомиться с его обладателем.

Аль Масуди родился в сказочном для нас Багдаде, крупнейшем городе халифата. Сын знатного семейства, восходившего к самому Масуду, сподвижнику пророка Мухаммеда, получил великолепное для своего времени образование, но юношеская любознательность его была неутолима. Он объехал все мусульманские земли, был в Кордовском эмирате, в Египте, где записал жуткие истории о призраках пирамид, Персии, покоренной мусульманами Армении, далекой стране чудес Индии и

даже, по некоторым данным, в Китае. Завершив эти, достойные Синдбада, странствия, он описал их в двадцати книгах, тщательно рассказав обо всем, что видел, и прибавив то, о чем только слышал, — впрочем, в таких случаях честный араб неизменно оговаривался, прибавляя по обычаю своего времени — «а Аллах знает лучше». Некоторые из его книг сами состояли из двадцати-тридцати томов. Увы, прошедшее время я употребил не случайно. Из всего этого великолепия до нас дошли только... две книги, одна из которых представляет сокращенный конспект двух других сочинений аль Масуди («Хроники» и «Средней книги»), а другая именуется «Книгой предупреждения и пересмотра»¹. Нас больше интересует конспект, которому аль Масуди дал по-восточному пышное и вычурное заглавие «Промывальни золота и рудники самоцветов» (в XIX веке его переводили попроще — «Золотые луга»). Рассказав о погребальных обрядах русов и сравнив их с обычаями «Гинда», то есть Индии, аль Масуди ошибся, написав, будто индийские погребальные обряды отличаются от таковых у славян и русов тем, что у индусов «жена только тогда сжигается с мужем, когда она сама на это соглашается». На самом деле все обстояло ровно наоборот, и об этом вряд ли мог не знать аль Масуди, лично бывший в Индии и только что написавший, что женщины русов и славян «желают своего сожжения». Ту же добровольность погребальной жертвы славянок отмечают франк Бонифаций, византиец Маврикий, арабы ибн Русте и ибн Фадлан. При этом, согласно всем источникам, вдова была в языческом обществе русов и славян

¹ Увы, это вполне обычное дело. Из пятидесяти одной книги, написанной современником аль Масуди, Константином Рожденным в Пурпуре, уцелело только две. Какие же библиотеки попросту не дошли до нас, сколько бесценных знаний бесследно сгинуло в пучинах времени?!

вполне почтенным лицом, следовательно, у тех, кто уходил в пламя погребальных костров, выбор был. Более того, в силу наличия у многих мужчин нескольких жен и наложниц, на «должность» посмертной спутницы возникал, как ни трудно нам в это поверить, конкурс, причем доходило до ссор и драк, как сообщает ибн Русте. В то же время как раз индийские обычаи вплоть до самых недавних времен определяли женщину, не исполнившую долг «сати», как существо ритуально нечистое, живого мертвеца, и обрекали доживать жалкий век в затворничестве и молчании. Занятна и другая ошибка аль Масуди — он утверждает, будто в землях русов находится серебряный рудник масштабов хорезмийских серебряных копей; на самом же деле основным, если не единственным источником серебра для русов была, по всей видимости, торговля с Востоком¹. Далее он сообщает о том, что русы составляют многие народы, самый же многочисленный из них некие Лудана. Это сообщение уже не первый век составляет непреодолимую загадку для историков, каждый из которых на свой вкус трактует загадочных «Лудана» — норманны (как без них), ладожане, лютичи, уличи. Русы, говорит аль Масуди, путешествуют с товарами в Испанию-Андалус, Румию (поскольку обычно именовавшаяся Румией-Римом Византия будет упомянута ниже, остается только видеть в Румии аль Масуди Священную Римскую империю германской на-

¹ Иногда аль Масуди, полагаясь на информаторов, выдавал и не такие нелепицы: так, перечисляя славянские народы и их правителей, он, как здравствующих, упоминает Дира (аль Дир) и Олега (аль Олванг), в то время как к моменту написания аль Масуди своего труда оба государя не первый десяток лет отдыхали от трудов земных в недрах курганов. Сведения, как, несомненно, выразился бы незабвенный буфетчик из булгаковско-го «Варьете», Андрей Фокич Соков, второй — если второй! — свежести.

ции), Кунстантинию (Константинополь, то есть Византию) и Хазарию.

Познакомив в этом вступлении читателей с народом русов, аль Масуди продолжает повествование.

В 912 году (сам Масуди, конечно, определяет время похода как трехсотый год хиджры) русское войско на пятистах ладьях, каждая из которых вмещала сто воинов (думаю, не надо объяснять, что цифры эти, скажем так, приблизительны), войдя, по всей видимости (рассказ аль Масуди в этом месте не очень внятен), в Азовское море, попросило у хазарского каган-бека разрешения на проход землями каганата в Каспийское море. В обмен предлагалась, понятно, доля добычи — ни много ни мало, а целая половина. Не знаю, какими соображениями руководствовались эти русы — отношения между Русью и Хазарией были в те времена, мягко говоря, натянутыми. После того как Олег освободил от тяжелой хазарской дани славянские земли вятичей, радимичей и северян, Хазария объявила блокаду даже торговым караванам русов. Естественно, ни русские, ни мусульманские купцы по этому поводу долго не расстраивались, и вскорости торговля была возобновлена в обход каганата, через государство Волжских Булгар. Хазары оказались во всех смыслах обойденными, и надо было вовсе не понимать мстительный характер азиатов вообще и правящего Хазарией клана рахдонитов в особенности, чтобы думать, что они простят подобное — или хотя бы позабудут. Но поражения от оружия воинов Олега Вещего были, надо полагать, еще живы в хазарской памяти — отказать и напроситься этим на прямое столкновение каган-бек не решился. Русы, очевидно, поднялись по Дону, переправились в Волгу (или же спустились по Волге вниз?) и через Итиль, новую столицу Хазарии,

прошли в Каспийское море. Замерший огромный город в молчании глубокой ненависти провожал уходящие на юг ладьи страшного «народа Рос», скалящие с носов звериные морды, солнечные кресты с изломанными концами на парусах и щитах, чешуей покрывающих борта. И с горечью смотрели вслед уходящим ладьям многочисленные славянские рабы и рабыни.

Швейцарский историк Адам Мец в книге «Мусульманский ренессанс»: «Основной товар, поставляемый Европой, — рабы — являлся монополией еврейской торговли». Знаменитый чех Любор Нидерле в книге «Славянские древности»: «Вся торговля славянскими рабами находилась в руках евреев». «Работоторговля, посредством которой славянские рабы попадали в арабский мир, велась преимущественно иудейскими купцами-рахдонитами» — а это уже наш современник Д. Е. Мишин, автор замечательной книги «Сакалиба (славяне) в исламском мире». Специально привожу эти цитаты дословно, дабы не быть обвиненным в пристрастных измышлениях. В каких масштабах велась торговля, говорят приводимые тем же Мишиным данные переписи в Кордове, столице арабской Испании — страны, не самой близкой Хазарскому каганату. В середине X века в Кордове находилось *тринадцать тысяч* славянских рабов. Поставляли их хазарам, как сообщает араб Ид-риси, разбойничьи шайки тюрок и мадьяр, от которых каганат, ежели верить иным нашим историкам, «защищал» славянские племена.

Мечь русов обрушилась на берега Каспия, словно гром небесный. «Толпы» воинов наводнили Джиль, и Дейлем, и города Табаристана, и злосчастный Абескун, и Нефтяную страну, как называли окрестности нынешнего Баку — там в большом количестве из земли выхо-

дили нефть и природный газ, последний, кстати, использовали для священных неугасимых огней зороастрийцы, для которых эти края были излюбленным местом паломничества. Воины русов добрались и до Ардебилля, в долине рядом с которым сложил когда-то голову арабский полководец Джеррах, в войске которого сражались «сакалиба»-славяне — как и в разгромившем его войске хазарина Барджиля. Не ожидавшие нападения с моря — тем паче столь огромного войска — местные жители не могли организовать сопротивление. Войска ибн-абис Саджа, арабского наместника в Армении и Азербайджане, были разгромлены пришельцами, как и отряды дейлимитов — воинственных горцев южных берегов Каспия. Всюду лилась кровь, неслись закованные в железо воины, пешие и всадники¹, убивали, жгли, уводили в плен. Награбленное и пленных свозили на острова у азербайджанского побережья, словно провоцируя своего главного кровника, ширваншаха. Али ибн аль Гайтам имел неосторожность «повестись» на эту приманку. Весь его флот и несколько купеческих судов, наполненных вооруженными до зубов мусульманами, двинулись к островам. Навстречу им вышли боевые корабли русов. Вся флотилия вкупе со своим правителем отправилась кормить разжиревших в тот год безмерно каспийских осетров. Тысячи трупов в чалмах и полосатых халатах плыли по воде, и сытые чайки переступали по набухшим спинам, выискивая местечки повкуснее. Погибшие два года назад русы были отомщены стократ, но мстители задержались еще на несколько месяцев — наверно, чтоб

¹ Напомню — скандинавы, которыми, согласно норманнистской догме, обязаны быть русы начала X века, на конях не сражались еще в XIV — ни хорошо ни плохо, вообще никак! И места для коней на их драккарах не было. Зато на кораблях вендов, балтийских славян — было.

не остаться внакладе, отдав половину добычи алчному правителю Хазарии.

Вскоре отяжелевшие от добычи и пленников ладьи подошли к Итилю. Посланцы русского вождя отправились вручить каган-беку оговоренную долю добычи. Любопытно — они успели дойти до ладей? Или уже по пути к ним увидели заливающую берег стальную лавину — пятнадцать тысяч аль-арсиев, лучших воинов каганата, закованных в железную чешую от конских колен до ощеренных личин шлемов. И мусульман по вероисповеданию. Впереди них, вполне возможно, ехал с тяжелым палахом в руке тот самый Ахмад бен Куйя, которого пытаются выдать за сына основателя Киева. А за их спинами валило толпище в полосатых халатах — все взрослые мужчины-мусульмане многолюдного торгового города Итиля. С ними были и христиане — ради общей ненависти к язычникам-русам, или просто в надежде ухватить что-то из богатой добычи.

А с красных кирпичных стен Кемлыка, дворца каганов, осененных пятиугольными щитами Соломона, наблюдал за резней на берегу, любовно оглаживая густую выющую черную бороду и прядки-пейот над ушами, улыбаясь полными губами, каган-бек Аарон бар Беньямен, владыка Хазарии. Человек, которому его вера не то что позволяла — вменяла в обязанность обмануть доверившегося ему язычника-акума. Тем паче из ненавистного «народа Рос». И вместе с ним жмурил от злорадного удовольствия узкие щели окон весь огромный город, разжиревший на поту славянских рабов и крови тех, кто не желал быть рабами.

И тихо плакали по темным углам, не смея потревожить злого ликования своих «богоизбранных» господ, славянские невольницы.

Пять тысяч русов, по словам Масуди, вырвались из кровавой ловушки, в которую превратился для них Итиль. Тридцать тысяч трупов осталось лежать на речном берегу, и головы их свалили на городской площади. Вырвавшиеся, бросив суда, попытались прорваться из каганата сушей...

Но уже гудела степная земля под конскими копытами, уже мчались, науськанные каган-беком, орды кочевников-буртасов, вассалов кагана...

Мало кто из ушедших на Хвалынское море вернулся в родной дом.

Но где он находился, этот дом? Вряд ли в Киеве. Во всяком случае, несколькими годами позже, когда, натравленные хозяевами каганата, «приидоше печенеги первее на Русьскую землю», киевский великий князь Игорь сумел так встретить кочевников, что те откатились аж к Дунаю. А еще пять лет спустя в летописи появилась скромная строчка «воеваша Игорь на печенегов», после чего киевский государь оказался в состоянии, как мы видели, «повелевать» печенежским ордам — а те, в свой черед, почти полвека не смели показываться у русских границ. Чтоб полностью осознать величие сделанного правителем Киева, надо подчеркнуть, что из европейских правителей оседлых народов он был *первым*, сумевшим разбить кочевников на их территории, в степи. До него это пытались сделать Кир, основатель персидской империи, его потомок Дарий и полководец Александра Македонского Зопирион. Больше всего повезло Дарию — тот не только спасся сам, но даже умудрился вывести какую-то часть войска. Недаром, знать, был прозван Великим — а может, все дело в размерах армии, которая, по словам древнегреческого

историка Геродота, насчитывала семьсот тысяч воинов. Для сравнения — в великой армии Наполеона Бонапарта, императора Франции, было «всего» шестьсот тысяч. Киру повезло меньше — в Персию вернулись лишь рассказы о том, как предводительница кочевого племени сунула его отрубленную голову в бурдюк, наполненный кровью его воинов. А менее всего повезло Зопириону — его фаланги исчезли в степи, как камень в море. Ни слухов, ни рассказов об участии несчастных македонцев. Видимо, учтя этот опыт, грозные римляне даже не пытались сунуться в степь. И никто из оседлых народов не пытался — до Игоря Рюриковича, Игоря Сына Сокола.

Спрашивается — мог ли киевский великий князь совершить такое, избавить два поколения русских людей от страха перед степью, если бы понес столь страшное поражение? Не знаю, как Вы, читатель, а я сильно в этом сомневаюсь. Сомневаюсь и в том, что на берегах Итиля гибель нашел предшественник Игоря, некий князь Олег II, сын Олега Вещего, как предполагают С. Э. Цветков и В. В. Кожин. Силы Киева, кто бы ими ни предводительствовал, не пострадали в тот год. Иначе это обязательно сказалось бы на положении Киевской Руси, учитывая размеры потерь — сказалось бы катастрофически. Между тем тот же аль Масуди сообщает, что Черное море (Нейтас, по-арабски) именуется Русским (что подтверждается и нашими летописями), «оттого, что, кроме русов, по нему никто не смеет плавать». «Рекой русов» он именует Дон. Лев Диакон рассматривает Керчь — Боспор Киммерийский — как базу нападений Игоря на империю. Это ли народ и держава, только что страшно и бессмысленно потерявшая

десятки тысяч сыновей? Неужели Аарон бар Беньямен пропустил столь великолепный случай поставить ненавистный «народ Рос» на колени, а еще лучше — раздавить, уничтожить навсегда, «все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребить мечом» — по заветам Моисея, Иисуса Навина, кроткого царя Давида?!

Но а как же, возразит мне, возможно, начитанный читатель, знакомый с книгами по этому периоду Русской истории, как же Кембриджский документ, как же «царь русов X-л-гв», разбитый и покоренный «досточтимым Песахом»?

Поясню для читателя, не столь хорошо ориентирующегося в теме. В 1912 году С. Шехтер обнаружил в Кембриджской библиотеке и тогда же издал любопытный источник на древнееврейском языке об истории Хазарии X века. Два скрепленных между собой бумажных (?!) листка исписаны с обеих сторон крупным квадратным письмом. По одной версии, это вариант переписки каган-бека Иосифа, сына Аарона бар Беньямена, с Хасдаем ибн Шафрутом. По другой — рассказ некоего хазарина, избежавшего гибели при разгроме русами каганата, своему новому господину о судьбах Хазарии. Говорится там, как «злодей Романус», император Византии, сперва начал гонения на иудеев, а потом подстрекнул правителя русов «X-л-гв» напасть на хазар. В ответ «досточтимый Песах» пошел войной на «X-л-гв», разгромил его и заставил воевать (?!!) против Византии. Там «X-л-гв», потерпел поражение от «греческого огня», бежал и погиб в Персии.

К кому только не примеряли этот рассказ — и к Игорю, и к Олегу Вещему, и к гипотетическому Олегу II.

Л. Н. Гумилев умудрился сочинить устрашающую сказку о захвате войсками Песаха Киева — который ни единой буквой не упомянут в документе. Что до меня, то я вовсе не считаю себя обязанным его к кому-либо относить. Я просто откладываю его в сторону. Почему? А Вы, читатель, что бы сделали с текстом, в котором действует языческий волхв Николай Иванович? Или московский воевода Карл Эдуардович? Или фрейлина Екатерины Великой Искрина Марксленовна?

Первый русский исследователь кембриджского документа, опубликовавший его перевод, П. К. Коковцев, в общем-то, ставит точку в его изучении, указывая, что имя Песах появляется у евреев очень поздно, не ранее конца XIII века. Так что этот «документ» — в лучшем случае попытка еврейского средневекового, или не очень, историка задним — очень задним! — числом выиграть проигранную предками войну. Таких примеров масса, самый древний — надписи Рамзеса II о «выигранной» им битве с жившим к северу от Египта народом хеттов при Кадеше, после которой границы Египта и хеттов отчего-то ощутимо сдвинулись... к югу. Впоследствии в загадку внесли ясность хеттские надписи — битву под Кадешем фараон позорно проиграл. Так и здесь — с той разницей, что нам давно и хорошо известны источники, в более верном свете показывающие русско-хазарские отношения середины X века. И то, что находятся историки, пытающиеся поверять, скажем, русские летописи этой фальшивкой, — это их диагноз, не более того. Что до меня, то я не считаю себя обязанным считаться с сообщениями этого в высшей степени сомнительного источника.

В худшем же случае кембриджский документ — очередная «историческая» фальшивка, состряпанная мало-

грамотным норманнистом (слышавшим, что имя Олег трактуют, как Хельги¹, но напрочь забывшим или не знавшим, что Олег Вещий «отмстил неразумным хазарам» задолго до воцарения «злодея Романуса»), очень любящим евреев и очень не любящим русских². Вроде русской «Влесовой книги» с той существенной разницей, что норманнистско-русофобский «документ» триумфально въехал в историческую науку, а единственная ссылка на антинорманнистско-русофильскую «Влесову книгу» способна изгадить репутацию историка.

«Объективность»? Она, читатель, она!

Так что забудем эту «Песахову книгу» и повторим еще раз: в середине X века, при великом князе Игоре Рюриковиче, Русь — сильная держава, никому из соседей не подчиненная и граничащая с каганатом по Дону. Мы же вернемся к русам, погибшим в Итиле. Итак, они не киевляне. Кто же они в таком случае и откуда? Не зря ведь аль Масуди начал рассказ про злосчастный

¹ На самом деле норманнские саги «отказываются» опознать в Ольге скандинавскую «Хельгу», передавая ее имя неудобопроизносимым Аллогия. С. А. Геденов указывает на существование имен Олег и Ольга у чехов, а также на славянские имена вроде Ольгост, литовские Ольгерд и Ольгимунт. Однако, скорее всего, все много проще — еще Ломоносов, а затем Костомаров указывали, что имена эти самым естественным образом возникают по принципу других русских отглагольных имен на «О» — Ощера, Овид, Ольстин, Олисава. О-лег — тот, кто «ОбЛЕГчил», «освободил» — летописный Олег освобождает славян от хазар и возлагает на них «дань легкую». Древнерусский глагол «олыгчити» и обозначает — освободить, смилостивиться и т.д. Отсюда же «легкий», «льгота», «вольготный», древнее «льзя» и современное «нельзя». До какой же степени надо быть оглушенным норманнистским дурманом, чтобы выводить это кричащее о своем славянстве имя-прозвище от заморского «хельги», даже вопреки свидетельству скандинавских саг!

² Никого не хотел бы обижать зря, но еврей и норманнист С. Шехтер, обнаруживший (?) «документ», отвечает, по крайней мере, половине этих условий.

поход 912 года сообщением, что русы «состоят из разных племен».

Тут надо знать то, не слишком ярко освещаемое нашими историками обстоятельство, что в конце IX — начале X века на Черном море образовалась, согласно целому ряду источников, некая пиратско-купеческая воляница, вроде украинской Запорожской сечи или Карибских флибустьерских гнезд эпохи Великих географических открытий — Порт-Ройаль, Тортуги. Многие исследователи именно здесь располагают загадочную Артанию-Арсанию-Уртаб, третье царство русов арабских и персидских источников. Располагалась она в Тьмуторокане, и съезжались туда молодые, охочие до приключений удалцы, одиночки и ватажные, не прижившиеся ни к одному двору дружинники, изгои и беглые всякого рода. Позднее Тьмуторокань стал гнездом князей самого авантюрного склада — чего стоит тот же Олег Святославич-Гориславич (в этом прозвище нет ни обиды, ни намек на «горе», оно обозначает человека «горючего», огненного, человека славы яркой и недолгой, как пламя). Именно отсюда могли приходиться русские дружины на северо-восточный берег Византии (житие Григория Амастридского, IX век). И очень вероятно, что именно отсюда вышли в поход и те лихие полукупцы-полуразбойники, которых перебили в 910-м корабельщики ширваншаха Али, и те злополучные удалцы, столь страшно за них отомстившие — и потерявшие вместе с плодами мести свои жизни.

Что-де до урока, он прост — не верь врагу. Как бы ни был ему выгоден союз с тобою, твое поражение ему все же выгодней. И лучше бы шедшие на Каспий русы начали мстить с разгрома Итиля и освобождения славянских невольников.

Глава 3

Бердавское сидение

Возвращение в Бердаа. История с географией. Райский уголок. Русские воины X века. Манифест русов. Наглость, тупость, жадность и фанатизм — в одном флаконе. Пять смертей в саду. Выкуп с печатью. Психологический портрет туземцев. Поклеп ибн Мискавейха. Бои, хворь и другие тяжелые вести. Кто и зачем? Секретная миссия воеводы. Не мечите бисер...

Пламя — играют тени
В воздухе пахнет гарью
След городов — лишь пепел.

*Велеслав,
«Города»*

Невзирая на то, что аль Масуди был убежден сам и убеждал читателей, будто на повторение похода 912 года русы никогда не осмелятся, всего лишь через каких-то тридцать с небольшим лет вторжение русов пусть в меньшем масштабе, но повторилось.

Мы возвращаемся в Бердаа, уважаемый читатель, уже не в армянскую Партаву, но в Бердаа мусульманский. Когда-то под его стенами сидели славянские воины хазарского кагана, и вот теперь сюда пришли славянские дружинники славянского государя. Впрочем, позднейший автор Абу-л-Фараджа утверждает, что в

дружине, пришедшей к стенам Бердаа, были кроме славян аланы и лезги¹; будь это действительно так, мы могли бы предположить, что русы шли к Бердаа через Северный Кавказ, а то совершенно непонятно, откуда они взялись в этом райском краю. Одни авторы предполагают, что они шли так же, как в 912-м: Сурожское море — Дон — Волга — Хвалынское море. В таком случае, возникает большой вопрос — а что делал и чем именно размышлял над создавшейся ситуацией каганбек Иосиф, сын и преемник вероломного Аарона, тот самый, который, помнится, заверял Хасдая ибн Шафрута, что ни на минуту не оставляет в покое грозных русов и не пропускает их в мусульманские земли? Про хазар можно сказать много доброго и теплого — но дураками их назвать сложно. И если русы и впрямь оказались на Волге — неужели они удержались от благодарности хазарам, и хазарским мусульманам в особенности, за гостеприимство, оказанное их предшественникам? Другая версия — о пешем броске через Дагестан к Дербенту (вкупе с аланами и лезгами), захвате флота и походе на кораблях до устья Куры — выглядит убедительней. Вот только б была она подкреплена хоть строчкой источников... а то, что написано в источниках, убеждает лишь в слабом знакомстве их авторов с наукой географией. Вот что пишет об этом ибн Мискавейх, младший современник событий, поведавший нам о них наиболее подробно: «они (русы. — О.В.) проехали море, которое соприкасается со страной их, пересекли его до большой реки, известной под именем Куры». И что прикажете делать с этим «маршрутом»? Кура, по примеру Волги, впадает, как известно, в Каспийское море. В середине X века

¹ Как легко заметить, норманнов в этом списке нет.

Каспий не «соприкасался» со страной русов ни одним метром берега.

Не вполне ясно также, когда именно был предпринят поход на Бердаа (между тем, как мы увидим, от этого во многом зависит правильное понимание его целей). Ибн Мискавейх и многие историки, средневековые и современные, вслед за ним, называют датой похода 943 год. Абу-л-Фараджа называет 944-й, и это кажется более верным, так как сам ибн Мискавейх говорит, что русы были в Бердаа в год смерти эмира Тузуна, скончавшегося в 945 году, и ни один источник не утверждает, что пребывание русского отряда в Закавказье затянулось далее, чем на год.

А что край был райский — в этом согласны были все, кто там бывал. Вот армянский автор: «великая река Кура стремительным течением приносит с собой множество огромных и мелких рыб. Она протекает и впадает в Каспийское море. Поля вокруг нее изобилуют хлебом, вином, нефтью, шелком и хлопчатой бумагой; несметно число оливковых деревьев. В горах добывается золото, серебро, медь и желтый ладан. Есть и хищные звери: львы, тигры, барсы, дикие ослы (? Автор, видимо, слегка увлекся. Дикие ослы не относились к хищникам даже в X веке. — О.В.) и множество птиц: орлы, соколы и подобные им».

Великий азербайджанский поэт Низамеддин Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф Низами, родившийся и проживший жизнь в окрестностях Бердаа, в городе Гендже, оставил в поэме «Искандер-намэ», написанной, очевидно, по мотивам местных преданий и легенд, следующее восторженное описание своего родного края накануне появления в городе русов:

Так прекрасна Берда, что январь, как и май,
Для пределов ее — расцветающий рай.
Там на взгорьях в июне раздолье для лилий,
Там весну ветерки даже осенью длили,
Там меж рощ благовонных снует ветерок,
Их Кура огибает, как райский поток,
Там земля плодородней долины Эдема,
«Белый сад» переполнен цветами Ирэма,
Там кишаший фазанами дивно красив
Темный строй кипарисов и мускусных ив,
Там земля пеленою зеленой и чистой
Призывает к покою под зеленью мгlistой,
Там в богатых лугах и под сенью дубрав —
Круглый год благовонье живительных трав,
Там все птицы краев этих теплых. Ну что же...
Молока хочешь птичьего? Там оно — тоже.
Там дождем золотым нивам зреющим дан
Отблеск золота; блещут они, как шафран.
Кто бродил там с отрадой по благостным травам,
Тот печалей земных не поддастся отравам.

Одним из главных сокровищ окрестностей Бердаа в X веке были тутовые рощи, в которых выращивали шелковичных червей и коконы. Это было место крупного шелкового производства. Ко времени появления под его стенами русского войска Бердаа был захвачен отрядами дейлемитов под водительством Марзубана ибн Мухаммеда, которого армянский историк-современник называет Саларом. Этот человек был бы находкой для любого автора авантюрно-исторического романа; Роберт Говард бы охотно посвятил его приключениям не одну повесть. Типичный «Конан», Марзубан начал жизнь в горном полудиком племени, стал наемником, командиром наемников и, наконец, правителем. Бердаа, столицу Агвана, Марзубан сделал своей ставкой, а его войска двигались на север — в Ширван и дальше, к Дербенту.

Градоправитель Марзубан послал против пришельцев, высадившихся из ладей на берегу Куры и разбивших лагерь в местечке Мубараки, своего заместителя во главе сборного войска. В нем, как сообщает ибн Мискавейх, было три сотни дейлемитов, примерно такое же количество курдов и каких-то непонятных «бродяг». К небольшому войску присоединились еще и пять тысяч добровольцев — «борцов за веру». Далее ибн Мискавейх делает по-настоящему великолепное замечание — «были они беспечны, не знали силы русов и считали их наравне с армянами и ромеями». Прекрасный отзыв о воинских качествах византийской армии...

Русы выстроились «стеной» — такие «стены» впоследствии хорошо запомнят византийцы во время войны с великим князем Святославом. Аланы и лезги, очевидно, выполняли то же предназначение, что и печенеги с мадьярами в походах князя Святослава, — их легкая конница прикрывала фланги русской «стены». Защитники города, вероятно, действительно сильно недооценили русов — неужели родители не рассказывали им о северной буре 912 года?! Во всяком случае, не прошло и часа, как жители Бердаа дрогнули под натиском законных в кольчужный доспех светлоусых воинов, а потом и побежали. И хотя бежали они очень быстро, до ворот успели добраться только те, кто был верхом. Остальные полегли под мечами северных пришельцев.

В городе началась паника — никто не подумал даже закрыть ворота, все горожане, у кого было верховое или хотя бы выючное животное, обратились в повальное бегство. Разгром своего войска и жуткий, нездешний вид завоевателей поражали ужасом, гася в зародыше мысль о сопротивлении.

В отличие от славян VII века русские воины X были практически все защищены железными кольчугами или пластинчатой броней, головы укрыты сфероконическими шлемами, увенчанными султанами из шерсти или перьев — еловцами. У каждого был меч, с которым рус не расставался и в мирное время; о превосходном впечатлении, которое производили на людей Востока русские клинки, мы уже говорили. Кольчуги славян ибн Русте называл «великолепными», а один из рыцарей императора франков Карла Великого, Рено де Монтабан, как говорится в одноименной средневековой поэме, приобрета «прекрасную кольчугу из Руси», стяжал славу неуязвимого бойца. В остальном русские витязи середины X века мало отличались от своих славянских сородичей трехвековой давности — те же копья и луки, та же «стена», те же «труднопереносимые» щиты, защищающие не только туловище, но и ноги, те же усы и чубы на обритых головах. По сообщению ибн Мискавейха, пришедшие к стенам Бердаа русы несли с собой дротик, копье, щит и меч. Кроме того, в снаряжение воина-руса входили «оружие, подобное кинжалу», столб для палатки и набор инструментов — пила, топор¹, молоток. Последнее было необходимо как для ремонта и строительства основного транспортного средства русов — деревянных ладей, так и для быстрого возведения укрепленного лагеря. В целом же все это очень походило на снаряжение римских легионеров имперских времен, знаменитых «мулов Цезаря» — «все свое ношу с собой».

¹ Следует обратить внимание — топор попал не в перечень оружия, а в список инструментов. В отличие от норманнов с их любимыми секирами, русы не слишком жаловали боевые топоры: былины их вообще не знают, в летописи же знатный рус пользуется топором лишь на охоте да при подавлении мятежа взбунтовавшихся данников.

Доспехи русы начищали до блеска, в летописях и воинских повестях Руси движущееся войско уподобляли ледоходу, а жителям кавказских долин несущаяся на них стена русов казалась, должно быть, горной лавиной.

Краснолицые русы сверкали. Они
Так сверкали, как магов¹ сверкают огни! —

воскликает Низами в «Искандер-намэ». Сравнение с пламенем тут тоже не случайно — щиты русов и древки копей, знамена, плащи — все было любимого русами красного цвета. Современник взятия Бердаа, лангобардский епископ и посол в Константинополе Лиутпранд вообще полагал, что «русиями» — красными — северян называли греки за пристрастие к этому цвету. Иные исследователи даже склонны считать, что «краснолицые русы» в стихах Низами говорит о ритуальном раскрашивании лиц; а по-моему, это уже перебор. Вряд ли кто-то из современников не заметил бы столь бросающегося в глаза обычая — разглядел же Лев Диакон чуб на бритой голове Святослава и серьгу в левом ухе князя, а ибн Фадлан — татуировки (стоит ли говорить... да наверное, все-таки стоит — обычай татуировки был совершенно незнаком скандинавам, а вот моравская княжна Дубравка брала с собой костяные иглы для татуирования даже в дорогу, а в югославской глубинке крестьяне делали себе точь-в-точь такие же наколки, как у русов ибн Фадлана, до начала XX века) на руках встреченных им русских купцов. Скорее смуглым южанам краснолицыми казались любые чисто белые люди, да и обгорают на кавказском солнце светловолосые,

¹ Маги в данном случае — зороастрийские жрецы, чьи священные огни были любому азербайджанцу времен Низами отлично знакомы.

бледнокожие северяне много быстрее. Военачальник двигался верхом впереди строя.

Изображения же русов X века в незнакомых восточноевропейской археологии норманнских полукруглых шлемах, с норманнскими боевыми секирами, норманнскими круглыми щитами и при норманнских бородах и гривах до плеч следует понимать как результат зомбированности художников массивированной пропагандой норманнизма, плюс желание схалтурить — легче ведь в сто первый раз нарисовать типового викинга, чем копаться в источниках, выясняя, как на самом деле выглядели русы тысячу с лишним лет назад.

Заняв почти опустевший город, русы выслали глашатаев по окрестностям, где прятались разбежавшиеся горожане.

«Нет между нами и вами разногласия в вере! — кричали они. — Мы желаем только власти. *На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам* (выделено мною. — О.В.), а на вас — хорошо повиноваться нам».

Примечательное заявление. Хотелось бы ошибаться, но кажется, для многих и многих «демократически избранных правителей» существование каких-то обязанностей перед теми, кем они правят, стало бы ошеломительной новостью. А вот русы это хорошо понимали и тогда, в первой половине X столетия. Что до «нет разногласия в вере» — это, конечно, не означает, что русы были мусульманами. Все рассказывающие о взятии Бердаа источники единодушно называют северных завоевателей язычниками. Они и были нормальными язычниками и, как таковые, вовсе не собирались принуждать местных жителей отказываться от Аллаха и поклоняться Перуну и Велесу.

Жители, услышав это объявление, вскоре вернулись в город. Вот только русы, боюсь, очень скоро об этом пожалели.

К городу стали подходить отряды из соседних областей — то Марзубан, собравший свое разбежавшееся по укромным ущельям воинство заново, то ширваншах. С чего последний, до этого несколько раз битый неутомимым Марзубаном, вообразил, что сможет отнять крепость Бердаа у его победителей, мне, читатель, решительно непонятно. Русы неизменно выходили им навстречу и неизменно одерживали победы. Жители же города, толпясь на стенах, воплями поддерживали своих единоверцев. И если бы только воплями — оборванное отребье высыпало вслед за русами из городских ворот, швырялось им в спины камнями с воплями «Аллах акбар!». Русы вновь обратились с горожанам с воззванием, напоминавшим, что им следует заниматься своими делами и не вступать во взаимные отношения двух племен-завоевателей — дейлимитов и русов. Знатные и состоятельные люди, которым было что терять, приняли это во внимание, но простонародье и чернь не успокаивались, принимая, по обыкновению, терпимость русов за слабость. Но терпимость предков и впрямь поражает. Читатель, как по-вашему, на какой раз современный командир на месте полководца русов приказал бы солдатам стрелять в толпу и взял бы заложников среди гражданского населения?

Вот и я тоже так думаю, что на первый.

Но даже необыкновенное терпение русов подошло к концу, когда окончательно обнаглевшие от безнаказанности фанатики перешли к убийствам. В одном из садов Бердаа толпа окружила пятерых русов, в числе которых был безусый мальчишка, сын одного из предводителей

войска. Мусульмане очень хотели захватить живьем одного из них, но северные воины в плен не сдавались — они дрались до тех пор, пока не падали замертво, причем каждый успевал убить многих мусульман. Оставшийся последним мальчишка — очевидно, старшие товарищи прикрывали его, — поняв, что может попасть в плен, вскарабкался на дерево и закололся там кинжалом. Таковы были обычаи русских витязей, нашедшие отражение в «Истории» Льва Диакона и в русских былинах (богатырь Дунай, Данило Ловчанин). И даже русский боярин Александр Пересвет, в родных брянских лесах которого еще догорали последние погребальные костры язычников, до того, как перо монаха-переписчика обрядило его вместо «злаченных лат» в черную схиму, высказывался так: «лучше же нам на мечи свои наврещися, нежели от поганых полоненым быти».

После этого глашатаи русов приказали жителям Бердаа убираться из города. Те горожане, у кого были выючные животные, на которых можно было погрузить семью и имущество, так и поступили, но подавляющее большинство, напрочь позабыв недавний смертный страх перед чужеземцами, не приняло предупреждения всерьез.

И совершенно напрасно. На исходе третьего дня северяне рассыпались по городу, убивая всех, кто сопротивлялся. Убиты были, надо думать, и те, кто был заподозрен в участии в убийствах. Не сопротивлявшихся согнали на рыночную площадь, женщин и детей отправили в крепость, а мужчин — десять тысяч человек — в соборную мечеть Бердаа и приказали выкупать себя.

Даже в этих условиях большинство жителей Бердаа не захотели — ибн Мискавейх подчеркивает, что именно «не захотели», а не «не смогли» — выкупить себя и

свои семьи. Более того, некий христианин ибн Самун (Симеон? Симон? Самсон? Сириец? Армянин?), попытавшийся выступить посредником между русами и их пленниками и даже добившийся было усредненной суммы в двадцать дирхемов, за которую пленник мог выкупить себя и семью, получил вместо благодарности за свой смертельный риск на благо сограждан (русы были не слишком хорошо настроены к жителям Бердаа и вряд ли могли отличить христианина ибн Самуна от его мусульманских земляков) возмущенные обвинения от тех, ради кого старался: он, мол, только и мечтает, чтоб уравнивать христиан с мусульманами в уплате джизии. Как легко догадаться, ибн Самун плюнул на тупых и неблагодарных фанатиков — и переговоры прекратились. Благоразумные, уплатив выкуп, могли забрать семью и покинуть город. В знак того, что выкуп уплачен, получивший ценности рус выдавал расплатившемуся горожанину *печать на глине*, защищавшую его от любых претензий со стороны прочих русов.

Кто-то еще считает наших предков дикарями... да судя по рассказу ибн Мискавейха, это были люди ангельского характера, рыцарской доблести и высокого ума. Дикарями тут выглядит кое-кто другой!

Видный ученый, к сожалению, зараженный мифами норманнизма, В. В. Бартольд, недоумевал по поводу поведения русов (которых, естественно, считал норманнами) в Бердаа: «Подробности рассказа показывают, что взятие Бердаа было совершено *более стройными силами, чем набеги норманнов на христианские и мусульманские города Европы* (здесь и далее выделено мной. — О.В.). В рассказах об этих набегах норманны обыкновенно изображаются беспощадными варварами, истребляющими и сжигающими все на своем пути; *едва*

ли в Европе был случай, чтобы языческие норманны при взятии большого города объявляли жителям, что будут охранять безопасность их жизни и имущества». Что можно ответить почтенному историку? Он совершенно прав. Кроме того, «едва ли в Европе был случай, чтобы языческие норманны» захватывали территорию, в несколько раз превышающую Скандинавию и площадью, и населением, и при этом скромно помалкивали, не давая знать потомкам и современникам о своих небывалых победах и завоеваниях ни сагой, ни ви-сой, ни строчкой. Чтобы языческие норманны собирали дань с завоеванных, да еще определяли ее размер вместо того, чтоб грабить, отнимая все. Чтобы языческие норманны забрасывали своих богов, суровых Асов, и начинали поклоняться местным языческим кумирам. Чтобы языческие норманны через поколение после завоевания перенимали язык, имена и обычаи завоеванных, в том числе столь, со скандинавской точки зрения, позорные, как татуировка или бритье головы и бороды (слово «безбородый» в Скандинавии эпохи викингов было смертельным оскорблением наряду с «навознобородый», а бритая голова — клеймом раба).

Короче говоря, покуда честные историки не отойдут от норманнистского дурмана и не уяснят для себя раз и навсегда то, о чем твердят им русские летописи и предания, византийские хрисовулы и норманнские саги, записки арабских географов и западные хроники, данные языка и археологии — а именно, что варяги и русы никогда не были скандинавами, а были балтийскими славянами, — знакомство с началом русской истории будет для них сплошной цепью таких вот недоумений.

Что до выдававшейся откупившемуся жителю Бердаа печати, то надо напомнить, что печати возили с собой

гости и послы русов согласно договору 944 года. Перстни-печатки с различными символами часто находят на Руси в дружинных курганах этого времени. Что, наконец, славянские купцы принесли в Скандинавию слово *pitshaft* (и, очевидно, понятие, ибо в недрах норманнских курганов перстней-печаток не найдено).

Тех же, кто упорствовал и цеплялся за свои деньги, ждала печальная участь. Русы попросту перебили всех, кто оставался в мечети, а их женщин и детей сделали рабами. Спаслись лишь те, кто в одну из ночей заключения выстучал под полом мечети русло старого арыка, который строители поленились засыпать, разобрали плитки и ушли этим подземным ходом.

Великолепная психологическая черта — своим соседям по заточению эти люди не сказали ничего. Хотя, судя по тому, что сами предпочли улизнуть из обреченной мечети, не могли не догадываться, что ожидает их сограждан.

Интересно — им потом крепко спалось? Не мерещились по ночам подтекающие спелой вишней двери старой мечети, и голоса дедушки Гасана и дяди Ахмеда не окликали из темноты? И ведь они ж еще кому-то об этом рассказывали...

Что до русов — ну да, они поступили жестоко. Но они-то сделали все, чтобы этого не было, сделали много больше, чем кто бы то ни было сделал на их месте. Не так вели себя мусульманские завоеватели в Иране, не так будут вести себя христианские крестоносцы в Святой земле, не так будут вести себя солдаты победивших стран в Японии и Германии в конце Второй мировой.

Тут, правда, ибн Мискавейх мимоходом возводит на наших предков напраслину, и, скорее, без всякого умысла, по незнанию. Он говорит, что, забрав к себе в кре-

пость жен и детей погибших, они «прелюбодействовали с женщинами и отроками». Так вот это — полная ерунда. Такого никогда не было, ни один источник этого не подтверждает. С женщинами-то, естественно, было — тут нравы пращуров были предельно просты, меня в свое время поразила сцена у ибн Фадлана, когда русский купец в Булгаре, занимающийся любовью со своей женщиной, не прерывает этого занятия, когда другой заходит к нему в гости, и продолжает его, так сказать, до победного конца в присутствии гостя. Но вот с «отроками» — чушь. У скандинавов этот порок был известен, хоть и почитался предельно позорным. А у славян даже слова для этого не было! Н. М. Гальковский в главке «Брак» своей работы отмечает, что «в первые века христианства у нас очень мало были распространены противоестественные пороки». Точнее было бы сказать, что они в те поры были известны лишь по завезенным из Византии поучениям и спискам исповедальных вопросов. По работе Гальковского отлично видно, откуда эта мерзость у нас появилась и кто был ее первым носителем. Монахи из богоспасаемой Византии! Первым достоверно известным мужеложцем на Руси оказывается... митрополит русской церкви в XV веке Зосима. Ста годами позже к списку добавляются и служилые мусульмане из царского войска. Но ни один обличитель русского язычества не приписывал ему этой гнусности. Языческая Русь не была раем земным, но была грязь, от которой она была совершенно свободна, и «прелюбодейство с отроками» — в ее числе. Ибн же Мискавейх просто говорит как человек своего народа, культуры и времени. Ему трудно представить, как это можно не насиловать пленных мальчиков, — и он при-

писывает это русам. Что ж, не он первый судил других по себе, и, увы, не он последний.

Попытки выбить русов из укрепления Бердаа военной силой успеха не имели. Раз за разом мусульманские правители, в первую очередь неугомонный Марзубан, приводили под стены столицы Агвана свое войско. Раз за разом русы выходили в поле — и опрокидывали мусульманские полчища. До штурма так ни разу и не дошло. Особенно примечателен один случай — Марзубан попытался заманить русов в ловушку притворным бегством — и с огромным трудом смог остановить своих удирающих от страшных язычников вояк. Притворное бегство едва не превратилось в настоящее. Только личный пример Марзубана, чуть не в одиночку бросившего навстречу наступающим русам, предотвратил это. Впрочем, большого успеха засада все равно не имела — Марзубан снова был отбит. Муравьиному упорству этого человека остается лишь поражаться. Русы тем временем... расширили свои владения, захватив город Марагу. Видимо, опыт Бердаа оказался поучительным — русы на сей раз не заявляли о своих намерениях, не пытались договориться с жителями, они приходили и брали, убивая тех, кто сопротивлялся, и щадя остальных. Судя по отсутствию упоминаний о сопротивлении русам в Мараге, такой образ действий оказался для местных жителей гораздо доходчивее и понятней

К сожалению, непобедимых в бою русов настигла в Мараге новая беда — по сообщениям арабских авторов, они подхватили там какую-то заразную хворь, принявшуюся косить их ряды. Наконец, они вынуждены были уйти из края, предварительно спалив в костре добычу, которую не смогли унести. Русы уходили непобежденными, сохранив добычу, но потери были слишком вели-

ки, моровое поветрие не останавливалось, да и с родины доносились тяжкие вести — погиб великий князь Игорь, начиналась смута. У реки их встретили корабельщики и триста дружинников, все это время охранявших корабли. Тоже любопытная деталь — не то трехсот русов хватало для обороны вряд ли так уж укрепленного лагеря и судов от подходивших к Бердаа мусульманских армий, не то этих «борцов за веру» куда как больше «земли сынов пророка, которую топчут грязные ноги неверных», волновала набитая добычей и пленниками крепость Бердаа. Разделив добычу, русы отплыли восвояси, и, как сообщает Абу-л-Фида, благополучно вернулись домой.

Один армянский историк, современник событий, добавляет, что «хворь», поразившая завоевателей, на самом деле была результатом диверсий пленных женщин, травивших воду в захваченных крепостях. Русы, узнав об этом, перерезали пленниц — можно ручаться, что за действия фанатичных «шахидок» заплатились жизнью и те мусульманки, кто ни сном ни духом не ведал об их злодеяниях — и покинули Бердаа.

Честно говоря, уважаемый читатель, в мировой истории не так уж много случаев, когда завоеватель выглядит умнее, добрее и благороднее побежденного, особенно под пером соплеменника и единоверца последнего. И хотя история с бердавским сидением закончилась довольно грустно, но мне все же приятно, что в одном из таких редких случаев завоеватели — мои предки.

И опять тот же вопрос, которым мы уже задавались: кто они, откуда и зачем пришли? Распространенную версию о том, что во главе русов стоял тот самый «Х-л-гв» из «Кембриджского документа», я, по понятным причинам, отмечаю. Персонажи, мягко говоря, художествен-

ной литературы историческими деяниями не занимаются. Остается три версии. Первая — какой-то независимый от Игоря крупный вождь. Подручный великого князя киевского, Игоря, временно ушедший в «самостоятельное плавание». И, наконец, один из Игоревых воевод, действовавших по его приказу.

Про первую версию мне просто нечего сказать. Нет данных ни за, ни против. Конечно, могли в Тьмутарканье вырасти мстители за мстителей. Как раз зрелые мужи, по тем меркам даже почти пожилые — 33—35 лет прошло. Только мстят они... не по адресу несколько. Это во-первых. А во-вторых, как-то очень мирно мстят. Как МСТИЛИ русы на самом деле — мы помним по 912 году. И раз вместо «позади все горит, впереди все рыдает» мы видим нечеловечески упорные попытки договориться с этими, прошу прощения, горными архарами, то тут напрашивается два вывода: или русы не те, или у них на этот раз совершенно другая цель.

А скорее всего — и то и другое.

Вторая же и третья вполне подходят — я бы даже охотно согласился с дореволюционным историком Нечволодовым, что великий князь киевский таким образом решил поквитаться с каспийскими мусульманами за резню 912 года, ведь там были пусть и не его подданные, но все же русы, а значит, их кровь и предательство каган-бека не должны были, не могли остаться неотомщенными. Если бы Бердаа только имела какое-то касательство к этому погрому. Логичнее было бы разграбить один из городов Хазарии, уделяя особое внимание мусульманам. Но ведь русы появляются в Бердаа сразу после успешного похода 944 года. В реальности этого похода я убежден — не зря же Константин Рожденный в

Пурпуре закликает сына не допускать союза между «россами» и «пайсенаками»-печенегам. А такой союз против Византийской империи в источниках упоминается дважды — при Святославе, до которого несчастный кесарь не дожил, отравленный этим самым собственным сыном и снохой, которую тот подобрал в грязном портовом кабаке, и при описании второго, удачного похода его отца. Договор с русами в 944 году ромейские послы приезжают заключать в Киев — с чего бы это? Да и сам договор, что бы ни говорили наши «объективные» историки, не очень похож на увенчание полного разгрома великого князя киевского в злосчастном 941 году, когда его ладьи были сожжены «греческим огнем», сам он с остатком дружины едва спасся, а пленным русам рубили головы на ипподроме Константинополя. Разве разбитый наголову великий князь смог бы потребовать, чтобы русов, прибывавших в Константинополь без его грамоты, в цепях отправляли обратно? Да и самые старые характеристики Игоря — «бысть храбор и мудр» (Новгородская I летопись), «Старый¹ Игорь... мужеством же и храбрством крепостию поминаются ныне и словуть» (митрополит Илларион, Похвала кагану Владимиру) — совсем не походят на образ бездари и неудачника, усвоенный нашими историками. Могла ли такая память сохраниться о человеке, за которым числились бы лишь сожженный византийскими огнеметами собст-

¹ Между прочим, прозвище «старый» тоже говорит о многом. Во времена, когда все исповедовали культ предков, а золотой век уверенно располагали в прошлом, слово «старый» имело совершенно иное значение. «Старый» означало не «ветхий», «дряхлый» и тем паче не «плохой», «устаревший». «Старый» значило «лучший» — вспомним «старого казака Илью Муромца», летописная «старая чадь» — синоним «лучшей чади», соответствующей, в свой черед, «лучшим людям» позднейшего времени.

венный флот да бесславная гибель от рук взбунтовавшихся по его же глупой жадности данников-древлян¹? Вопрос, думается мне, читатель, вполне риторический. Итак, после получения откупа от греков великий князь Игорь «повелевает» печенегам воевать Болгарию, сам отправляется домой, а кого-то из своих людей отправляет в недра Закавказья, в далекий город Бердаа.

Напрашивается вопрос — зачем? Проще всего, конечно, просто решить, что какому-то вождю показалось мало дани, и он решил наверстать упущенное в Бердаа. Но... неужели поближе мест не было, в Болгарии той же. Она ж большая, Болгария, и печенегам пограбить хватит, и своей дружине. Или по Крыму пройти, по примеру князя Бравлина.

Именно так, кстати, и сделал бы вассал великого князя киевского, решившийся, так сказать, подразжиться «левым» заработком. Поэтому странная, почти невероятная терпеливость к жителям далекого края и цепкое старание удержаться в захваченном Бердаа говорят скорее за воеводу (или младшего князя), исполнявшего приказ своего государя. Таким образом, третья версия оказывается наиболее вероятной.

Академик А. П. Новосельцев высказал остроумную догадку по поводу причин нападения русов на Бердаа — Марзубан ибн Мухаммед и его дейлемиты были врагами арабских государств — врагов Византии. Стало быть, атака на них должна была, формально не нарушая договора мира с Восточной Римской империей, помочь ее врагам. Если бы это было действительно так — это могло означать, что русы хорошо выучили премудрости

¹ Подлинная подоплека этих событий рассматривается мною в книге «Святослав».

дипломатии и международной политики. Однако меня останавливает от полного согласия с уважаемым академиком все та же мысль: отчего в таком случае было не пройти по владениям дейлемитов тем же огненным вихрем термоядерной ярости, что обрушили русы на берега Каспия в 912 году? Отчего русы так терпеливо относились к выходкам местного населения и так старались удержаться в захваченных землях?

Честно говоря, читатель, есть у меня догадка, чего ради русы так старались закрепиться в Бердаа и заручиться поддержкой его обитателей.

О чем, по-вашему, читатель, думал русский государь, заключая мир с империей в 944-м? Да о том, полагаю, что, по древнерусской пословице, мир стоит до рати, а рать — до мира. Или, говоря словами римлянина Вегеция, «*si vis pacem, para bellum*» — хочешь мира, готовься к войне.

А что нужно для новой, более успешной войны с Восточной Римской империей? Чем эта империя сожгла флот великого князя Игоря в 941 году и повергла в глубокую задумчивость его союзников, варяжских князей в 944-м?

В Болгарии многое есть из того, что есть в Бердаа. Золото, серебро. Даже шелк, если покопаться в сундуках бояр и церковных ризницах, отыщется. Вот только одного нету в Болгарии — и нигде, кроме Азербайджана, этого не встретишь. Причем «это» обладает тем качеством, что его не взвалишь на спину и не утащишь зараз — значит, приходится договариваться с местными, чего бы это ни стоило.

Нефть.

Нефть, читатель. Основной компонент «греческого огня». Супероружия православных кесарей. Напалма

Средневековья. Единственного оружия, которое смогло одолеть флот Сынов Сокола. Оружия, с которым Русь будет непобедима.

Очень похоже, читатель, что великий князь Игорь не поверил тем заверениям, которыми византийцы обычно угощали «варваров», любопытствующих о природе и происхождении «греческого огня»: «в этом также Бог через ангела просветил и наставил великого первого василевса-христианина, святого Константина». Это из «Об управлении империей», книги, которую другой, Рожденный в Пурпуре, Константин напрасно сочинял для своего беспутного сына. Далее Константин наставляет своего сына в откровенной лжи варварам — якобы заповедь нипочем и никому не раскрывать секреты «греческого огня» начертана со времен Константина на престоле храма Святой Софии — что, как прекрасно знал кесарь, не могло быть правдой — храм был возведен почти два века спустя после кончины равноапостольного императора, и никаких надписей про «греческий огонь» на его престоле не было. Что до «греческого огня», то его, как сам Константин упоминает в том же трактате, изобрел грек Каллиник из Гелиополя, при еще одном Константине — Константине IV, в седьмом веке. Когда дело касалось интересов империи, ее правители не боялись упоминать всуе ни самые заповедные святыни православной веры, ни ангелов небесных. Православный летописец поддался на эту хитрость, прилежно записав рассказ о «молнии небесной», которую-де имеют у себя в распоряжении хитромудрые греки. Хотя происхождение «греческого огня» было вполне земным и даже подземным. О его составе ученые спорят. Одни говорят, что это была просто нефть высокой степени возгонки, нагретая до необходимой температуры и извергаемая под

давлением из сифона, к «носику» которого подносилась зажженная лампадка. Другие исследователи полагают состав «чудо-оружия» Византийской империи более сложным — в него, по их словам, входили, помимо нефти, селитра, сера и канифоль. Селитра — входящая и в состав пороха — делала процесс возгорания смеси чрезвычайно бурным. Загорающаяся при малых температурах сера способствовала воспламенению «коктейля», а канифоль сгущала его, мешая вытекать из сифонов. Получившаяся адская смесь горела даже на воде, залить же ее можно было только уксусом. Страшное действие этого оружия массового поражения — особенно чудовищен его эффект был на море, когда деревянные суда оказывались со всех сторон окружены плывущим по морским волнам озером пламени — воины великого князя Игоря испытали на себе во время похода 941 года, столкнувшись с огненосным флотом Феофана Синкелла. Но основным компонентом «напалма Средневековья» была все же именно нефть.

Любопытно, что Рожденный в Пурпуре книжник мимоходом замечает, что «греческий огонь» «многократно просили у нас». Кто мог просить у «них» это страшное оружие? Историки, комментировавшие эти слова коронованного сочинителя, не сомневаются, что подразумевался тут великий князь Игорь, обращавшийся с такой просьбой во время мирных переговоров 944 года. Вот только не было ли это уловкой, призванной, пользуясь летописным выражением, «переключать» высокомерного кесаря, усыпить его бдительность — раз «россы» просят, значит, не знают секрета? А между тем экспедиция русов уже шла к нефтеносным землям Бердаа.

Я уже говорил в книге «Святослав» о том, почему я убежден, что от смерти отца князя-героя пахнет церков-

ным ладаном, про христианский след и роль Ольги. Теперь я убежден: ладан этот цареградской работы, христианский след ведет в Византию. Я догадывался, кто убил Сына Сокола. Теперь я, кажется, знаю, читатель, зачем его убили.

А кто занимался этим ответственным делом? Кому Сын Сокола поручил добыть для Руси ту «небесную молнию» подземного происхождения, которой греки спалили русские ладьи?

Нет, читатель, на этот вопрос вовсе не трудно ответить.

Кто из первых лиц Русской державы отсутствует в договоре 944 года, подробно перечисляющем множество лиц, нигде и никогда больше не появляющихся на страницах летописи? Чьи дружинники в следующем, 945 году затмевали роскошью своих одежд даже великокняжеский двор — а значит, побывали в стране, более щедрой на добычу, чем перепуганный греческий царь — на дары?

Знакомый с летописью читатель уже угадал ответ на эти вопросы.

Свенельд — одна из самых загадочных фигур начальной русской истории. Воевода, служивший трем поколениям великих князей киевских — Игорю, сыну Игоря Святославу и сыну Святослава Ярополку.

Кстати, есть еще один «довод» в его пользу, но как раз он меня не очень убедил бы — в поэме «Искандер-намэ» уже упоминавшегося нами Низами предводитель, уведший русов из Бердаа на родину, — некто Кентал или Кинтал. Некоторые исследователи (например, В. В. Кожинов) считают, что это имя очень похоже на имя Свенельд. Лично я так не считаю, хотя бы потому, что подлинное имя воеводы трех поколений киевских ве-

ликих князей все же, пожалуй, Свенельд — греческие источники именуют его Сфангелом и Сфенкелом, а это полностью разрушает и так невеликое созвучие. А во-вторых, последние переводы позволяют читать не «Кин-тал» или «Кентал», а «кеназ», то есть, проще говоря, переданное арабскими буквами величание предводителя русов — князь!

Я, кажется, уже жаловался, читатель, на то, какая смертная мука — читать записанные арабами славянские слова?

Но увы — ничего не вышло. Погиб великий князь киевский Игорь, спешно вернулся на Русь Свенельд с дружиной, так и не изготавив «греческого огня»¹. Осталась разоренная Бердаа.

Но Берда ниспровергнута. Ветра рука
Унесла из нее и парчу, и шелка.
В ней осыпались розы, пылавшие ало,
В ней не стало нарциссов, гранатов не стало.
Устремлясь к ее рощам, войдя в ее дол,
Ты бы только щепу да потоки нашел².

Да, это снова Низами. Другой печальный итог — могилы русов, умерших от неведомой заразы. Местные жители после ухода войска язычников восвояси раскопали их могилы и вытащили оттуда мечи, «которые имеют большой спрос и в наши дни, по причине своей остроты и превосходства», пишет умерший в 1030 году ибн Мискавейх, — то есть местные жители пользовались вырытыми из русских курганов клинками еще полвека! Учитывая, какой ужас, и ужас оправданный, вызывали

¹ Но, возможно, прихватив с собой нефть — не ею ли были начинены «огненные птицы», взлетевшие вскорости над деревянными стенами Искоростеня?

² Уж не результат ли опытов по изготовлению «греческого огня»?

в те века эпидемии, — это выразительная оценка качества русских клинков. Что до качества местных жителей — мы его, кажется, уже определяли. Нет ничего удивительного, что такие персоны полезли в могилы ради выгоды. В конце концов, многие из них сами оказались в могиле просто оттого, что не пожелали расстаться с деньгами, или, того дивнее — оттого, что не пожелали, чтобы ближний (ибн Самун и прочие христиане Бердаа) потратил не больше них.

Что же до уроков истории, извлекаемых из этой эпопеи, — ну что ж, есть категории людей, назовем это так, перед которыми совершенно бесполезно рассыпать бисер благородства. Людей, которые понимают лишь язык силы и жестокости. Поэтому благородство лучше приберечь для тех, кто способен понять и оценить — да хотя бы узнать его, не принимая за слабость или, хуже того, трусость. А с теми категориями людей вести беседы только в доступных им понятиях.

И все-таки, как же жаль, до боли жаль, что у великого князя Игоря и его воеводы Свенельда не получилось! Как могла бы перемениться история, окажись в руках молодой языческой державы Сынов Сокола оружие, которое ромеи выдавали варварам за «небесные молнии», врученные основателю империи чуть ли не Михаилом-архангелом. И какого же государя потеряла Русь в злосчастном 945-м...

Глава 4

Государь-пардус у гор Кавказа

Первая из плеяды «фантастических путешественников». Посольство на Запад. Как имя славян стало рабским клеймом. Первая победа Святослава и ее жуткие альтернативы. Летопись о восточном походе великого князя. Сообщение ибн Хаукаля. Загадочные варвары греческого топарха. Князь-пардус. Сфенг Тьмутороканский, сын Святослава.

...Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью,
Посурожью,
Земле незнаемой разносит весть
Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста
звериный вой.

*Максимилиан Волошин,
«Гроза»*

После загадочной гибели Сына Сокола в Деревских лесах внешние позиции Руси сильно ослабли. Пора перестать рассказывать сказки о «небывалом почете», с которым в Константинополе якобы встретили Ольгу. Во-первых, М. В. Левченко еще полвека назад обратил внимание, что принимали и одаривали Ольгу правители Города царей отнюдь не как главу государства. «Армянские, иверские феодалы, венгерские вожди, болгарский царь Петр при посещении Константинополя одарялись гораздо более щедро», — отмечает Левченко. По стро-

жайшему дипломатическому этикету Византии Ольгу принимали как... посла. Ее ставили ниже племенных вождей полудиких кочевников-венгров! Собственно, Константин Рожденный в Пурпуре сам вполне определенно пишет об этом, называя прием Ольги вполне подобным тому, что был оказан незадолго до того послу сарацинов. А я, во-вторых, добавлю еще одно: что-то не помню, чтоб правители Руси до Ольги сами ходили в посольство! К великому князю Игорю кесарь вообще направил послов в Киев, а его вдова Ольга отправляется в Константинополь лично — и это пытаются выдать за достижение дипломатии. Между прочим, не много ездящий по зарубежью государь — хороший правитель. Нет, честное слово, начинаешь видеть какое-то здоровое зерно в убеждении перечисляемых сэром Джорджем Фрэзером в его знаменитой «Золотой ветви» «примитивных» народов, что владыка не должен покидать пределов своей державы, от такого вот списка — Петр Первый, Александр Павлович, коего Пушкин охарактеризовал как «властителя слабого и лукавого», а Лесков еще убийственней обласкал — «царь Александра», Никита Сергеевич, «трепло кукурузное», и Сергеевич же Михаил (тьфу-тьфу, не к ночи будь помянут). От каждого из этих «фантастических путешественников», по выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, России долго икалось (от последнего икается до сих пор), и счастье, коли находился на смену ему достаточно решительный государь, способный удержать страну над пропастью смуты, как сделал то Николай Павлович. Что бывало в противном случае, отлично заметно по последствиям правления Петра Первого — разорение и порабощение народа, откровенно и бесстыдно заворовавшиеся чинуши, иностранцы, растаскивающие богатства страны,

омерзительная грызня властных группировок, надменное пренебрежение соседей, недавно трепетавших при звуке русского имени. А открыла список «фантастических путешественников», похоже, именно святая равноапостольная Ольга.

Следующим проявлением ее пресловутого «государственного и политического гения» было посольство к королю германцев, а вскоре и первому императору Священной Римской империи германской нации Оттону. Мало того, что эта держава была самым страшным врагом славян на Западе, терзая родные земли пращуров Ольги и Святослава, «Поморье Варяжское», вырезая начисто многолюдные славянские города и обращая в прах роскошные храмы славянских богов. Так она же была и еще одним из гнезд рахдонитов, причем их положение в государстве прекрасно обрисовывает маленькая деталь — СУПРУГА ИМПЕРАТОРА Оттона носила звучное имя... ЮДИФЬ! До Реформации с ее повальной модой на ветхозаветные имена оставалось полтысячелетия. Императоры и короли по жалобам рахдонитов даже запрещали епископам (!) под угрозой суровых кар обращать в христианство бесчисленных рабов, которых рахдониты привозили в Европу, — ведь крестившихся рабов пришлось бы освобождать. Каких рабов и откуда, спросите Вы, читатель. Что ж, ответчу. Sklave в немецком и slaef в голландском, английское slave и французское esclave, esclavo в Испании отмечают позорный и страшный путь рахдонитских караванов. В португальском escravo, знакомом россиянину хотя бы по заставке сериала «Рабыня Изаура», — их последний след. Имя славянина превратилось, с нелегкой руки торговцев людьми и их коронованных покровителей, в рабское клеймо.

И вот к этим-то людям Ольга, «Елена, королева ру-

гов», отправила послов (хорошо хоть, опять сама не поехала — чему-то, видно, научили унижения в Константинополе) с просьбой о том, чтоб ее стране предоставили «учителей в христианской вере». По тем временам это означало признание себя вассалом, духовной дочерью того, кого просишь, а своей страны, соответственно — провинцией его державы. На приглашение Ольги-Елены, естественно, с восторгом откликнулись — вот так, за здорово живешь получить под руку державу, территорией чуть не вдвое превосходящую твою собственную, — кто ж откажется! Восторга не испытывал разве что некий Адальберт Трирский, которого отрядили — не в одиночку, понятно, — наводить на землях язычников-русов христианский новый порядок. Репутация свирепых и упорных в идолопоклонстве варваров внушала, очевидно, германцу серьезные сомнения в собственных завоева... прошу прощения, проповеднических способностях.

Бедняга Адальберт оказался провидцем — к счастью для Руси. Если бы его «миссия» увенчалась успехом... я даже не знаю, какой из вариантов развития событий в таком случае счесть наиболее возможным и какой — худшим. Основных вырисовывается два — в первом события разворачиваются, как в Поморье Варяжском, попавшем под тяжелую руку преемников Оттона. Где-нибудь через полтысячи лет в Минске, Киеве, Новгороде говорят в основном по-немецки, под Грюнвальд приходят вместо русских витязей из Витебска и Смоленска рыцари из Витбурга и Смольнштадта — естественно, под черно-белые знамена Ордена, — а в XX веке славянское прошлое Восточной Европы лишь угадывается в названиях рек и городов — как сегодня мы узнаем Дроздяны в Дрездене, Бранибор в Бранденбурге, Ли-

педк в Лейпциге, и только в полесской глуши, Карпатских горах да на берегах Белого моря ютятся крохотные анклавы дреговичей, дулебов и словен ильменских — как в нашей реальности в Германии живут несколько общинок лужицких сорбов, жалкие остатки великого, богатого и славного мира славянских варягов. Во втором варианте рахдониты из немецких обозов вскорости распаивают ночью ворота Киева кованой коннице единоверцев из Итиля и Саркела. Русские города постигает участь Семикаракорского и Правобережного Цимлянского городищ — «А всю добычу городов тех и скот разграбили сыны Израилевы себе; людей же всех истребили мечом, так что истребили всех их, не оставили не одной души» (Ис. Н., 17:14). Цены на славянских рабов на мировом рынке падают на порядок. Руси в обоих случаях больше нет. А Хазария, разбогатевавшая на грабеже побежденных, протянет еще века три, стравливая по-прежнему окрестные племена, — пока не хлынут с востока монгольские полчища потомков Чингисхана.

К счастью, этого не произошло, благодаря чему я имею возможность писать эту книгу на русском языке, русской кириллицей, а Вы, читатель, — читать ее. Наши с Вами предков не сгноили в замковом подземелье, не заставили отречься от имени и языка пращуров, не зарубили в пылающем Киеве наемники каган-бека, не продали с табличкой «slave» на груди в Кордове, Венеции, Каире или Багдаде.

Это произошло благодаря подростку уже Святославу, сыну Игоря. Юный князь стал достаточно взрослым, чтоб почтительно отстранить неразумную матушку от власти, воспрепятствовав ей и далее позорить себя и Русь. Явившегося в Киев с отрядами хорошо вооруженных «богословов» Адальберта, собравшегося принимать

в «духовное окормление» державу Сынов Сокола, встретили столь горячо, что бедолага, уже заранее рукоположенный в епископы Руси, едва унес ноги от своей несостоявшейся «паствы». «И многие из его спутников погибли», — горько жалуются на вероломство русов «Хроники продолжателя Регинона». А младший современник Адальберта, Ольги и Святослава, Титмар Мезербургский, словно бы предвидя, что поклонники равноапостольной княгини припишут ее пресловутой «мудрости» изгнание крестоносной банды Адальберта из Киева, уточняет, что изгнали неудачливого «епископа» язычники. Имеющий уши да слышит. И очень жаль, что пока только украинцы, к их чести, возвели памятник Святославу Храброму, ибо этому его первому подвигу обязаны фактом своего существования не только они, но все славяне Восточной Европы.

Следующим его шагом был удар по Хазарскому каганату. Слишком много счетов накопилось у Руси к южному соседу, и не только за вероломство 912 года, но и за века торговли славянскими рабами, за страшную дань с покоренных славянских племен — «по белой девице от дыму» (Радзивилловская летопись), за истребленные князьи роды вятичей, радимичей, северян. За фальшивые арабские монеты, что чеканили в столице каганата в государственных монетных мастерских специально «для торговли с северными и северо-западными соседями», как пишут знатоки-нумизматы. Глядя на карту, нетрудно убедиться, что такими соседями для Хазарии были именно славяне. Между прочим, во многих городах Европы в те годы полагалась мучительная казнь за попытку расплатиться фальшивой монетой. Как знать, сколько славянских торговцев, ничего не подозревая, увезли с собой в кошельках на Запад собственный смертный

приговор, полученный из рук лукавых рахдонитов в обмен на янтарно-желтый воск или серебрящиеся меха из русских лесов.

Летопись скупо сообщает, что пошел, мол, Святослав на вятичей, а потом, не сражаясь с ними, не облагая данью, из их земель — на хазар, а те вышли навстречу во главе с князем своим каганом («князь» по-тюркски — бек, и во главе войска скорее всего стоял именно каган-бек, а не священный каган), и в битве одолел Святослав, взял «город» (столицу) хазар и Белую Вежу и победил ясов-аланов и касогов. Новгородская летопись рассказывает об этом с некоторым дополнением — князь Святослав «приведе» ясов и касогов к Киеву. Как пленников ли для своеобразного триумфа, или как союзников — летописец не уточняет, мне же представляется, что вероятней второе. Касоги-адыгейцы хранили антские предания, а аланы были союзниками воеводы Свенельда в его бердавской экспедиции. Кроме того, аланы несколько раз восставали против Хазарского каганата, и вряд ли стали бы так уж сильно за него сражаться. Кстати, не отсюда ли днепровские Черкасы и молдавские Яссы, древнерусский Ясский Торг? Не от посаженных ли в тех краях на землю северокавказских воинов великого князя Святослава? Возможно, впрочем, я и не прав: чеченцам, например, доля хранителей преданий про Пирьона-Перуна ничуть не мешает враждовать с русскими, а как раз самого Перуна за победу следовало бы поблагодарить — и что было бы лучшим выражением этой благодарности, как не жизни пленных витязей кавказских племен на киевском алтаре Громовержца?

Младший современник великого князя Святослава, араб ибн Хаукаль, оставил более полное сообщение о

его восточном походе. Правда, смуту в ряды ученых его сообщение вселило немалую.

Сам ибн Хаукаль был, как это принято говорить, человеком непростой судьбы. В отличие от блистательного аль Масуди, он не мог похвастаться ни знатностью происхождения, ни наследственным богатством. Странствовал он — а путешествовать ему пришлось не меньше, чем потомку сподвижника пророка, — не от хорошей жизни. Ввязавшись в политические игры, ибн Хаукаль разорился дотла и принужден был буквально бежать из родного города в 943 году. За последовавшие вслед за бегством три десятилетия скитаний ибн Хаукаль объехал практически все мусульманские страны, от Испании до Индии. Итоги своих странствий беглец подвел в книге с не слишком оригинальным названием «Книга путей и государств» — так же, как Вы помните, читатель, был озаглавлен труд ибн Хордадбега.

Нам из этого сочинения любопытен лишь отрывок, посвященный нападению русов на Хазарию. «В настоящее время, — пишет араб, — не осталось и следа ни из Булгара, ни из Хазара, ни из Буртаса, ибо русы напали на них и присвоили эти области себе». Конечно, «ни осталось ни следа» надо относить не к существованию перечисленных ибн Хаукалем народов, а к их независимости. Хазары упоминаются летописью через век после этого — они схватили и выдали грекам Тьмутороканского князя Олега Святославича. Но — не на того напали, молодой князь был из таких людей, про которых говорят: этого брось в море, он выплывет с рыбой в зубах. В Византии, в неволе, Олег умудрился найти друзей и союзников и даже выгодно женился, пленив удалью и красотой знатную гречанку, Феофанию Музалон. Через некоторое время вернувшийся с чужбины живым

и неведимым «Гориславич» расплатился со своими лихоедаями — «козар посече»¹. Вот после этого упоминаний о них уже не встречается, разве что Крым иногда именуют на европейских картах Хазарией-«Газзарией» по старой памяти, как иные штаты Америки носят имена истребленных индейских племен. Буртасы — хотя им, можно не сомневаться, припомнили участие в истреблении русских дружин в 912 году — исчезают с лица земли лишь после татаро-монгольского завоевания. А уж про болгар и говорить нечего — те уже при сыне Святослава описываются летописью как сильное и богатое государство. Пойдя на них войной, Владимир даже данью облагать их не стал. Его дядя Добрыня, брат матери князя, хазарской рабыни Малки, предостерег племянника: «Пленные все в сапогах. Такие дани платить не будут — пойдем, поищем лапотников». С Булгарией был заключен мир, причем особо оговаривалось, что болгарские торговцы не будут скупать товары у боярских и княжеских управителей, общинников-огнищан или смердов — людей из покоренных русами племен Поволжья, а будут торговать лишь в городах, не нарушая интересов русских купцов. Правда, сын хазарки не обременял себя верностью слову — и еще два раза воевал с булгарами. Но и это говорит о крепости и богатстве Волжской Булгарии, которые трудно совместить с известиями о разгроме и уничтожении ее городов русами за двадцать лет до описываемых событий. Разве что

¹ Историю князя Олега — «Аллигико» — передают и записанные Ш. Б. Ногмовым адыгейские предания. Правда, в них он, схваченный и увезенный за море, оказывается пленником в «Саркале»-Саркеле. Очевидно, так отразилась в адыгейских легендах память о пленении князя хазарам. Союзником его оказывается в предании татарский хан — конечно, указание на союз Олега «Гориславича» с половцами.

ибн Хаукаль имел в виду «черных болгар», потомков хана Батбая, верных псов Хазарии, — эти и впрямь исчезают с карты Восточной Европы после похода великого князя Святослава.

Еще замечательнее отмеченное ибн Хаукалем обстоятельство — русы «присвоили себе» земли Хазарии. Далее он называет «Русской рекой» уже не Дон, как аль Масуди, а Волгу-Итиль. Стало быть, киевский государь не «сбегал» в грабительский налет, как изображают дело иные «объективные» историки. Он раздвинул на восток русские границы до Волги, он подчинил Русской державе земли каганов к западу от нее.

Маршрут русов ибн Хаукаль изображает так: Булгар (очевидно, все же Волжский), Хазран (очевидно, расположенный в среднем течении великой реки), Итиль и Семендер, который он помещает между Итилем и Бабуль-Абвабом, Дербентом. Он рассказывает, что по севернокавказским исконным землям хазар русы прошли, словно разрушительный вихрь. Выражаясь в понятиях нашего времени, русы применяли тактику «выжженной земли», уделяя при этом особое внимание мечетям, церквям и синагогам. Ибн Хаукаль говорит и о местных идолопоклонниках — язычество в Дагестане сохранялось до XIX века, — но ничего не сообщает о разорении их кумирен пришельцами. Видимо, русы хорошо представляли, кто их враги. Там, где прошли карающие дружины русов, не без поэтичности отмечает ибн Хаукаль, «если что и осталось — так только лист на лозе». Уцелевшие хазары в панике спасались на морских островах в виду Дербента, где ютились в хижинах. Грохот рухнувшей империи донесся до далеких стран, и ибн Хаукаль, по его собственным словам, записывал рассказы о нашествии северных язычников в Предкавказье по

другую сторону Каспия, в Джурджане — древней Гиркании.

Если накопившийся за века гнев славян столь свирепо обрушился на Семендер, то можно лишь представить себе, насколько страшнее был он в Итиле, логовище рахдонитов, обогренном кровью тридцати тысяч русских ратников 912 года и десятков тысяч славянских рабов до и после него. Археологи до сих пор ищут его остатки — это о многом говорит. И нам остается лишь представлять себе, как отражались в покрасневшей — не только от зарева огромного пожара — волжской воде ощеренные морды хищников на высоких носах русских кораблей, как рушились в эту воду пятиконечные щиты Соломона с кирпичных башен Кемлыка и как всходило над этими башнями второе солнце — Дажьбожий крест на знамени победителей. Об участии рахдонитов долго говорить не стоит. Просто поблагодарим предков за чистоплотность. Они не стали смаковать кровавые детали — не захватнической войны, справедливой мести! — в десятках книг, псалмов и пророчеств. Остался лишь космически страшный образ в былине «Федор Тырянин» — образ вражеской крови, чуть не поглотившей богатыря.

Расступалася Мать Сыра Земля
Как на все четыре стороны.
Пожирала в себя кровь жидовскую,
Жидовскую, басурманскую,
Царя иудейского.

Впрочем, не все хазары погибли. Как сообщает ибн Хаукаль, часть хазар бежала на острова Каспия и за Дербент. Ширваншах Мухаммад ибн Ахмад аль Азди, не пришедший в особенный восторг от наплыва беженцев и, очевидно, имевший какой-то опыт в общении с

суровыми северянами (уж не в Бердаа ли полученный?), взял на себя миссию переговоров с русами о возможности возвращения остатков хазар на родину — разумеется, на условиях полной покорности новым владыкам. Русы, кажется, согласились.

Смутило же многих ученых то, что в рукописи ибн Хаукаля указан не 965 год, когда, по летописи, великий князь киевский Святослав ходил на хазар, а 969-й, когда он, и по летописи, и по сообщениям византийских летописцев, уже обретался на Балканах. Появились предположения, что на Востоке лютовали какие-то другие русы. А. С. Королев видел в них воинов черниговского правителя Претича, упоминаемого «Повестью временных лет», как предводителя «людей с той (для киевлян. — О.В.) стороны Днепра». А. П. Новосельцев полагал, что на хазар обрушился сам великий князь Святослав, вернувшийся с Дуная спасать осажденный Киев от печенегов. Другие — начиная с В. В. Бартольда и заканчивая автором этих строк в книге «Святослав» — полагали, что ибн Хаукаль, определенно не бывавший в разоренных русами землях, попросту перепутал слухи и, с одной стороны, отнес разгром великим князем Святославом Хазарии ко временам Болгарского похода, а с другой — перенес на волжских булгар известия о суровой расправе великого князя с изменившей ему болгарской знатю — расправе, которую и летописи Руси, и византийские хроники относят именно к 969 году. Однако А. Н. Сахаров в книге «Дипломатия Святослава» находит более простое и остроумное решение вопроса. Ибн Хаукаль, обращает он внимание читателей, употребляет такое выражение: «и вследствие дохода и богатства их (севернокавказских хазар. — О.В.) зем-

ли не пройдет и трех лет, и все станет, как было». Справедливо сомневаясь в провидческих способностях неудачливого купца, Сахаров полагает, что здесь ошибся переводчик. Надо читать эту фразу в прошедшем времени — «не прошло и трех лет, и все стало, как было», а указанную ибн Хаукалем дату считать временем, когда он услышал в Джурджане рассказ о печальной судьбе волжских и кавказских владений хазарских каганов.

Как видите, читатель, даже простое чтение древних источников на деле оказывается очень и очень непростым занятием.

Еще одну загадку задает перс ибн Мискавейх, наш старый знакомец, столь обстоятельно, не щадя единоверцев, поведавший нам про бердавское сидение воеводы Свенельда. На сей раз он сообщает, что в 965 году на Хазарию напали и разграбили ее города... тюрки. И как это следует понимать? Возможно, речь о тюркских союзниках и вассалах князя Святослава — печенегам, например. Тот же ибн Хаукаль называет их, как мы помним, острием в руках русов. Может быть, что под тюрками здесь понимаются... русы. К тюркам, например, относит русов ибн Халдун, и относит, кажется, по очень простому принципу: раз к северу от Кавказа живут тюрки, то и русы, живущие к северу от Кавказа, тоже тюрки. Так же для москвича или киевлянина и французы, и англичане были немцами, а несколькими веками ранее все жители берегов Варяжского моря — варягами. Наоборот, аль Масуди относит к славянам «племя Турка»... или это название следует читать совсем по-другому? Ох и нелегкое же это занятие — разбирать арабские письма!

Еще одно упоминание о восточном походе Святослава мы видим в так называемой «Записке топарха», ви-

зантийского губернатора крымских владений, так называемых Климатов, Восточной Римской империи. Датируется эта записка, по упоминаемым в ней астрологическим изысканиям сановника, 964—967 годами. Топарх говорит в своей записке о неких, не называемых точнее, но очень узнаваемых «варварах». До определенных пор эти «варвары» проявляли «справедливость» и «законность», и «города и народы добровольно к ним присоединялись». «Теперь же нарушилось все: они проявили несправедливость в отношении к подданным вместо того, чтоб заботиться о благе подвластных городов и к собственной выгоде управлять ими в добром порядке, они положили поработить и разорить их». Города эти «под предлогом нарушенной клятвы сделались добычей насилия и меча». В соседних с Климатами землях варвары разрушили десять городов и пятьсот деревень.

Не правда ли, читатель, чрезвычайно знакомое поведение? То же самое топарх мог написать про Бердаа — если б только Бердаа граничил с византийскими владениями. Но уж очень похоже на русов! И эта — былая — обязательность («наш долг — хорошо править вами», помните?), и забота о подданных, и беспощадная расправа с «нарушившими клятву». И вот это замечание насчет «добровольно присоединявшихся» к загадочным «варварам» «городов и народов» очень похоже на то, что говорит наша летопись о призвании восточноевропейскими славянами варяжской руси, и про земли бывших хазарских данников, легко, по первому слову, отходивших под руку Олега Вещего. Наши самые «объективные» историки уже не первый век хихикают над этими сообщениями; вот только что они возразят на столь вероломно подтверждающих правоту летописей

своих любимцев-византийцев? И добро бы один топарх — но и Лев Диакон заявляет то же самое. Святослав у него говорит: «слава, которая шествовала вслед за войском россов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабоцавшим целые страны». Примерно то же сообщает за век до того патриарх Фотий.

А. Н. Сахаров видит в городах, на которые обрушился гнев «варваров», хазарских беженцев, вернувшихся из державы ширваншаха и осмелившихся нарушить условия, на которых государь русов, царствующий к северу от Дуная, как величает его топарх, позволил им вернуться. Вот тут я, пожалуй, не соглашусь с историком. Конечно, хазары могли и не сдержатъ обещаний — но было ли у них на это время? Между походом Святослава и астрологическими изысканиями византийского губернатора прошло самое большее два года. Какой-то срок должен был уйти на то, чтоб решиться просить о возвращении, на переговоры между ширваншахом Мохаммадом и русами, на возвращение... да и на то, чтоб забыть, как грозны русы и как беспощадны они к нарушающим слово. Двух лет на все это определенно не хватило бы — на последнее, думаю, не хватило бы и двадцати; кроме того, если б хазарские беженцы повели себя так, некому было бы спустя столетие хватать и выдавать ромеям Олега Святославича. Всех «козар посече» бы в таком случае еще в X веке.

Не говоря уж о том, что трудно понимать под городами и странами горстку хазар, успевшую убежать от русских дружин и не сумевшую прижиться в теплом Ширване.

Мне думается, под «нарушенным словом следует по-

нимать либо вероломство каган-бека Аарона, уже давно истлевшего в могиле под камнем с резными изображениями семисвечия-меноры и трубы-шофара; либо же некое более глубокое понятие. Дело в том, что клятва, присяга у русов и славян обозначалась словом «рота». Но этим же словом, как показывает в своих исследованиях Михаил Серяков, назывался сам миропорядок, вселенская справедливость, мировой закон. Поэтому, кстати, русы были столь свирепы к нарушителям клятв — те, по их представлениям, посягали на мироздание, на целостность Вселенной. А вот хазары, точнее, «белые хазары», новые владыки каганата, — они в глазах руса-язычника были просто воплощенным попранием миропорядка. Слишком разным был взгляд на мир двух народов. Между «хорошо» и «плохо» двух вер пролегло слишком большое расстояние. Даже мир оказался тесен для него.

Одни относились к рабам, как к детям. Даже слова для обозначения тех и других почти одинаковые: чадь, челядь, отроки холопы-хлопы-хлопцы. «С рабами они обращаются хорошо, и заботятся... — удивляется ибн Русте, и пытается объяснить: — Потому что торгуют ими». Неуклюжее объяснение. Мало кто не торговал рабами в тот век, и никто не торговал ими больше хозяев каганата. Но ибн Русте отчего-то пишет такое только о русах. Другие к детям относились, как к рабам. Вспомните детей, которых продавали матери-хазарки. Одни клялись — врагу, побежденному врагу! — «доколе мир стоит, доколе Солнце светит». У других был ежегодный праздник — Йом Кипур — для освобождения от любых клятв и обещаний. «Мертвые сраму не имут» великого князя Святослава — и «лучше же псу живому, чем льву мертвому». «...А на нас — обязан-

ность хорошо относиться к вам» — и «а в городах сих народов... не оставляй в живых ни одной души». Бескорыстие витязя — и наемная армия каганата. Князь, идущий в бой впереди дружины, — и безликая власть его безымянных владык. Именно эту «клятву»-роту, Справедливость Богов, нарушали жители жестоко наказанных «варварами»-русами «стран и городов».

Из летописи, рассказа ибн Хаукаля и «Записки византийского топарха» вырисовывается довольно ясная картина того, ЧТО сделал великий князь Святослав с Хазарией — и в том числе ее предкавказскими владениями. Остается рассмотреть, как именно он это сделал. И это в самом деле нешуточная загадка. Ведь русские дружины, пусть и подкрепленные ополчением вятичей, вряд ли могли потягаться в численности с ордами кочевых вассалов кагана. Не очень понятно, как они справились с кочевниками в их родном доме — степи. И наконец, русы, как единодушно свидетельствуют восточные авторы — хорошо нам знакомые Псевдозахария Ритор (VI век), ибн Русте и ибн Мискавейх (X век) — не были хорошими конниками. Верхом они сражались неважно. Лев Диакон позднее говорит то же о воинах нашего героя. Как же им удалось победить выросших в седле степняков?

На первые две загадки ответить проще. Русы и не собирались состязаться со всеми полчищами каган-бека. Как Александр Македонский под Гавгамелами не собирался истреблять рыхлое, пестрое воинство Персидской державы. Он, с небольшой личной дружиной, ударил в центр, на гвардию «бессмертных» царя Дария. После того как македонцы разбили и обратили в бегство царских телохранителей, остальная армия попросту разбе-

жалась. Примерно так же, надо полагать, обстояло дело и в Восточном походе Святослава. Серьезным противником было тридцатитысячное наемное войско, охранявшее Итиль, — и только оно. Это — ответ и на вторую загадку. Святославу не пришлось, или почти не пришлось, воевать с кочевниками. Его противниками стали наемники, чьим домом была не степь, а казарма. Кочевых же вассалов каган-бек просто не успел мобилизовать. Как уже говорилось, свой путь к Итилю Святослав проложил по землям племен, никогда не бывших верными подручными хазар. В землях буртасов он не встретил серьезного сопротивления, в землях булгар его и подавно должны были принять с распростертыми объятиями.

Но все это требовало скорости. Как войско Святослава — по тому же Диякону состоявшее, в основном, из пеших кольчужников — могло поспорить в скорости с наемной кавалерией Хазарии? И здесь нам приходит на помощь летопись. Она, как известно, говорит, что Святослав «ходил легко, аки пардус». Пардус — гепард, с которым на Руси охотились на степную дичь. Молниеносно быстрый в спринтерских рывках на короткие дистанции (до 128 км в час), зверь этот быстро утомляется. Поэтому к месту охоты пардуса подвозили на коне, на специальном сиденье позади седла. Вот мы и подошли к разгадке тактики Святослава. Его тяжелая пехота передвигалась от одного места сражения к другому верхом! Так они могли оказываться в самых неожиданных для врага местах, и не вымотанные дальним переходом, а готовые к бою. Ведь ездить-то на коне на Руси умели все без исключения мужчины! Немалая часть войска могла перемещаться и на ладьях — ведь своего военного флота, как отмечал аль Масуди, у хазар не было.

Так или иначе, Хазарский каганат, старый враг Руси, был повержен. Славянские невольники стали свободными людьми, те из них, кто еще помнили волю, получили возможность вернуться в родные края. Славяне Дона и Кубани, те самые славяне с горы Кавк ибн аль Факиха, из бесправных, забитых данников-полурабов превратились в полноправных подданных великого князя русов. В руинах лежали белокаменные «кондоминиумы» «белых хазар», под стенами которых их «черные» земляки торговали своими детьми. Опустели рабские торжища Византии и Багдада. Над Предкавказьем теперь довлела власть русских князей Тьмутороканя. Первым из них, известным нам, был сын Святослава, имя которого византийский хронист Скилица передает как «Сфенго» (Свен? Звенко? Звяга?). Мы ничего не узнали бы о его существовании — русские летописцы молчат о нем, — если бы в 1015 году в крымских владениях Восточного Рима не вспыхнул мятеж и к власти не пришел крещеный хазарин Георгий Чула. Пока Восточно-Римская империя собиралась с силами, мятежники уже были разбиты силами русов, во главе которых стоял «брат архонта россов Владимира», загадочный «Сфенго». Он разбил мятежников и лично пленил Чулу. Вряд ли он сделал это из теплых чувств к православной империи, да и сам, судя по молчанию чернецов-летописцев и явно нехристианскому имени, скорее всего был язычником, но вот появление по соседству государства, управляемого хазарином, пусть трижды крещенным, очевидно, очень не понравилось русскому правителю Тьмутороканя. Память о Хазарии, зловещем чуде-юде, темном царстве Кошерищ, была еще слишком свежа.

Что до отца загадочного «Сфенго», то Кавказ не забыл его, и народы, освобожденные от нависшей над

ними туши рабовладельческой империи, присматривались к его походам не без сочувствия. Так, армянин Стефанос Асохик в X веке утверждает, что русы великого князя Святослава Храброго пришли в дунайскую Болгарию не как захватчики — как изображают дело хронисты Восточного Рима и, вслед за ними, наши «объективные» историки, — а как союзники и защитники болгар от византийских завоевателей.

Снова иноземные летописцы оказываются более справедливыми и почтительными к нашим предкам, чем их потомки. Чем мы.

Глава 5

Дербентская эпопея эмира Маймуна и его русской дружины

Снова в Дербенте. Невезение эмира начинается с имени. Си-
ноним для демократии. Интрига ширваншаха. Демократия
торжествует. Загадочное письмо. Русы приходят на помощь.
Падение демократии. Ширван ставит на фанатизм. Осажден
в своем городе. Выбор эмира Маймуна. Благодарный дру-
жинник. Возвращение.

Нам с гуриями рай сулят на свете том,
И чаши, полные пурпуровым вином.
Красавиц и вина бежать на свете этом
Разумно ль, если к ним мы все равно
придем?

Вместо злата и жемчуга с янтарем
Мы другое богатство себе изберем.
Сбрось наряды, прикрой свое тело

старьем —

Но и в жалких лохмотьях — останься
царем.

Омар Хайам, XI в.

Возвращавшись в Бердаа, возвращаемся мы, чита-
тель, и в Дербент, к его древней двойной стене, замыка-
ющей Железные Ворота Кавказа. В 80-е годы X века в
древнем городе правил эмир Маймун бен Ахмад бен
Абд аль Малик. Правителю этому, человеку во многом
достойному и храброму, всю жизнь не очень везло. На-

чалось это едва ли не с имени — я не знаю, кто такой был его отец Ахмад и по каким соображениям он дал несчастному сыну жуткое имя Маймун, что по-арабски означает... обезьяна. Учитывая, что у мусульман обезьяна — символ нечистого (само наше слово «обезьяна» восходит к арабскому имени дьявола, «abu zin» — отец греха), выбор имени вряд ли можно назвать удачным; человеку, награжденному им, просто на роду было написано ссориться с мусульманскими богословами и нарушать их строгие предписания. В частности, эмир Маймун имел ту же злосчастную приверженность, что, согласно летописному преданию, отвратила его современника, равноапостольного великого князя киевского Владимира Святославича, от принятия — с последующим введением по всей Руси — ислама. Проще говоря, правитель Железных Ворот любил выпить. Правь он иной мусульманской страной или в другое время, эта незначительная, в общем, слабость сошла бы ему с рук — мусульманское духовенство умело быть снисходительным к недостаткам повелителей. Через пять с лишним веков после правления эмира Маймуна турецкий султан Селим II даже получит прозвище Маст — пьянчуга, что не мешало ему несколько десятилетий спокойно править своим государством. Конечно, Османская империя — не крохотное княжество на севере Кавказа, а XVI век — не X. Но и в X столетии попадались владыки, пренебрегавшие запретом пророка на хмельное. Так, повелителя правоверных халифа аль-Муктадира, того самого, что отправил ибн Фадлана послом в страну волжских булгар, современники вообще не заставляли трезвым. Ко всему прочему, Дербент был слишком соблазнительным куском для соседей. Все эти обстоятельства — предосудительные для истинного мусульманина склонности легкомысленного эмира и чересчур уж вы-

годное геополитическое расположение его небольшой державы — не сулили эмиру со странным именем беззаботного царствования.

Для начала он рассорился с верхушкой городской общины Дербента, так называемыми «раисами», оскорбляя их благочестие своим буйным поведением. Как любая демократия, в борьбе с «тираном и деспотом» Маймуном раисы Дербента были готовы торговать родным городом, что называется, оптом и в розницу. Демократия и измена вообще могут показаться синонимами историку — ведь, скажем, в Италии, во времена Пунических войн, управляемые аристократами города-союзники Рима сумели остаться верными клятвам предков, а вот демократии Италии просто наперебой распахивали ворота перед африканскими полчищами Ганнибала. В Афинах после расширения гражданских прав во время греко-персидских войн дошло до того, что горожане изгнали из города правителя, попытавшегося перевести деньги из зрелищного фонда в оборонный. Это удалось лишь Демосфену — но было поздно, дружины македонского горца Филиппа уже стояли под стенами Афин. Точно так же «худые мужи вечники» позорно сдали Господин Великий Новгород азиатской Московии. Так что демократия всегда готова торговать своей страной — лишь бы было, кому продать. На стратегически важные Железные Ворота Кавказа покупатель нашелся мгновенно.

На владения Маймуна точил зубы его южный сосед ширваншах — знакомый нам Мухаммед ибн Ахмад, тот самый, что ходатайствовал перед Святославом или его наместником за беженцев из сокрушенного русами Хазарского каганата. Поскольку возведенные мастерами-устодами Хосрова Ануширвана двойные стены «Железных ворот» были крепковаты для армии его княжества,

Мухаммед ибн Ахмад пошел естественным для восточного человека путем хитрой интриги. Он щедро поддерживал городских старейшин Дербента, подпитывая в них недовольство разгульным правителем. Все ли старейшины знали, под чью дудку пляшут, — неизвестно, но то, что с отстранением эмира от власти и фактическим переходом ее в руки раисов ширваншах Мухаммед не торопился войти в город, говорит не то о том, что многие раисы не знали, на кого работают, не то о недоверии ширваншаха к своим союзникам. Эмир сидел под домашним арестом, городом управляли раисы, ширваншах, не торопясь пожинать плоды своей интриги, улаживал, по всей видимости, какие-то свои дела.

Между тем арестованный «демократами»-раисами эмир не терял времени даром. Он сумел отыскать способ снестись с русами. Где и когда правитель мусульманского Дербента успел свести дружбу с северными язычниками, остается по сей день неясным. Очень возможно, что Маймун стакнулся с пришельцами еще в дни падения каганата; возможно также, что эмир наладил связи с новыми соседями уже после того, как Волга стала «Русской рекой».

Письмо, точнее, весточка, посланная заточенным собственными подданными эмиром своим языческим союзникам, скорее всего, сохранилось до наших дней. Вот что пишет арабский писатель ибн аби Якуб эль Недим около 988 года: «Русское письмо. Некто, словам коего я могу доверять, рассказывал мне, что один из династов с горы Кабк (так, как мы помним, арабские авторы называют Кавказ. — О.В.) посылал его к владельцу русов и заметил по этому поводу, что они имеют письмо, которое нарезывается на дереве. При этом он вынул кусочек белого дерева (некоторые исследователи видели в

этом «белом дереве» бересту, а в самом письме — первое упоминание знаменитых берестяных грамот. — О.В.), который мне и подал. На нем были вырезаны письмена, изображающие, не знаю — слова или отдельные буквы». После этих слов эль Недим приводит ряд загадочных значков, ставших головной болью многих поколений ученых с тех пор, как петербургский академик Х. М. Френ опубликовал их в 1836 году. Сам Френ ограничился замечанием о сходстве этих письмен с... си-найскими письменами древнего Ближнего Востока. Датский государственный советник и профессор Финн Магнуссен в 1841 году попытался прочесть загадочную надпись с помощью «младшего футарка», рунического алфавита эпохи викингов, в чем нет ничего странного, учитывая, что наши собственные историки уже тогда громко кричали о «норманнском начале русской истории» — скандинавские исследователи были бы просто глупцами, отказавшись от такого роскошного подарка. Удивительней же всего, что, взявшись читать надпись эль Недима рунами, датчанин прочел ее как «slovianin», то есть славянин. Зачем «скандинавский» рус выдал мусульманину бирку с надписью «славянин», датский профессор не пояснил, а жаль. Хотелось бы уловить логику этого поступка — или хотя бы логику рассуждений ученого.

Другой датский ученый, А. Й. Шёгрэн, работавший в России, идя по следам соотечественника, читал надпись с помощью все того же «младшего футарка». Результат получился еще поразительней — теперь надпись гласила «с русси луд словени». То, что даже датчане понимали, что «русский люд» в конце X века мог быть лишь «словенами», — это, безусловно, приятно и заслуживает внимания наших «объективных» ученых. Но

вот как все это соотносится с руническим характером надписи и отчего именно она была нанесена на деревянное письмо «династа с горы Кабк» к «владельцу русов», лично мне, читатель, не ясно совершенно.

Русский выдающийся исследователь, борец с норманизмом, доводы которого заставили отступить от прежних взглядов многих крупных и честных ученых, считавшихся столпами норманнской теории, — таких, как М. П. Погодин, — С. А. Гедеонов также потерпел неудачу при попытке трактовки загадочной надписи. Он увидел в ней глаголическое **СТОСВЪ** — то есть сокращенное «Святославъ». Как видим, Гедеонов считал, что надпись относится ко временам Святослава, но мне лично трудно поверить, чтоб информатор эль Недима в течение поколения берег деревяшку с непонятными каракулями. При этом странным образом было использовано два различных начертания буквы «с»: одно из «квадратной» глаголицы хорватов-католиков, другое — из «округлой» глаголицы православных болгар — не говоря уж о том, что на глаголицу воспроизводимые эль Недимом значки похожи разве что чуть больше, чем на прямые и стройные норманнские руны.

Д. И. Прозоровский и В. И. Талакин выступили с предположением о том, что перед нами — пиктография, то есть рисуночное письмо, наследниками коего являются дорожные знаки и всевозможные указатели¹. При всей правдоподобности такой трактовки она хоронила на

¹ Неграмотные русские крестьяне пользовались пиктограммами и в XX веке, а в X в языческом Новгороде некий мечник Полтвец, сделав надпись на деревянной бирке (вот оно, письмо, которое режут на кусках дерева!), вынужден был добавить к ней для неграмотных символ своего звания — меч и княжеский знак — в ознаменование своей службы князю.

корню любую попытку прочтения надписи. Как заметил Киплинг в сказке про первое письмо, такие надписи надо отправлять с человеком, который знает, что они значат, иначе безобидные бобры могут показаться адресату шайкой разбойников, а человек со сломанным копьем — человеком, убитым этим копьем. Откровенно говоря, ведь только то, что мы *знаем*, что очень схематичное изображение идущего по лестнице человечка обозначает подземный переход — еще один пример пиктографии из нашей повседневной жизни, — помогает нам правильно истолковать это изображение. А поскольку знакомые с содержанием надписи эль Недима люди уже более тысячи лет пребывают в безвестных могилах, растолковать для нас эту пиктограмму некому и о смысле ее остается лишь бесплодно гадать.

Последний серьезный исследователь, подступавшийся к надписи эль Недима, — наш современник М. Л. Серяков. Он попытался прочесть надпись при помощи индийского письма брахми. Получилось, по его словам, очень осмысленное словосочетание: «Дай те удачи ратный бг». Все, кажется, ясно, но неужели кавказский правитель отсылал гонца в дальний и опасный путь лишь затем, чтоб пожелать неведомому «владельцу русов» удачи? Сходство знаков брахми со значками в рукописи арабского автора заставляет печально вспомнить «дешифровки» Магнуссена, Шёгрена и Гедеонова. Очень сомнительно, чтобы у славян было слоговое письмо — к которому относится брахми. Во всяком случае, ко времени жизни эль Недима уже прошло сто лет со времени, как будущий святой Кирилл, а тогда — священник Константин, посол в Хазарию от православного кесаря, нашел в Корсуни-Херсонесе книги «русьскими письмены» и, читая их, «стал различать гласные

и согласные» — то есть письменность русов была не слоговой, а буквенной. Наконец, буквальное прочтение предлагаемых М. Л. Серяковым значков брахми прозвучит как КХАДА ТХАР ТХАР ТХАР УДАТХА ТЕТХАР НАБХА. На славянскую речь здесь похожа лишь «удатха» — воистину, без удачи не обойтись, берясь расшифровывать одинокую надпись.

Большинство серьезных исследователей это отлично понимают — оттого интерес к надписи эль Недима значительно поугас. Но, кроме серьезных ученых, существуют еще и азартные дилетанты. В деле дешифровки «праславянской письменности» таких немало, и к прочтению нашей загадки приложили недрогнувшую руку два самых известных — скандально известный Г. С. Гриневич, «читающий» на одному ему ведомом «праславянском языке» буквально все — начиная от письменности доарийской Индии из мертвых городов Мохенджо-Даро и Хараппо (осталось только «прочесть» таким образом письма индейцев майя и кохау-ронго-ронго с острова Пасхи, впрочем, может быть, это я плохо слежу за публикациями Гриневича) и до... экслибриса *современного* серьезного исследователя-рунолога Антона Платова. Второй, чуть более вменяемый, — В. А. Чудинов, ограничивающийся территориями, на которых действительно жили славяне, — но зато уж «читающий» абсолютно любые царапины и трещины на камнях, глине и дереве. Он как раз мог сделать бы себе неплохую карьеру, если бы «читал» их, как скандинавские руны — нашим норманнистам так не хватает «скандинавских надписей» на землях Руси! Первый затейник извлек из надписи эль Недима следующее неудобопроизносимое звуко сочетание: «равъ и и ивесъ (или «иверь». — О.В.) побратане». Чудинов совершенно справедливо за-

метил, что кто такие «равъи» и «ивесь» — совершенно неизвестно, как и то, зачем кавказский правитель извещал об их побратимстве русского адресата. Сам он «прочел» надпись, как «берой (? — О.В.) и и ве ди братане». Почему союз «и» повторен дважды, что значит слово «берой»? — об этом Чудинов предпочел не задумываться, а «перевел» надпись, как «бери его и ве ди к братанам». Что последнее слово принадлежит скорее «языку» «новых русских», нежели языку древних русов, Чудинов опять-таки предпочитает не думать.

На самом деле упорство, с которым исследователи пытались прочесть воспроизведенное по памяти на бумаге изображение вырезанных в дереве знаков, сделанное человеком принципиально иных культуры и языка, да еще наверняка не раз искаженных при переписывании, заслуживает, право, лучшего применения. А откуда известно, что надпись не надо перевернуть на 180 градусов для правильного прочтения? Что это не печать, требующая зеркального отображения для понимания? Наконец, что это — самый, на мой взгляд, вероятный вариант — не шифр, набор условных значков, получив которые, правитель-рус должен был предпринять некие заранее оговоренные между ним и автором письма действия? Ведь шифры появились не сегодня и не вчера. В X веке немецкий монах Рабан Мавр упоминает четыре способа, которым норманны шифровали рунические надписи, а скандинав Йоун Олавссон в «Рунологии» расширяет список до *двадцати* четырех способов — и это наверняка не все, на то и шифры, на то и тайнопись, чтоб про нее нельзя было узнать все из общедоступных книг. Современники и соседи норманнских викингов, славянские варяги тоже сталкивались с необходимостью

утаить от недоброжелателей свои мысли и наверняка решали эту задачу не менее хитроумно.

Что до русского письма в X веке, то оно, повторюсь, несомненно было. Ибн Фадлан видел надпись на могиле знатного руса, содержащую имя «царя русов» (такой метод «датировки» могил был известен болгарам, а для норманнов — совершенно неизвестен). Аль Масуди упоминает «пророчество», начертанное на жертвенном камне в святилище русов. Про книги, виденные Кириллом-Константином в Херсонесе, я уже упоминал. Упоминал и про грамоты киевских великих князей и письменные завещания русских купцов, про которые говорится в договоре великого князя Игоря Рюриковича с Восточно-Римской империей в 944 году. Перс Фахр ад-дин Мубаракшах Марварруди говорит, что хазары заимствовали у русов (!) письмо, которым пишут слева направо, отделяя буквы (и этот автор, как «Житие Кирилла», говорит о буквах, а не слогах или символах!) друг от дружки.

Возвращаясь от темы письма у русов вообще к «отдельно взятому» случаю с письмом «династа с горы Кабк» к «владельцу русов», заметим, что это может быть или послание великому Святославу или его представителям на Северном Кавказе — воеводе, наместнику, младшему князю — письмо ширваншаха Мухаммеда ибн Ахмада, или восточка эмира-арестанта Маймуна его русским союзникам. Я склоняюсь ко второму варианту. Во-первых, как я уже говорил, очень трудно представить, чтобы кто-то несколько десятилетий бережно хранил небольшую деревяшку с непонятными знаками. Во-вторых, само послание напоминает больше крик узника о помощи, в спешке выцарапанный на маленьком куске дерева, который, в случае чего, удобно спрятать от ище-

ек «победившей демократии» и ее ширванского покровителя, чем документ официального посланника независимого государя к правителю или полководцу северных пришельцев. За второй вариант говорит и скрытность эль Недима — своего информатора он предпочел, не называя по имени, определить как «некто, кому я могу доверять». Очевидно, содержимое письма и сам факт переписки кавказского князька с предводителем северных язычников еще «не остыли», и посредник в этой переписке не чувствовал себя в безопасности.

К кому обращался за помощью эмир Маймун? Вряд ли к далекому киевскому князю — уж скорее к неведомому нам правителю Белой Вежи на Дону — бывшего Саркела или, скорее, «Сфенго» Святославичу. Тем паче, что помощь подоспела очень быстро. На восемнадцати кораблях под яркими парусами к Дербенту подошли русы. Конечно, это были не огромные флотилии времен Олега Вещего или великого князя Игоря, но времена были другие, да другие были и цели русов (строго говоря, и русы-то были не совсем те — не созванная великим князем всенародная рать, а несколько ватаг из одного города). Экипаж одного из кораблей двинулся освобождать эмира Маймуна из заточения, но столкнулся с неожиданно сильным сопротивлением горожан (говорят даже, будто высадившиеся русы были поголовно перебиты, во что, говоря откровенно, очень слабо верится). В любом случае, русов принудили отступить. Читатель, Вам не кажется странным, что боеспособность простых закавказских мусульман столь резко выросла со времен Бердаа? Мне вот кажется, и русам, очевидно, тоже показалось. Очень сильно подозреваю, что в городе Железных Ворот не то несли бремя интернационального долга и братской помощи молодой дер-

бентской демократии воины ширваншаха Мухаммада, не то отыгрывали «простых дербентских патриотов» их ничуть не хуже оснащенные и подготовленные земляки в штатском.

Конечно, прямых сообщений, что же именно думали по этому поводу русы, в источниках нет. Зато там есть описание их действий, и, судя по этому описанию, ход мыслей предков был схож с моим. Корабли русов двинулись на юг вдоль побережья, захватив и разграбив сперва Масхат — город к югу от Дербента, — а затем... на Ширван.

После этого русы вернулись к Дербенту и одним ударом взяли город Железных Ворот. Все небывалые воинские качества горожан и патриотическая сознательность граждан новой демократии, позволившие им не то отбить натиск корабельного десанта русов, не то даже истребить его, куда-то подевались; лично я, читатель, не в силах избавиться от впечатления, что упомянутые качества и сознательность в этот момент со всех ног — своих и лошадиных — торопились пыльными кавказскими дорогами в родной, вновь охваченный пламенем, Ширван — спасать то, что еще можно было спасти. То очень и очень немного, добавим мы, вспомнив о нравах русов — когда предки делали дело, они делали его на совесть.

Кроме шуток, очень сильно подозреваю, что и ширванцы — или, по меньшей мере, ширваншахи — и русы относились к этому времени друг к дружке как к кровникам. Это ведь было уже третье поколение ширваншахов, начиная со злосчастного Али ибн аль Гайтама, которое били русы. И третье поколение русов, сражавшееся с ширванцами. А ведь тогдашние русы очень

серьезно относились к родовой мести; кавказцы же и сейчас серьезно к ней относятся.

Источники не говорят, что происходило в городе после того, как эмир Маймун был освобожден из заточения и водворился на престоле своих предков, но представить это можно легко. Вы-то сами, читатель, каково себя ощущали на месте добрых жителей славного Дербента, памятуя, что не просто восстали против законного повелителя, но и уничтожили — ну не Вы, ну в Вашем городе, кто ж разбираться-то будет, шайтаны эти северные, что ли?! — целый отряд русов? Ох, вспоминались дербентцам рассказы дедов-прадедов и про огненный ураган, гулявший над каспийскими берегами в 912 году, и про неколебимость и беспощадность русов Бердаа в 944-м. Так что — я глубоко убежден — вчерашние граждане вольного города Дербента, а ныне нижайшие верноподданные солнцеликого эмира Маймуна бен Ахмада бен Абда аль Малика, да продлит Аллах всемогущий и милосердный славные дни могучего владыки, сами, собственноручно выковыривали из укромных углов забившихся туда раисов, отлепляли их вдруг ставшие не по-старчески цепкими и сильными руки от дувалов и чинар и волокли на главную площадь, к ногам эмира-победителя, под ледяные бешеные взоры ужасных язычников-русов. «Это они, о милосерднейший наш повелитель! Это они, гнусные отродья шакала, посмели поднять голоса свои против подобного льву и тигру в зарослях! Мы всегда были верны тебе, о могущественнейший, пощади, оставь нам наши ничтожные жизни, ради детей наших, о ястреб дербентских вершин!»

Очень бы хотелось сказать, что на этом дело и закончилось, но... не таков был ширваншах Мухаммад ибн Ахмад аль Азди, чтоб вот так, запросто, оставить идею

о захвате Железных Ворот. Закончив рвать на себе умащенную драгоценными маслами бороду — не просто рухнул план захвата Дербента, еще и собственные владения разграблены отродьями шайтана! — ширваншах успокоился. И выработал новый план. Убедившись, что демократы-раисы оказались неспособны даже Родину толком продать, он решил сделать ставку на другую силу — на религиозный фанатизм.

И вскорости в окрестностях Дербента раздался сильный, пронзительный голос седобородого старца с огненными безумными глазами, в черных чалме и халате. Это был Муса ат-Тузи, неистовый и фанатичный проповедник из Гиляна — североиранской провинции на южном побережье Каспийского моря, которого «вдруг» занесло в дербентские края.

Эмир Маймун, очевидно, увлекся, празднуя с русской дружиной — ей-то и вовсе никто и никогда хмельного не запрещал — победу над предателями-раисами. Что до русов — они плохо знали, что такое исламский фанатизм. Храня верность своим богам и предоставляя чужаков их кумирам, они не представляли, до какого градуса безумия может вскружить толпу мусульман хороший проповедник. А Муса ат-Тузи был не просто хорошим, он был великолепным проповедником, вполне сравнимым с его земляком из XX века — суровым аятоллой Хомейни. Когда эмир очнулся и понял, что дело неладно, было уже поздно что-то предпринимать. У него не было больше подданных. Царем и богом, вторым после Аллаха в городе Дербенте и его окрестностях был Муса ат-Тузи, и повторявшие его слова безумцы толпами бросались на русские мечи, гибли десятками, но даже не думали отступать. Ворота городской крепости Дербента едва успели сомкнуться перед неистово вою-

щей «Аллах акбар! Хасан, Али ва Хусейн!» человеческой массой, в которой, как в морском приливе, тонули бесследно копья и стрелы русской дружины. В XX веке паству аятоллы не могли остановить даже автоматные очереди, даже танки.

Двадцать восемь дней море обезумевшей толпы билось о каменные стены крепости правителей Дербента. И эмир Маймун бен Ахмад бен Абд аль Малик с ужасом понял: еще немного, и у него не будет ни дружины, не подданных. Он мог приказать русам истребить горожан, и суровые северяне, возможно, даже справились бы с этим. Но сколько их при этом убьют, и кем же станет править он, эмир Маймун?

И ведь это же *его* город. И *его* люди. Они об этом забыли сейчас, но он помнил.

Маймун вышел из ворот на переговоры с Мусой. Одетый в рубище, посыпая пеплом бритую голову, он каялся на коленях перед бесстрастным проповедником и угрюмо молчащими горожанами, обещал покончить с прошлым, начать новую жизнь — жизнь примерного мусульманина. Более, клялся он, ни капли проклятого, отвергнутого пророком зелья не оросит его глотки до последних дней!

Муса ат-Тузи, поглаживая бороду, невозмутимо напомнил эмиру Маймуну про его телохранителей-гулямов. Пришельцев надо выдать горожанам. Неверные, сказал проповедник, должны выбрать: или ислам — или смерть.

Судя по этой детали, русы, пришедшие на помощь к невезучему эмиру, были не христианами — те могли откупиться джизией, как мы помним, — а язычниками.

Я просто вижу, читатель, что произошло после этих слов перса-проповедника. Эмир, не поднимаясь с колен,

посмотрел на него каким-то нехорошим взглядом, потом в темных глазах мелькнуло подобие усмешки, и эмир Маймун бен Ахмад бен Абд аль Малик, поднимаясь на ноги и отряхивая левой рукой колени, протянул правую к иссохшему, спаленному огнем фанатизма лицу проповедника, к его ястребиному носу. Пальцы на правой руке эмира были сложены странным образом: четыре поджаты к ладони, а большой — торчал между средним и указательным...

Я, конечно, шучу, читатель. Подобное хулиганство эмира Маймуна нигде не описано. Но факт остается фактом — поставить русскую дружину перед выбором между смертью и исламом эмир Маймун отказался самым решительным образом.

Судьба предлагала эмиру Маймуну выбор — выбор между предательством своей дружины, пришедшей ему на помощь в трудные дни мятежа раисов, и истреблением этой дружиной своих подданных. Эмир выбрал третье: он ушел из города вместе с русской дружиной, ушел в соседний Табаристан. Он не мог знать, конечно, слов другого весельчака и жизнелюба, сэра Гилберта Кийта Честертона, которому предстояло появиться на свет девять столетий спустя: «У дьявола две руки, и он всегда предлагает нам выбор, но надо помнить, что правильно выбрать между руками дьявола нельзя, правильно — отказаться от такого выбора». Но поступил он так, как будто знал эти слова. Наверно, просто потому, что был в достатке наделен человечностью и здравым смыслом.

Эмир Маймун ушел из города вместе со своею русской дружиной. Выбору между предательством своих друзей и предательством своего обезумевшего народа он предпочел бесприютность бродяги, оставив за спиной

престол предков, дворец и сокровища казны. Русы поняли и высоко оценили поступок мусульманского правителя. Им, конечно, и в голову не пришло бросить того, кто уже не мог щедро одаривать их золотом, рабынями и пестрыми драгоценными одежаниями, но и обречь его на участь нахлебника в чужой земле они не пожелали.

А в Дербент вошли войска ширваншаха Мухаммада ибн Ахмада. Обессиленный тремя годами смуты город, даже если и захотел бы — не смог воспротивиться новому владыке. Но через несколько месяцев произошло событие, одновременно явившее благодарность русов другу-эмиру и отношение горожан Дербента к завоевателю.

Некий рус из дружины добровольного изгнанника, имя которого передается не то как Балид, не то как Балду (да-да, опять та же морока с арабским письмом, усугубленная тем обстоятельством, что *русское* имя было записано через полвека после событий в *тюркоязычном Дербенте арабом*, а до нас дошло в переводе на *турецкий*, сделанном в XVII веке неким Мюннезим-баши) — исследователи пытались увидеть в нем и Влада, и Волота¹, как только норманнисты не превратили бедолагу в какого-нибудь Бальдра, — пришел в Дербент. Один. Он прошел через город никем не замеченным, хотя все источники, от Псевдозахария Ритора и Феофилакта Симокатты до ибн Фадлана и Льва Диякона, говорят, что сирийцам, грекам и арабам русы и славяне языческой эпохи казались великанами. А мо-

¹ Балду могли попросту звать Балдой — многие имена и прозвища русов и славян были не благозвучней. Вольно нам помнить Святославов и Ратиборов, но летописи и старинные грамоты хранят память и об Оловяницах, Тупочелах, Кочкарях и прочих Умойсягрязью, Пестокрадах и Розва-лигородах.

жет, его видели — и молчали? Может, до буйных горожан Железных Ворот наконец дошло, что народу иногда неплохо и побезмолвствовать? Несколько лет народ Дербента принимал самое активное участие в судьбах родного города, бросаясь то за продажными демократами-раисами, то за исламским фанатиком Мусой ат-Тузи. И что это дало народу Дербента? Сотни свежих могил? Сотни вдов и сирот? Чужеземных воинов на улицах? Славный итог нескольких лет «свободы», славный и закономерный. А сколько раз ему еще суждено повториться! Вот уж воистину — основной урок истории в том, что никто не учится на ее уроках.

Пройдя — замеченным или нет — во дворец правителя, «Балду» направился к ширваншаху. Раскидал телохранителей, пытающихся защитить господина, нагнал удирающего завоевателя и огрел топором по затылку. Кстати, выбор оружия тоже вряд ли случаен. Помните, читатель, мы говорили о том, что русы не использовали топор против равного, достойного противника — только против зверя на охоте или взбунтовавшегося смерда? Рус не просто нанес удар — он выразил свое отношение к восточному деспоту и интригану, добивающемуся своего чужими руками и бегущему от открытой схватки. После этого повернулся и ушел из Дербента. Уйти ему тоже никто не смог — или не захотел? — помешать. Ширванцы увезли раненого (не иначе, под чалмой ширваншаха Мохаммада ибн Ахмада прятался стальной шлем, раз он был всего лишь *ранен* ударом топора по голове!) владыку в родной Ширван, за ним ушли и войска. Вскоре в Дербент вернулся эмир Маймун. Тихо вернулся он во дворец предков, тихо встретил прежнего повелителя Дербент. Город и его владыка с обоюдного безмолвного соглашения делали вид, что ничего не прои-

зошло. Через два года скончался интриган Мохаммад ибн Ахмад аль Азди: если вспомнить, что он выступал посредником еще между Святославом (или его людьми) и беглыми хазарами, то понятно, что владыка Ширвана был глубоким стариком; да и удары топором по голове, даже укрытой шлемом, никому не прибавляют здоровья. На Дербент он больше не покушался — наверняка у седобородого властителя начинал чесаться шрам на затылке при одном взгляде на Север. И эмир Маймун бен Ахмад бен Абд аль Малик окончил свое царствование в покое и, может быть, успел услышать первые рубан Омара Хайама, которые наверняка бы понравились ему — человеку, искренне любившему мирские блага, но и повидавшему в жизни достаточно, чтоб временами задумываться об их непостоянстве.

Русов рядом с ним не было. Не было уже тогда, когда он въехал в Железные Ворота и стражники в чалмах поверх остроконечных шлемов склонили перед ним головы, будто последних пяти лет просто не было. Они тоже вернулись. Их дом горел, их земля звала верных чад своих богов, и морские волны выкидывали на берег приплывшие с Севера по рекам изуродованные святотатственной секирой кумиры. Они вернулись. И очень долго Кавказские горы не слышали звона русского оружия и шагов русских воинов. Лишь полтысячи лет спустя, в стремительно наступающую эпоху пороха, первые ватаги ушкуйников и казаков станут появляться здесь. И еще четыре столетия понадобится, чтобы вслед за разбойниками пришли воины и Русь вернулась на свой кавказский рубеж.

Заключение

«Вера их притупила их мечи»

Как «уважали» крещеных русов новые «братья». Печенежская напасть. Цена новой веры. «Земли неизвестные». Кавказский рубеж — через тысячу лет.

А когда стрелки домой вернутся —
Пепелище вместо теремов,
В страшном гневе слезы отольются
На проклятье всех врагов!
Так бывало в царствах-государствах,
Что стояли по краям земли:
Для забавы жгли чужие гнезда,
А свои не сберегли!

*Никола Емелин,
«Царские забавы»*

Из книги в книгу кочуют рассказы о том, как с крещением Русь вошла-де в число культурных и цивилизованных народов. О том, что после крещения-де на нее и на русов стали смотреть не как на варваров, а как на равных себе окрестные христианские страны и народы. Честно говоря, нельзя сказать, чтоб на языческую Русь смотрели без уважения — в немецком Раффельштеттенском торговом уставе 904 года не заметно утеснений русским купцам. Арабы, как мы видели, пишут о языческой Руси с немалым почтением. Государей русов во всем мире именуют королями, царями, а то и «хаканами»-императорами.

Так, значит, после крещения это уважение должно было усиливаться?

Но вот что пишет в середине XI века Михаил Пселл: «Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет повода для войны с нами» (Хронография, Зоя и Феодора..., ХСІ). И ведь пишет православный византиец, коему бы сам Христос велел уважать братьев по вере! Уже полвека прошло с того момента, как по киевским улицам, по грязи и лошадиному помету славяне проволокли золотоусый кумир Бога Побед, с именем которого их отцы и деды брали Бердаа, Итиль, Саркел, осаждали Царьград. И что же? «Варварское племя».

В византийских владениях на юге Италии, в древнем соборе города Торичелло, построенном византийскими зодчими в XII веке, на фреске Страшного Суда, под ногами Сатаны, сидящего на троне, торчат из «озера огненного и серного» женские головы с косами, мужские — с усами и чубами на бритых головах. Прошел не один век с крещения Руси, но в глазах византийских «братьев» — Торичелло, кстати, стоит на землях, которые византийцы отстояли от сицилийских норманнов и мавров только благодаря присланным православными русскими князьями дружинам — проклятый «народ Рос» так и остался бесовским отродьем, которому место только в преисподней.

Да что удивляться — вспомним, как через век после крещения Болгарии князем Борисом император Восточного Рима, Никифор Фока, кричал на болгарских послов, называя их грязным, жалким и низким во всех отношениях племенем, а их православного царя, Петра Сурсувула, «варваром, кутающимся в шкуры и грызущим сырые кожи».

Бездна уважения, не так ли, читатель?

Может быть, нас стали уважать западные христиане? Да... Византия хотя бы не в силах была активно нападать на Русь — силенки у издыхающей империи были уже не те. А западные «братья по вере» просто регулярно навещали нас с «братскими» визитами, свидетельствуя уважение обретенным братьям во Христе, — поляки, мадьяры, шведы, тевтонцы, снова поляки... Титмар Мезербургский брезгливо замечает: мол, Владимир, приняв христианство, не украсил его. «Русские такие христиане, что от их христианства самого дьявола тошнит», — заметит впоследствии кто-то из Тевтонских братьев-крестоносцев.

А арабский историк Марвази, как и Титмар, младший современник крещения Руси, описав прежние нравы и обычаи русов, тех самых русов, что когда-то огненным вихрем пронесли над Каспием, год сидели в Бердаа, расшвыривая подходящие к городу мусульманские полчища, тех, к кому взывали за защитой санарийцы и Дербентский эмир Маймун, завершает:

«Когда они обратились в христианство, вера их притупила их мечи, двери добычи закрылись перед ними, и они вернулись к нужде и бедности, сократились у них средства к существованию».

О, конечно, легко сказать, что араб выдает желаемое за действительное. Да вот только все, что мы знаем об этой эпохе, подтверждает не сказки наших учебников о небывалом-де взлете русской культуры и государственности после крещения, а как раз грустный рассказ Марвази.

Летопись говорит о том, что после крещения была «рать с печенегамы беспрестань». Против печенегов Владимир Креститель ставит крепости по Суле, Стугне, Остру, Трубежу и Десне — даже Десне, на которой

стоял Чернигов! И за это ему не устают петь восхваления, как великому защитнику Русской земли, словно позабыв, что еще его дед, великий князь киевский Игорь Рюрикович, сам ходил в печенежскую степь и мог «повелеть», по выражению летописи, печенегам атаковать какую угодно страну. Покойный Борис Александрович Рыбаков «объяснил» то, что в былинах воспевается не великий князь Святослав Игоревич, а его сын¹, говорит, что мол, слишком часто в его, Святослава Игоревича, княжение Киев видел под своими стенами печенежские кочевья — о, очень часто, целый один раз! И тогда печенеги понеслись прочь, сломя голову, едва им только показалось, что страшный князь Святослав подходит к осажденному городу. А при его сыне покорные вассалы Игоря и Святослава, это «острие в руках русов, которое те поворачивают куда захотят» — помните ибн Хаукала? — только что не зимуют под столицей Руси.

Чего стоит один только рассказ про Кожемяку. Его так часто цитируют — и хоть бы один из цитирующих вдумался, что происходит! Печенеги стоят на Трубеже — это шестьдесят километров от киевских предместий, день пути даже для пешего, а для конной орды кочевников — вообще несколько часов не слишком быстрой скачки!

Князь вроде бы здесь — но налетчики и не думают обращаться в бегство, напротив, их вожак сам требует встречи с правителем русов. И кричит через реку, ехидно скаля желтые волчьи зубы: «Выставим бооойцов, я своего, а ты своего. Пусть борются, одолеет наш — три года будем грабить Русь, ваш одолеет — уйдем!» Степ-

¹ На самом деле Владимир Святославич, правивший в Киеве на Днепре, приходится только тезкой Владимиру Всеславичу Красну Солнышку, быллинному князю, правившему в Киеве на Дунае, и никакой другой связи между ними нет, что будет подробно показано в одной из моих книг.

няк этот, право же, побивает по наглости даже Шамиля Басаева — тот, помнится, хамил в лицо не правителю России, а «всего лишь» премьер-министру, главе правительства. Не слишком-то уважают распоясавшиеся вассалы предков нового князя. Впрочем, а за что им его уважать? Самый яркий пример его воинской доблести в летописи описывает, как он отсиживался *под мостом* от победителей-печенегов. Можно представить себе на его месте Олега Вещего, Игоря Старого, Святослава Храброго? И можно ли себе представить кого-нибудь из их приближенных — Асмунда, Свенельда, Волка — на месте Добрыни, опасливо советующего государю не связываться со слишком богатым и сильным племенем и поискать на поживу безобидных «лапотников»? А ведь говорит не просто близкий советник государя — говорит его дядя, брат матери, воспитатель! Так за что же уважать его воспитанника?

И Владимир — словно доказывая кочевому царьку, что его, правителя недавно еще грозных русов, и впрямь не за что уважать — соглашается на условия печенега. И при этом во всем его войске не находится никого боеспособнее ремесленника-кожемяки. Спасибо ему, одолел врага, защитил Русь... а если бы не сумел?

Вообще, все сообщения летописца о победах над печенегами этого времени пропитаны духом изумления перед этими победами — неужели смогли? Печенегов, которыми Игорь повелевал, которые бегали от одного имени Святослава, Владимир может победить только чудом — читается между летописных строк. Не доблесть дружинников, не отвага и мудрость князя — физическая сила посадского парня да хитрость дряхлого старика-горожанина противостоят ныне врагам Руси.

Отчего же летописец не верит в силы своего народа? Мне кажется, читатель, оттого, что знает, насколько по-

дорваны эти силы. Вот сухая археологическая статистика — на рубеже X—XI веков археологи отмечают исчезновение 28,9% известных им древнерусских поселений. Эта страшная цифра должна была бы занимать в сознании русского человека не меньше места, чем занимают пресловутые двадцать миллионов, — но ее даже не знают. Поэтому не обессудьте, читатель, — я намерен повторять ее из книги в книгу, пока все, кто должен знать, не узнают и не запомнят ее. И можно сколько угодно твердить заклęcia про «укрепление государственности» и «усмирение» каких-то неведомо откуда взявшихся «племен». История знает лишь одно значительное событие этого времени — крещение Руси. Когда, по словам одного — подчеркиваю во избежание обвинений в «повторении задов советской атеистической пропаганды» — дореволюционного церковного автора, православная «церковь на трупах утверждала крест Христов». Сходным образом выражается современный русский ученый И. Я. Фроянов: «Летописатели — люди, как правило, духовного звания, старались не говорить о темных сторонах крещения Руси; а светлых было мало (...) Христианство начинало свой путь в покоренных Киевом землях, обрызганное кровью». Масштаб этой «обрызганности» Вы, читатель, можете представить по приведенной цифре. Это называется, скорее, не «обрызганным кровью», а «по колено в крови»! Притом ведь и в переживших это страшное время городах шла резня — чего стоит история с Новгородом, где «Добрыня крестил огнем, а Путята — мечом», по известному выражению Иоакимовской летописи, подтвержденному ныне археологическими раскопками. Или жуткая легенда, сохранившаяся в городе Турове, — о крестах, приплывших в город по крови, вместо воды переполнившей Припять.

Так что же удивляться, что страна, обескровленная

чудовищной гражданской войной во имя чужеземного бога, оказывалась бессильной противостоять кочевникам? Аль Масуди называл «Русской рекой» Дон, ибн Хаукаль — Волгу. А Владимир ставит острожки на Десне и Трубеже. Что удивляться слабости его дружины? Палачи, истреблявшие из «высоких идейных соображений» своих братьев, никогда и нигде не были хорошими воинами.

Через два века князь Новгород-Северский Игорь Святославич, словно повторяя давний подвиг своего великого тезки, пойдет в степь, воевать кочевников. Нет, я не о том, что он потерпел поражение. Просто... просто загадочный Див, кличущий с вершины древа «незваемым землям», оповещает в их числе о приближении «Игорева хороброго полку» Волгу, Поморье — Черноморское, очевидно — Посулье, Сурож, Корсунь, Тьмуторокань. Мне трудно, читатель, отделаться от впечатления, что неведомый автор «Слова», не забывший языческих богов и словно бы позабывший упомянуть хоть раз Христа или хоть кого-то из святых, открыто заявивший о неверии в воскресение мертвых («Игорева славного полку уже не кресити»), сознательно, с горькой усмешкой перечисляет как «незвестные» те земли, где до крещения обитали русы. Сурож, к которому ходил князь Бравлин. Волгу, по которой водил полки великий князь Святослав, «Русскую реку» ибн Хаукаля. Корсунь, в котором Кирилл видел книги, написанные «русьскими письмены». Тьмуторокань, в котором сидел язычник «Сфенго», откуда ушли в страшный поход 912 года неведомые нам русские мстители. Он ни разу не выразит явно своего отношения к Христу и христианству — он слишком осторожен для этого. Он всего лишь перечислит «незвестные» крещеным правнукам земли, бывшие

привычными охотничьими угодами, а то и домом для язычников-пращуров...

И еще — уже без всякой задней мысли — любовно, почти ласково — «дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо; *далече* залетело!». Далече... а ведь еще только «Игорь къ Дону вои ведетъ»! Какой уж Кавказ, когда русичи чувствуют себя ушедшими в неимоверную даль, не дойдя еще до границы Руси при другом Игоре — Игоре Старом, Игоре Великом, Игоре-язычнике.

А ведь земля эта — огромное пространство к югу и востоку от пресловутых городков Владимира и до самого Предкавказья — не просто брошена, не выкинута в безлюдное и безжизненное иномирье. Она осталась здесь, под боком, — но из русской земли стала Диким Полем, Дешт-и-Кипчак, половецкой степью. Пятьдесят крупных — только крупных — набегов за сто пятьдесят лет! Каждый третий год земли, при князьях-язычниках бывшие русскими, а теперь превратившиеся в логово разбойного кочевого зверья, извергали визжащие и воюющие орды — и полыхали избы, ложились под некованные копыта степных лошадемок нивы, и колодники, бредя на аркане степною сакмой, шептали друг дружке сквозь слезы: «я был из этого города... а я — из того села». Каждый третий год!

А сколько было «мелких» набегов — как будто бывает мелкая смерть, мелкая неволя...

Это тоже на его совести. Не только зазванный в подлую ловушку и поднятый на мечи наемников брат. Не только его изнасилованная невеста. Не только жители 28,9 процента — ТРЕТИ! — русских городов и сел, не желавших отступаться от своих богов.

Но и вот эти колодники, и смерд, уткнувшийся лицом в орошенную его кровью ниву, пока кочевник выпрягает из сохи конька, и ратники, ложившиеся в свире-

пых сечах, и русские дети, которых никогда не родит золотокосяя девчонка, утащенная на аркане из родного села, — все!

И жизни дружинников его отца, его деда, легших в степные ковыли, рухнувших в красную Донскую или Волжскую воду — ради того, чтобы всего этого никогда не было!

Есть ли слова, есть ли проклятие для повинного в том, что их смерть стала напрасной?

Предатель родных богов — воистину, кроме этого, нечего больше сказать.

Но разве мы не видели подобного недавно? Не видели, как купленную кровью русских парней победу отдают в руки их убийцам? А через пару месяцев старательно лыбящиеся в телеобъективы «мирные жители» отпускают бороды, откапывают зарытые по оврагам автоматы — и все начинается сызнова — все, кроме жизни наших ребят, отданных за то, чтобы такого не было.

Вот так, неожиданно и страшно, дела тысячелетней давности перекликаются с сегодняшним днем. И русские парни в маскировке оказываются в одном строю с солдатами и казаками Ермолова, с дружинниками воеводы Свенельда, со славянскими бойцами, осаждавшими Партаву и погибавшими под зелеными клинками всадников Мервана Беспощадного. И в одном ряду стоят против них сам Мерван, и Буга Старший, и ширваншахи Али и Мухаммад, и имам Шамиль, и детоубийцы Буденновска, Волгодонска, Беслана, басаевы, радуевы, хаттабы — все осененные зеленым знаменем, принесенным к кавказским горам из жарких песков Аравии. А в спину тем, кто стоит на пути детоубийц, верша дело пращуров, глядят, выгадывают время для удара, из-под лакированных козырьков продажных кабинетных генералов, из-за тусклых стеклышек очков кликуш-правоза-

шитников мертвые глазницы кагана Обадии и киевского богоотступника и братоубийцы Владимира. И, как тысячу лет назад, одни несут — с севера — к кавказскому рубежу порядок и закон для всех («Наш долг — хорошо править вами, ваш долг — хорошо повиноваться нам»), другие — с юга — вседозволенность, право сильного для «правоверных» и бесправие для «неверных», которых ждет единственное право — остаться в живых, платить джизию и покорно сносить любые измывательства «правоверных».

Что же, опять все повторится? Еще один ряд напрасных могил? И вновь отступить, забиться в нору, позволив тем, кто трепетал перед предками, хозяйничать на нашей земле?

Не знаю. Мне кажется, многое зависит от нас. Будем ли мы достойны своих предков, перед которыми содрогались и падали в прах империи, чье имя звучало, как гром небесный, — или вновь позволим очередной чужеземной «вере», на сей раз — в «общечеловеческие ценности», затупить клинки наших душ?

Но в одно я верю твердо — не бывают напрасными солдатские могилы. Я не знаю, кто и когда сочинил «Велесову книгу». Но кем бы он ни был, когда бы ни жил — в ней есть слова, которые подсказали боги:

«РУСИЧИ! НЕ ВЕРЬТЕ ВРАГАМ ВАШИМ. ГДЕ КРОВЬ РУССКАЯ ПРОЛИЛАСЬ, ТАМ И ЗЕМЛЯ РУССКАЯ».

На веки вечные освящен святою кровью русских витязей, русских солдат Кавказский рубеж.

Летопись славян на Кавказе

627 год — Моисей Кагантакавацци слышит от осаждающих Партаву воинов хазарского кагана славянскую речь.

644 год — правитель Дербента Шахрияр упоминает в письме арабскому правителю русов и хазар, которых он не пропускает в Закавказье.

730 год — поражение войск арабского полководца Джарраха, в рядах которых сражались «сакалиба»-славяне в битве при Ардебиле от хазар.

737 год — арабский полководец Мерван ибн Мухаммед, прозванный Безжалостным, во время войны с хазарами прорывается на «реку славян» (Дон) и угоняет в плен 20 000 славянских семейств, переселив их в Кахетию.

789—820 годы — иудейские реформы каган-бека Обадии и последовавшая гражданская война. Установление иудейского режима в каганате.

840-е годы — таможенник халифата ибн Хордадбег описывает русских купцов, приходящих в Багдад с Каспия.

910 год — флот ширваншаха истребляет русских купцов.

912 год — нашествие русов на берега Каспийского моря. По возвращении с добычей русы истреблены хазарскими мусульманами.

944—945 годы — русы захватывают город Бердаа и удерживаются в нем год, проявляя феноменальную терпимость к местным жителям и неуклонно разбивая мусульманские полчища, подходившие под Бердаа.

965—966 годы — поход Святослава на хазар, ясов и касогов.

986—988 год — эпопея эмира Дербента Маймуна и его русской дружины.

Приложение I

ВНЕШНОСТЬ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА КАК ЭТНООПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ПРИЗНАК

1060-летию Русского Героя

Л. Р. ПРОЗОРОВ

Вступление

Не первый век идет спор между учеными об этнической принадлежности племени русов («русь» летописей, «россы» греческих источников, «ар-рус» арабских и т. д.), объединивших под своей властью славян и ряд неславянских племен Восточной Европы и создавших Русское государство.

В последнее время вопрос этот решается с чисто лингвистической, даже с чисто ономастической точки зрения (1). Основным доводом при определении происхождения русов служит этимология слова «русь», имен послов «рода Русского» в договорах с Византией X в., «русские» названия порогов у Константина Багрянородного. В то же время упускается огромный пласт сведений о культуре и быте, обычаях русов, содержащийся в источниках. В частности, описания внешнего облика и «прически» русов, самым ярким из которых является описание внешности великого князя Святослава Игоревича у Льва Диякона (кн. 9, гл. 11):

«Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светлыми глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, на одной стороне ее свисал клочок волос — признак знатности»(2).

Это описание чрезвычайно ценно для нас тем, что является единственным подробным описанием внешности знатного руса той эпохи, сделанным его современником под непосредственным впечатлением либо со слов очевидца.

Возникает ряд вопросов: во-первых, может ли прическа служить признаком этнической принадлежности, во-вторых, насколько это обличье было характерно для русов IX—XI вв., в-третьих, поскольку сейчас господствует теория скандинавского происхождения русов, как соотнести эти описания со скандинавскими обычаями, в-четвертых, поскольку, как мы увидим ниже, эту прическу связывают с тюркским влиянием, насколько она соответствует тюркским традициям. Наконец, каковы были славянские обычаи в этой области быта и сильно ли они отличались от обычаев русов. Решив эти вопросы, мы сможем судить о внешнем облике вел. кн. Святослава Игоревича в частности и русов вообще, как этноопределяющем признаке, что поможет в решении проблемы этнической принадлежности русов средствами, как представляется, более надежными, чем ономастические.

Глава 1

Прическа как признак принадлежности

В Средневековье, равно как и в древности и вообще в традиционном обществе, вопрос внешности, в частности прически, менее всего был делом моды и личного выбора. Как правило, внешность человека определялась его принадлежностью — этнической, конфессиональной, сословной (в языческий период эти факторы могли сливаться, точнее, еще не разделились). Так, поздние римские авторы указывают, что алан от скифов отличала именно прическа — соответственно, остриженные в кружок волосы вместо длинных, до плеч (3). В Библии содержится запрещение иудеям стричь бороды и брить головы, «ибо вы сыны у господа, бога вашего» (Втор. 14:1—2. См. также Лев. 19:27—28, 21:1—6). В Спарте к обязанностям мужчины-спартиата, то есть полноправного гражданина, в равной степени относилось «Посещать сиситии, брить усы и повиноваться законам» (4).

Наиболее любопытный пример — история прически в Византии. В IV—VI вв. большинство подданных и сам император чисто брили лицо, бороды и усы были признаком «эллина», то есть язычника (5). Напротив, иконография VII—IX вв. практически не знает безбородых императоров, с бородами и усами изображаются и их подданные (волосы, как правило, стригли не выше ушей. Впрочем, бывали и исключения — см. ниже). Дело в том, что упомянутые периоды разделяет эпоха иконоборчества. Изображения Христа с девственно чистым лицом ангела или евнуха (Христос Добрый Пастырь, Христос Диоген пр.) (6) были большей частью уничтожены и сменились по ее окончании иконами ближневосточной, сирийской школы, где Христос был

представлен с бородой и усами. И средневековые христиане, свято помнившие слова Библии об «образе и подобии» (Быт. 1:26) и ориентируясь на новые иконы, стали отпускать бороды и усы.

Итак, ориентиром в отношении внешнего вида прически служило изображение Божества или представление о Нем, что вообще естественно для действий традиционного или религиозного человека: «религиозный человек... осознает себя истинным человеком лишь в той мере, в какой он походит на богов, героев-основателей цивилизаций, мифических предков... Воспроизведением своих мифов религиозный человек желает приблизиться к Богам и приобщиться к Бытию» (7).

Эта взаимосвязь немаловажна для нашей темы. Во-первых, мы установили, что в прическе традиционный человек стремился подражать богам и предкам. Поскольку на языческом уровне конфессиональное и этническое неразличимы — см. договор 912 года: «русин али бо христианин» (8), — то прическа становится достаточно надежным этноопределяющим признаком.

Во-вторых, изображения и описания языческих богов, следовательно, являются надежным источником в области обычаев почитающих их народов.

Глава 2

Обычаи русов

Видимо, следует сразу заметить, что Святослав не был исключением среди русов. Лев Диакон прямо говорит, что обликом князь «ничем не отличался» от своих приближенных. Как намек на отличие можно вспомнить лишь одинокий «клок волос — знак знатности рода».

Следовательно, прочие русы были безбороды и наголо обриты.

Арабские авторы, описывая русов, редко говорят об их прическе. Этому есть два объяснения: во-первых, снимать головной убор вне дома противоречило обычаям русов. Выражение «опростоволоситься» по сей день сохранило неодобрительный смысл. Русские князья XI в. даже в церкви (!) стояли с покрытыми головами (9). Во-вторых, бритоголовым мусульманам бритые головы русов могли показаться чем-то обыденным, само собой разумеющимся и недостойным упоминания. Впрочем, ибн Хаукаль положительно сообщает о бритые голов у русов (10). У него же, Идриси и Димешки узнаем, что часть русов бреет бороды, другие же отпускают их, завивая «наподобие гривы», или красят шафраном (11). Следует обратить внимание, что бородачи в сообщениях арабских авторов неизменно следуют после бреющихся: возможно, потому, что последние составляли большинство среди русов.

Франкский хронист Адемар Шабанский пишет о русах рубежа X—XI вв.: «... пришел в Россию некоторый греческий епископ... и заставил их принять обычай греческий относительно рощения бороды и всего прочего» (12). Из этого ясно видно, что «ращение бороды» для русов X в. был «обычай греческий», пришедший вместе с христианством. До того русы, очевидно, брились.

Сохранились прижизненные изображения русских князей X—XI вв. — на монетах Владимира I — сына Святослава — и его внука Святополка I (13). В Новгороде найдена печать Ярослава Мудрого с портретным изображением князя (14). Сохранился барельеф, где, по предположениям ученых, изображен в виде своего небесного патрона, св. Дмитрия Солунского, Изяслав

Ярославич (15). Его брат Святослав запечатлен на миниатюре носящего его имя изборника (16).

На монетах невозможно разглядеть прическу, очевидно одно — это не длинные волосы (что изобразить их было в силах чеканщиков, становится ясно, стоит перевернуть златник Владимира, на реверсе которого изображен Христос с длинными волосами и бородой). Волосы не выбиваются из-под короны или шапки. Бороды также нет, видно лишь длинные усы, обрамляющие голый круглый подбородок.

Впечатляет внешность Ярослава Владимировича. На печати мы видим облик, сильно отличающийся от реконструкции Герасимова, — перед нами типичный европейский рыцарь X—XI вв., в коническом шлеме с наносьем, из-под которого торчат в стороны длинные усы. Бороды нет, волосы не видны из-под шлема.

На киевском барельефе мы видим прическу византийского образца — расчесанные на пробор волосы с локонами на уровне ушей. Принадлежит ли эта прическа реальному князю или иконописному канону св. Дмитрия, совершенно неясно. Одно можно смело признать портретной чертой Изяслава — выбритый подбородок и загнутые книзу усы. Византийцы той эпохи бород не брили!

Наконец, в Изборнике Святослава видим: волосы ни у князя, ни у его пяти сыновей не видны из-под шапок, открывающих уши. Лица княжичей голые. Подбородок князя покрыт щетиной (но не бородой!). Под носом — небольшие, густые, загибающиеся книзу усы.

К изображениям стоит добавить описание. В «Сказании о Борисе и Глебе», составленном, как предполагают, в XI веке, можно прочесть описание старшего из братьев-мучеников: «Телом был красив, высок, лицом

кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр, весел лицом, возрастом мал и ус молодой еще был» (17). В этом описании, вероятнее всего, восходящем к воспоминаниям очевидца, описаны усы князя, но ни слова про бороду, ни про волосы, в отличие от позднейших икон, написанных уже под влиянием византийских мод и иконописных канонов.

Итак, по обозрению имеющегося у нас материала можно уверенно сказать: облик князя Святослава Игоревича отнюдь не был его личной причудой. Русы IX—XI вв. брили бороды, а до XI в. — и головы. Впоследствии, возможно, волосы коротко подстригали.

Поскольку норманнисты утверждали и утверждают, что русы — это скандинавы, следующим этапом нашего исследования должно стать изучение скандинавских обычаев в области прически, а также того, что скандинавская традиция говорит о бритье головы и бороды.

Глава 3

Обычаи скандинавов

Вот что пишет справедливо признаваемый ведущим «антинорманнистом» XIX в. С. Геденов в своем капитальном труде «Варяги и Русь»:

«Длинные волосы были (у германцев и скандинавов. — Л.П.) отличительным знаком свободного мужа, бритая голова — клеймом раба. Германские язычники клялись волосами и бородою (Водановой). Скандинавский Один прозывался длиннородым, Тор — краснородым. Обритие бороды почиталось у германцев высшим бесчестьем» (18).

Но Гедеонов — «антинорманнист». Быть может, он заблуждается или намеренно искажает факты?

Как уже отмечалось, люди традиционных культур внешностью старались подражать своим богам. Те же «эллины» времен Юстиниана отпускали бороды не ради того, чтобы отличаться от христиан (что было и небезопасно), — они подражали Зевсу-Юпитеру, Серапису и т. п.

Один действительно среди своих прозвищ и имен носил и имя Харбард — «Длинная (или Седая) борода». Этим именем, среди прочих, он называет себя в эддической «Песни о Гримнире», под ним выступает в особой одноименной песне Старшей Эдды (19). Гутторм Синдри в драме в честь Хакона Доброго называет щит «кровом Харбарда» (20). Имеются изображения Одина с длинными волосами и бородой (21).

Сохранились также и изображения Тора с бородой (22). В саге об Эйрике Рыжем Торхалль Охотник говорит так:

— Ну что, разве Рыжебородый не оказался сильнее вашего Христа? — имея в виду именно Тора (23).

Третий по могуществу из скандинавских богов, Фрейр, мало отразился в эддической поэзии, и в его прозвищах отсутствуют упоминания о бороде, но идолы этого бога снабжены длинной острой бородкой (24).

Верующие не отстали от своих богов. Случаев, когда упоминается борода, в сагах просто не перечесать. Чего стоят одни прозвища: Бьерн Синезубобородый, Бродди Бородач, Бьяльви Бородач, Гнуп Борода, Грим Мохнатые Щеки, Сигтрюгг Шелковая Борода, Торвальд Кучерявая Борода, Торвальд Синяя Борода, Торгейр Борода По Пояс, Торд Борода, Торольв Борода (25), Николас Борода, Свейн Вилобородый, Торир Борода,

Торир Деревянная Борода, Торольв Вшивая Борода, Харальд Золотая Борода, Харальд Рыжебородый (26).

Часты также прозвища, отмечающие цвет волос (Рыжий, Белый, Черный, Золотой), их красоту (Прекрасноволосый) или печальные последствия плохого ухода за ними (Харальд Косматый, Кальв Перхоть). У идеального героя скандинавского эпоса, Сигурда-Зигфрида, «волосы... были темно-русые и красивые на вид и ниспадали длинными волнами. Борода — густая, короткая, того же цвета» (27). Один из йомсвикингов, приговоренный к казни, просит кого-нибудь поддержать его волосы, чтоб их не коснулся топор и не обрызгала кровь (28). И окружающие воспринимают это как должное! Русская поговорка «Снявши голову, по волосам не плачут» вряд ли была бы понята тут. Зато комплекс поговорок, отмеченных Далем в его собрании пометкой (раск.) — раскольничьи: «Режь наши головы, не трожь наши бороды», «Без бороды и в рай не пустят», «Образ Божий в бороде, а подобие в усах» (29), — норманны, судя по всему, поняли бы прекрасно, разве что под Богом разумея не православного Спаса, а Одина.

Следует специально подчеркнуть, что приведенные поговорки — раскольничьи, старообрядческие, то есть, во-первых, сравнительно поздние, во-вторых, не отражающие мнения и обычаев всей массы восточного славянства, в-третьих, опять-таки обусловленные религией, причем религией чужой, привнесенной.

Как относились скандинавы к людям без волос и бороды? Песнь об Аудуне с Западных Фиордов, описывая заглавного героя, возвращающегося из паломничества в Рим, перечисляет признаки его бедственного положения: «Напала на него ужасная хворь. Отощал он страшно. Вышли все деньги... Стал он побираться и

просить на пропитание». Хуже для гордого норманна уже, кажется, не выдумаешь, но сказитель завершает описание штрихом, долженствующим подчеркнуть всю бездну падения Аудуна: «Голова у него *бритая* и вид довольно жалкий» (30). Примечательно, что Аудун в таком виде «не смеет показаться на глаза конунгу». Время действия — XI век.

В саге о сожжении Ньяля и его сыновей с глубоким сожалением, как о прискорбном физическом недостатке достойного и почтенного человека, заглавного героя, отмечается: «но у него не было бороды» (31). Ненавидящая Ньяля Халльгерд — только она и никто другой — называет его безбородым: «Вы с Ньялем друг другу подходите — у тебя все ногти вросли, а он — безбородый», «Кто же нам отомстит? Не безбородый ли?», «Почему он не навозит навозу на свой подбородок, чтобы быть КАК ВСЕ МУЖЧИНЫ (выделено мною. — Л.П.)?», «Мы зовем его безбородым, а его сыновей — навознобородыми» (32). На эти оскорбления сыновья Ньяля отвечают убийством родича Халльгерд. Действие саги происходит во второй половине X в.

Итак, бритая голова была признаком полного падения и обнищания, унижительным и постыдным, «безбородый» — смертельным оскорблением наряду с «навознобородый» — для скандинавов X—XI вв.

Сразу следует заметить, что сведений об обычаях в области прически у шведов, с которыми обычно отождествляют русов норманнисты, у нас далеко не так много. Разве что изображения на вывезенных из Сигтуны Корсунских вратах новгородского Софийского собора, где мы видим либо бородачей с прикрывающими уши волосами, либо гололицых юношей с волосами, убранными в косы, либо, наконец, чисто выбритых клириков ка-

толической церкви (33). Также в одной из шведских баллад герой побеждает противника, схватив его за бороду (34).

Кроме того, в Швеции почитали Одина, Тора и Фрейра как верховных богов (35), а следовательно, и подражали их облику. Во-вторых, культ волос был не только общескандинавским, но даже и общегерманским. Еще у Светония Калигула, рядя галлов — рабов в германцев для инсценировки триумфа над последними, приказывает им **ОТПУСТИТЬ ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ** (36), при том что стандартным эпитетом Галлии в римской литературе было *comata* — косматая (37). Вандалами правил королевский род Хаздингов — буквально «Женсковолосых», «Длинноволосых» (38). У франков в VI в. длинные волосы — признак королевского достоинства, их остригают в знак унижения и отречения от престола (Григорий Турский) (39). В средневековой «Песни о Роланде» постоянно упоминается выпущенная поверх доспехов борода и седые кудри императора Карла, его «полк бородачей», в «Нимской телеге» вассал Карла, Гильом, убивает схватившего его за бороду мавра (40). Павел Диякон упоминает длинные бороды лангобардов, от которых, собственно, и происходит название племени (41). Сохранилась статуя шваба языческих времен с длинной бородой и девятью косами (42). В «Песни о Нибелунгах» Зигфрид побеждает противника, схватив за бороду (43). В германской средневековой «Песни о Гудруне» говорится: «Престарелые витязи Вате и Фруте являлись ко двору с длинными седыми локонами, перевитыми золотом, и все находили, что они поистине смотрелись заслуженными доблестными рыцарями (!)». Тот же Вате далее появляется «с длинной окладистой бородой». Отец заглавного героя «Сказания

о Вольфдитрихе», король Гугдитрих, обладал «длинными выющимися белокуроыми волосами, падавшими ему на плечи и доходившими до пояса». Воспитателю Вольфдитриха, герцогу Берхтунгу, враги сулят «по волоску выдрать всю бороду» (44) и т. д. Примечательно, что один из величайших представителей германского племени вошел в мировую историю под прозвищем Барбароссы. Вряд ли возможно, чтобы обычаи шведов были бы исключением из общегерманского правила — во всяком случае, никаких указаний на это не сохранилось.

Итак, в скандинавской и шире — в скандо-германской традиции длинные ухоженные волосы и внушительная борода составляли необходимую принадлежность свободного и, особенно, знатного человека. Не только обритие бороды, но даже прикосновение к ней было смертельным оскорблением. Бритая голова была знаком крайнего убожества и позора, слово «безбородый» — поводом для кровной мести.

Очевидно, что обычаи русов не только не совпадали со скандинавскими — непосредственно вытекавшими из этнического культа, — но и прямо противоречили им.

Глава 4

Обычаи тюрок

Обычно, комментируя внешность Святослава, исследователи предполагают «связь с обычаями степняков» (Сюзюмов, Иванов), «тюркскую прическу» (Петрухин), «облик не южнорусский, но печенежский» (Членов) (45).

Если бы это было так, то выглядело бы весьма странно. Мы установили, что облик Святослава был не

исключением, а правилом среди русов, и говорить надо не о единичном случае подражания чужому обычаю, а о всенародном перенимании его. Контакты же тюрков и скандинавов (которыми норманнисты считают русов) не были ни долгими, ни плотными в середине X в. Никаких условий для перенимания у совершенно чуждого народа обычая, к тому же позорного с точки зрения скандинавов, мы не видим.

Однако каким же был внешний облик восточноевропейских тюрков первого тысячелетия новой эры? Какую, конкретнее, прическу они носили? Это, как правило, коса — одна (на половецких идолах (46), на ободке хазарского жертвенного ковша (47), в византийских описаниях авар (48)) или несколько (лука хазарского седла (49)). Сам Петрухин пишет: «Косы — этнический признак средневековых тюрков. Особая же прическа — распущенные волосы — призвана подчеркнуть исключительность статуса правителя» (50). О какой «тюркской прическе» Святослава может, в свете этого, идти речь? Что до лиц половецких и хазарских идолов — они или полностью безволосы, или снабжены, наряду с усами, и бородкой.

Но, может быть, это действительно специфически печенежский облик? О прическе печенегов — буде она действительно отличалась от общетюркской — у нас нет никаких данных, но как выглядело лицо печенег, известно: Абу-Дулеф в X в. говорит о длинных бородах и усах печенегов (51). Эпос родственных печенегам огузов «Китаби дадам Коркут», заглавный герой которого почти тезка Куркутэ-Кури, убийцы Святослава, часто упоминает длинные бороды героев: «Тебе не понравится седина моей бородищи? Души многих белобородых и чер-

нобородых джигитов я забирал!», «Твой белобородый отец», «За бороду Бейрека схватился» (52) и т. д.

Единственный источник, из которого можно было бы сделать вывод о подобии облика Святослава и тюрок, — это цитата из Прокопия Кесарийского о внешности приверженцев одной из «цирковых партий» Константинополя. Эта внешность определялась как «подражание массагетам или гуннам» и заключалась в ношении особой одежды и прически: оголенные щеки и подбородок, подстриженная кругом голова с пучком волос на затылке (53).

Кажется, почти полное соответствие внешности Святослава налицо. Однако существуют два важных «но»: во-первых, слишком большой временной разрыв между этим свидетельством и «Историей» Льва Диякона, практически такой же отделяет Святослава от первых запорожцев, прямую преемственность с которыми исследователи обычно отрицают. Во-вторых, неясно, какой именно народ следует здесь понимать под «массагетами или гуннами»? Интересно, что у самого Прокопия это парное упоминание встречается еще раз в описании славян и антов: эти народы ведут «массагетский образ жизни» и имеют «гуннские нравы» (54). Обычно эти слова считаются книжной, ничего не значащей риторикой. Однако в свете вышеприведенных данных можно предположить, что это — указание на конкретные черты облика славян. Примечательно, что подражавшая «гуннам и массагетам» партия именовалась венетами, что полностью созвучно названию славян «венеты» (55). Возможно, созвучие и стало причиной столь необычного выбора примера для подражания.

В целом, рассмотрев обычаи средневековых тюрок, смело можно заключить: прическа Святослава и русов

IX—XI вв. вообще не могла быть тюркским заимствованием хотя бы потому, что тюрки такой прически не носили! Зато есть указания на то, что подобный облик могли иметь славяне VI в. Посмотрим, насколько распространено было у славян в целом бритье бород и голов.

Глава 5

Обычаи славян

У русского читателя в массе сложился образ древнего славянина с волосами едва ли не до плеч, перехваченными выше бровей тесемкой, с бородой лопатой и т. д. В ряде исторических романов — Б. Васильев «Вещий Олег», Ю. Никитин «Ингвар и Ольга» — бородатые славяне противопоставлены безбородым бритоголовым русам. Те же стереотипы подвигли Герасимова на придание реконструированному облику Ярослава Мудрого бородки «а-ля Иван Грозный». Как мы помним, это оказалось ошибкой. Здесь видно, как стереотипы внаучного происхождения влияют на вполне солидных ученых.

И снова начнем с облика богов. Славянская языческая иконография (или правильнее будет сказать — идолография?) практически не знает длиннородых богов и совсем не знает длинноволосых. Чрезвычайно распространены идолы с усами, но без бород. Собственно русы IX—X вв. поклонялись не Седобородому Одину или Рыжебородому Тору, а Перуну, у которого «ус злат» (56) На миниатюрах Радзивилловской летописи усов не видно, как, впрочем, и бороды. Зато отчетливо виден чуб-оселедец, совсем по-запорожски спускающий-

ся к левому уху (57). Любопытную аналогию летописному Перуну составляет снабженный серебряными усами Черноглав с Рюгена (58). Основной кумир этого острова, Святовит, имел «волосы и бороду, острижены кратко» (в других переводах — «обриты» (59) в соответствии «с обыкновением руян» (60).

Фигурки антских времен из знаменитого Мартыновского клада изображают мужчин с коротко остриженными волосами, усатых и безбородых (61). Что до Руси, то «представление о том, что все мужчины в допетровское время носили бороды, кажется преувеличенным. До XVI в. ношение бороды... не было обязательным даже для духовенства. На древних книжных иллюстрациях часты изображения безбородых мужчин (в частности, новгородский бирич — лицо должностное — также без бороды)» (62). На барельефах белокаменного георгиевского собора в Юрьеве-Польском изображены княжеские дружинники с подстриженными или обритыми волосами и безбородые (63).

В русских былинах есть любопытный эпизод, как бы зеркальное отражение истории Аудуна из Западных Фиордов. Добрыня Никитич после долгих скитаний возвращается в материнский дом, где его уже считают мертвым. Когда он называет себя, то слышит в ответ:

У молодого Добрыни Никитича были кудри желтые:

В три-ряд вились вокруг верховища (макушки? — Л.П.)

А у тебя, голь кабацкая, до плеч висят! (64)

То есть именно длинные волосы были у русов признаком маргинала, бродяги. Воинская знать носила волосы, остриженные «под горшок» («в три ряда» вокруг макушки). Запустившего себя, позволившего волосам

отрасти Добрыню в буквальном смысле родная мать не узнала!

Не известно ни одного русского эпического или исторического персонажа, в прозвище которого отразились бы борода и ее свойства (ср. прозвища викингов), зато: Василий Ус, Усыня-богатырь из сказок, Белоус, Сивоус (65) и т. д. Собственно к русам относится имя-прозвище Синеус (66), не выводимое из скандинавского именослова, а нелепая попытка «перевести» его как «Син хауз» (свой дом) встретила отпор со стороны самих норманнистов (67). Зато если просто, не мудрствуя, прочесть его как славянское прозвище, получится достойный «ответ» Торвальду Синей Бороде исландских саг.

Еще Гедеонов, не ссылаясь на Адемара Шабаннского, утверждал, что ношение бороды и длинных волос приобрело сколь-нибудь массовый характер у восточных славян лишь после крещения (68), да и то, как мы видели, далеко не сразу. Московские бояре брили головы (69), а иногда и бороды, что можно заметить на западных гравюрах, изображавших московских послов. Стоглавый собор, запрещая бритье бород и голов, как признак «ереси», тем самым свидетельствует о распространности этого обычая (70). Но и после этого многие русские брили бороды, как, например, Борис Годунов — современные изображения снова рисуют нам далекий от хрестоматийного шаляпинского бородача образ. Особый интерес представляет грамота царя Алексея Михайловича, где бритье бороды ставится в один ряд с такими действиями, как кликанье Коляды, Усеня и Плуга, распевание «бесовских» песен, скоморошество, печение обрядовых хлебцев в виде птиц и зверей, и т. п. пережитками языческого прошлого (71).

Иловайский со ссылкой на перечень болгарских кня-

зей и Лиутпранда отмечает обычай брить головы у болгар (72). Тюркским влиянием это, как мы видели, объясняться не может. На миниатюре Ватиканского менология изображен болгарин с обритыми бородой и головой (73).

Брила головы и бороды польская шляхта. Польско-украинское «кацап» — «как козел» — отразило отрицательное отношение этой части славянства к бородам поздних москвитов и постпетровских великороссов. У Саксона Грамматика именно по обритой голове опознают славянина в некоем Свено (74). Моравы брили головы и бороды (75). Козьма Пражский, описывая знатного чеха времен Болеслава Грозного, отмечает двойной чуб на его бритой голове (76). «Великая хроника», описывая последнего представителя родовой знати на польском престоле — Котышко, — смененного выходцами из престолярства, Пястами, говорит, что вся его голова была голой, за исключением одного клочка волос на макушке — полная аналогия со Святославом (77). Схожая прическа у князя Вацлава на миниатюрах Вольфенбюттельской рукописи (78). Западные авторы отмечают, что «верховный жрец руян носил длинные волосы и бороду *вопреки народному обыкновению* (79). В летописных статьях IX—XI вв. борода упомянута лишь единожды и тоже в приложении к волхвам: «потергаше браде ю» (80). Не были ли бородатые русы арабских источников жрецами? Титмар Мезербургский приписывает ношение чубов воинственному племени лютичей (81).

Любопытно, что если скандинавы рассматривали как позорную черту обритые бороды и волосы, то славяне, в свой черед, рассматривали как позорный, «бабий», обычай скандинавов носить длинные волосы и заплетать их

в косы. Предание, сообщаемое польским хронистом Кадлубеком, говорит, что, по мнению поляков, скандинавов принудили носить «женские» прически покоровившие их славяне, в знак подчинения и позора (81).

Родственные славянам балты тоже не были склонны отпускать волосы и бороды. В литовских легендах рыцари-крестоносцы скандо-германского происхождения носят устойчивый эпитет «бородачи», «бородатые злодеи» (82), что подразумевает безбородость подчеркивавших эту черту сказителей и их слушателей. На средневековых изображениях пруссов видим обритые бороды, длинные усы и коротко остриженные волосы (иногда угадываются чубы) (83). В иконографической традиции Литвы изображение Ягелло (Ягайло) очень походит на князя Святослава. Таков же был и общий облик литовской шляхты того времени (84).

Итак, мы видим, что полярно противоположный скандинавским обычаям и не имеющий аналогий в тюркских облик Святослава вполне укладывался в балто-славянские традиции.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, можно сказать: прическа являлась немалым этноопределяющим признаком в традиционном обществе, в особенности в языческую эпоху, т. к. была одним из видов *imitatio dei* — подражания этническим богам-покровителям и обеспечивала мистическое единство с ними и благополучие народа и страны. Прическа Святослава отнюдь не была причудой князя или подражанием какой-то внешней моде. Это — за исключением, быть может, чуба — был наиболее распространенный внешний облик руса IX—X вв., во многом сохранившийся до конца XI в. Этот облик находился в вопиющем противоречии со скандинавскими обычаями: если у русов обритые голова и подбородок были «признаком знатности рода», то у скандинавов — клеймом позора и предельного унижения. Этот облик не был схож с обликом тюрок, носивших в массе своей косы. Этот облик полностью укладывается в традиции балтославян.

Можно, конечно, привести примеры причесок подобного рода у неславянских народов. Можно привести примеры, когда славяне (глубокие старики, языческие жрецы или, напротив, христиане) выглядели по-иному. Но все это ничуть не поколеблет основного вывода этого исследования — а именно, что славяне выглядели так более чем часто, и, что еще более важно, ни тюрки, ни, в особенности, знатные скандинавы, НИКОГДА И

НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ так не выглядели.

Отчего же норманисты, в том числе такой блестящий знаток тюркских обычаев, как Петрухин, вопреки всякой очевидности твердят о «тюркской прическе Святослава? Надо полагать, что в противном случае им придется признать — и как-то объяснить — совершенно невероятный факт: «скандинавские» русы в течение неполного столетия, в третьем поколении династии позаимствовали обычай не просто чуждый, но и прямо позорный в глазах их скандинавских «предков», и заимствовали даже не у соседей — пусть и дикарей печенегов, — а у покоренных данников, славян, и стали, в довершение всего, считать этот обычай «признаком знатности рода».

Излишне говорить, что подобных примеров история попросту не знает. Пришельцы-завоеватели либо прилагали все усилия, дабы не смешаться с покоренными (пример забавной крайности — легендарный индийский царь Сагара, завоевав РОДСТВЕННЫЕ племена, принудительно заставил их изменить обычаи, в том числе, кстати, «заставил их... либо обрить себе головы, либо отпустить бороды, чтобы они отличались от его исконных подданных» (85), либо навязывали им свои обычаи, вплоть до полной ассимиляции (хрестоматийный пример — германцы на востоке от Эльбы).

Какой же вывод можно сделать из вышесказанного? Разумеется, данные «прически» — не единственное, позволяющее отвергнуть версию о скандинавском происхождении русов и убедиться в балтославянских корнях последних. За это описания татуировок русов, их одежды, вооружения и боевого искусства, имена и изображения их божеств и устройство святилищ, обстоятельства принятия ими христианства, их письменность и име-

на — все, что можно объединить в понятие этнического портрета. Но именно «прическа» ярче и очевиднее чего бы то ни было доказывает: на Дунай пришел во главе своих славянских дружин князь Святослав, а не вымышленный норманнистами «конунг Свендислейф» (86).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. Смоленск, Русич; М., Гнозис, 1995.
2. Лев Диакон. История. М., Наука, 1988, с. 82.
3. Иловайский Д. И. История России. Начало Руси. М., «Чарли», 1996, с. 344.
4. Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., Алетейя, 1999, с. 145.
5. Ковалев С. И. История Рима. Л., Изд-во ЛГУ, 1986, с. 685.
6. См., напр., Мифы народов мира. М., Советская энциклопедия, 1991, Т.1, илл. на с. 503. Семенов Ф. Ф., Кириллова А. А. Альбом по истории средних веков. М., ГУП ИМП РСФСР, 1960, с. 17 и т. д.
7. Элиаде М. Священное и мирское. М., Изд-во МГУ, 1994, с. 66, 70.
8. Памятники литературы Древней Руси XI — начала XII века. М., Художественная литература, 1978, с. 48—49.
9. Иловайский Д. И. Указ. соч. с. 366.
10. Гедеонов С. А. Варяги и Русь. СПб., 1876, с. 365.
11. Иловайский Д. И. Указ. соч., с. 174.
12. Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., Молодая гвардия, 1997, с. 173.
13. Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. (Сводный каталог русских монет X—XI вв., Л., Искусство, 1983, с. 61. Авторы прямо проводят параллель между изображениями на монетах и описанием Святослава у Льва Диакона.)
14. Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., Интрада, 1998, с. 19, илл. на с. 259.

15. История искусств народов СССР. М., Изобразительное искусство, 1973, с. 391.
16. Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., Наука, 1988, цв. вкл., л. 1.
17. Памятники... с. 303.
18. Гедеонов С. А. Указ. соч., с. 365.
19. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., Художественная литература, 1975, с. 21, 219—223.
20. Снорри Стурлусон. Круг земной. М., Ладомир, 1995, с. 70.
21. *Piecarcyk St. Mitologia germanska.* Warszawa, 1979, с. 105.
22. Мифы народов мира. Т. 2, илл. на с. 519.
23. Исландские саги. Ирландский эпос. М., Художественная литература, 1973, с. 120.
24. Мифы народов мира. Т. 2, илл. на с. 572.
25. Исландские саги... с. 840—854.
26. Снорри Стурлусон. Указ. соч., с. 671—681.
27. Сага о Волсунгах // Корни Иггдрасиля. М., ТЕРРА, 1997, с. 217.
28. Снорри Стурлусон. Указ. соч., с. 124.
29. Пословицы русского народа. М., Русская книга, 1993, т. 1, с. 76.
30. Исландские саги... с. 83.
31. Там же, с. 192. (Безбородость Ньяля, судя по его кельтскому имени, связана с другой этнической традицией, но здесь мы не будем вдаваться в эту достаточно интересную тему.)
32. Там же, с. 213, 224, 227, 228.
33. Там же, с. 228.
34. Стиг-знаменосец: шведские и датские народные баллады. Л., Детская литература, с. 13—14.
35. Адам Бременский. История гамбургской церкви // Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., Ладомир, 1996, с. 210.
36. Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., Евразия, 2000, с. 83.
37. Корнелий Тацит. Сочинения. М., Ладомир, 1993, т. 1, с. 189.
38. Селицкий А. И. «Воданические короли»: религиозный аспект формирования королевской власти у древних германцев

// Скандинавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб, Наука, 2002, с. 29.

39. Григорий Турский. История франков // История Средних веков. М., Просвещение, 1969, с. 30—31.

40. Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М., Художественная литература, 1976, с. 83, 119, 124, 125, 251, 252 и др.

41. Мифы народов мира. Т. 2, с. 241.

42. Найджел Пеннинк, Пруденс Джонс. История языческой Европы. СПб., Евразия, 2000, с. 232, илл. на стр. 234.

43. Беовульф... с. 415.

44. Наследники Вюльфингов. М., Аргус, 1994, с. 135, 220, 231, 244.

45. Сюзюмов Н. Я.. Иванов С. А. Комментарии // Лев Диакон, Указ. соч., с. 214. Петрухин В. Я. Указ. соч., с. 110, 193. Членов А. М. По следам Добрыни. М., Наука, 1971, с. 120.

46. Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., Наука, 1981, с. 264—265.

47. Петрухин В. Я. Указ. соч., с. 187.

48. Иловайский Д. И. Указ. соч., с. 173. Мерперт Н. Я. Авары в Восточной Европе // Очерки истории СССР. М., Издательство АН СССР, 1958, т. 2, с. 571.

49. Плетнева С. А. Хазары. М., Наука, 1986, с. 25.

50. Петрухин В. Я. Указ. соч., с. 187.

51. Плетнева С. А. Печенеги // Очерки истории СССР, т. 2, с. 726.

52. Книга отца нашего Коркута. Баку, Язычеч, 1989, с. 114, 118, 213 и др.

53. Иловайский Д. И. Указ. соч., с. 173. (Видимо, Иловайский пользовался другими переводами. В позднейших изданиях эта прическа выглядит совершенно по-иному: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история.) М., Наука, 1993, с. 338.

54. Прокопий Кесарийский о славянах // Материалы по истории СССР. Вып. 1, М., Высшая школа, 1985, с. 226.

55. Седов В. В. Славяне в древности М., Фонд археологии, 1994, с. 5.

56. Памятники литературы Древней Руси. с. 94—95.

57. Радзивилловская летопись. СПб., Глагол; М., Искусство, 1992, Т. 1, с. 16, 26, 45.

58. Фаминцын А. С. Божества древних славян. СПб, Алетейя, 1995, с. 29.
59. Цит. по Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. М., Прогресс, 1986, с. 358.
60. Фаминцын А. С. Указ. соч., с. 27.
61. Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. М., Фонд археологии, 1995, с. 77.
62. Рабинович М. Г. Указ. соч., с. 202.
63. Древняя Русь. Быт и культура. М., Наука, 1997, с. 197, Таб. 113 на с. 359, илл. 25—57.
64. Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. Воронеж, Центрально-Черноземное изд-во, 1987, с. 124. (А. В. Журавлев, зам. директора Центра дистанционного обучения по ИТ Национальная академия государственного управления при Президенте Украины (НАГУ), указывает на упоминания в украинских преданиях о трижды обернутой вокруг головы «чуприне» лучших запорожских бойцов — «характерников» (личное сообщение).
65. Гедеонов С. А. Указ соч., с. 363.
66. Памятники литературы Древней Руси с. 36—37.
67. Петрухин В. Я. Комментарии // Ловмянский Х. Русь и норманны. М., Прогресс, 1985, с. 275
68. Гедеонов С. А. Указ. соч., с. 363.
69. Валишевский К. Иван Грозный. М., ИКПА, 1989, с. 110.
70. Стоглав. СПб., Изд. Котанчинова, 1863, с. 124.
71. Грамата царя Алексея Михайловича // Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., Художественная литература, 1990, с. 388—390.
72. Иловайский Д. И. Указ. соч. с. 173.
73. Нидерле Л. Славянские древности. М., Алетейя, 2000, илл. на с. 254. (Известен у болгар и обычай отпускать клочок волос наподобие оселедца на бритой голове — «чембас» (Вълчев И. Т. Две изречения на Исус Христос. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1998. с. 65) Благодарю Антона Р. Рачева за это сообщение.)
74. Гедеонов С. А. Указ. соч. с. 363.
75. Нидерле Л. Указ. соч. с. 259. (Автор отчего-то считает такую прическу неславянской, заимствованной. Данные источников показывают, как видим, обратное.)
76. Гедеонов С. А. Указ. соч. с. 361.

77. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., Изд-во МГУ, 1987, с. 62. (Комментатор (с. 208) особенно отмечает сходство с прической Святослава.)
78. *Нидерле Л.* Указ. соч. Илл. на с. 190, 247.
79. *Фаминцын А. С.* Указ. соч., с. 52.
80. Памятники литературы Древней Руси, с. 190—191.
81. *Гильфердинг А.* История балтийских славян. М., ВНИИОНЭГ, 1994, с. 78.
82. Дайны. Народные литовские песни. М., Гослитиздат, 1944, с. 28.
83. Мифы народов мира. Т. 1. Илл. на с. 156. Петрухин В. Я. Славяне. М., РОСМЭН, 1997. Илл. на с. 91.
84. Личные наблюдения автора в Каунасском историческом музее в июне 1985 г.
85. *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Мифы Древней Индии. М., РИК Русанова, Астрель, АСТ. 2000 с. 283—284.
86. *Скрынников Р. Г.* Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // Вопросы истории, 1997, № 8, с. 9.

РАСА И ЭТНОС В БЫЛИНАХ

Л. Р. ПРОЗОРОВ

В вопросах этнического самосознания, очевидно, первостепенную роль играют принципы, по которым народ определяет «своих» и «чужих». Нельзя не заметить, что в самосознании современных русских фактор расы, «крови» играет ничтожно малую роль. В отличие от немцев, у которых «Blud und Boden» составляли и составляют неразделимое единство, в русском общественном сознании последних веков вопрос скорее ставился «Blud oder Boden», с явным предпочтением второго. Это характерно как для массового сознания, так и для так называемого «национально мыслящей интеллигенции» (А. Г. Кузьмин, В. В. Кожин) и даже для некоторых идеологов праворадикальных организаций (А. П. Баркашов, РНЕ; Э. В. Лимонов, НБП).

Отношение всех вышеперечисленных к теме этноса и расы можно вкратце сформулировать так: «Русская идея НИКОГДА не основывалась на крови; русский — это тот, кто любит Россию, воспринял русскую культуру. Православие и пр., раса и происхождение роли не играют; русские — изначально смешанный народ; белый Запад — однозначно ВРАГ, урало-алтайские «коренные народы России» чаемые союзники, «братья». Симптоматично, что синонимом слова «националист» в России является «почвенник», а не «расист». Наоборот, «расизм» для большинства русских — часть образа вра-

га, причем наиболее отвратительная. Расизм прибалтов, кавказцев и т. д. возмущает сегодняшнего русского не столько антирусской направленностью, сколько сам по себе, как нечто по определению «плохое». В современных антисемитских изданиях евреям инкриминируют именно расизм, едва ли не в первую очередь.

Такой подход далеко не нов. Еще в XIX веке его выразителями стали первые представители национального начала в русской общественной мысли — славянофилы (А. С. Хомяков «Семирамида»). Их сочинения, при явной антигерманской направленности, воспевали способность России уживаться и родниться с народами тайги, степи, тундры, жителями Кавказа.

Так же как и современные представители «национально мыслящей» интеллигенции, славянофилы рассматривали полное отсутствие расового самосознания (т. е. неспособность рассматривать расово близкие народы как «свои», а расово чуждые как «чужаков») как некую извечную, изначальную черту русского и, шире, славянского характера.

Насколько верным является это утверждение?

Для разрешения этого вопроса плодотворным представляется обращение к русскому эпосу — былинам и балладам. Сам факт сохранения их в устной передаче как минимум с домонгольского периода доказывает их авторитетность в качестве выразителей русского самосознания. Не будем задерживаться на вопросе возникновения былин, их исторического или мифологического происхождения — это для нас принципиального значения не имеет. Нам важно отражение в былинах этническо-расового вопроса.

Определим, условно, три группы описанных в эпосе иноземцев. Это белая индоевропейская Европа (земля Ляховецкая, земля Поморянская. Леденец-город за мо-

рем Вирянским [Варяжским], земля Тальянская и т. д.), степной Восток (Золотая Орда, Турец-земля, царство Задонское, царство Татарское и т. д.) и, наконец, лесные угрофинские племена (ливики, карелы, чудь).

Очевидно, что максимальная степень межэтнической вражды, ее наиболее яркое проявление — война. Напротив, наиболее яркое проявление взаимной симпатии между этносами — браки и вообще интимные контакты их представителей. Рассмотрим последовательно отношение русского эпоса к представителям Востока, финно-угорских племен и Запада — сквозь призму войны и любви.

Война с Востоком — основное содержание былинного эпоса, бессмысленно даже перечислять посвященные ей сюжеты. Можно только отметить — это бескомпромиссная война, где никакой мир с врагом невозможен, наилучший исход: «не оставил татар (условный этнический термин, обозначающий степняка вообще) и на семена». Близко к этому отношение к византийцам («Глеб Володьевич и Маринка Кайдаловна») и хазарским иудеям, воплощенным в образах богатыря Жидовина и царища Кошерища.

Эпос, как ни странно, помнит и войны с финноуграми, хотя их историческая роль в сравнении с противостоянием Степи кажется очень малой. Это войны с карелами-ливики («Князь Роман и братья-ливики») и «чудью белоглазой» («Добрыня чудь покорил», баллады «На литовском рубеже»). Обращает на себя внимание крайняя бескомпромиссность и жестокость описанных в былинах и балладах конфликтов. Вражеская сторона описана едва ли не более неприязненно, чем в былинах, посвященных войнам со степью. Постоянные эпитеты Корелы в русском эпосе — «Корела проклятая, корела

неверная» — также указывают на сильную степень отчуждения.

Совершенно обратная картина с Западом: все многовековые войны с поляками, литвой, Орденом, варягами, шведами былинный эпос попросту игнорирует. Северорусские сказители былин, очевидно, рассматривали древние набеги степняков на киевские рубежи и укрощение лесных дикарей как нечто более важное, чем более близкие во времени и пространстве конфликты с западными соседями. Словно коллективный Русский Бисмарк, былина провозглашает: «На Западе врага нет!»

В «брачной» тематике, напротив, Западу уделяется гораздо больше внимания. Князь Владимир берет себе жену из земли Ляховицкой или Поморянской. В Поморянской земле находит себе жену и богатырь Святогор. В Ляховицкой земле — невеста богатыря Дуная. Из-за Варяжского моря прибывает к княжеской племяннице Забаве жених — Соловей Будимирович. Илья Муромец живет с некоей вдовой в «Тальянской земле». К той же Забаве прибывает из Ляховицкой земли «жених Василий Микулович», оказывающийся Василисой Микуличной, выручающей заточенного Владимиром мужа. Все это воспринимается былиной как вполне нормальные явления.

Не то в отношении Востока. Женщина с Востока — коварная ведьма, сватающаяся к русскому богатырю с единственной целью погубить его. Богатырь разоблачает и казнит ее («Михаила Потык», «Глеб Володьевич и Маринка Кайдаловна»). Жена Владимира, Апраксея, выведенная особой отнюдь не высоконравственной, решительно отвергает «руку и сердце» «татарина» Идолища, во власти которого находится. В другой былине тот же Идолище сватает княжескую племянницу, и та, избавляясь от жениха, прибегает к столь крайней мере,

как отравление, а Алеша Попович уничтожает явившихся с женихом сватов. Все это былина описывает с полнейшим сочувствием, как и жестокую расправу Ивана Годиновича над своей спутавшейся со степным «цариком» невестой. У той поочередно отсекают части тела, ласкавшие и касавшиеся «татарина», — рука, нога, губы, язык. Лишь потом голову. Беспрецедентная по жестокости кара подразумевает беспрецедентность проступка.

К теме брака примыкает тема полона, т. к. почти всегда упоминаются русские ПОЛОНЯНКИ, но не ПОЛОНЯНЕ. Трагизм ситуации: своя, русская женщина — в руках врага и иноплеменника. «Чудесным спасением» называется баллада, в которой героиня, спасаясь от «крымского царя», разбивается о «бел-горюч камень». Ее тело и одежда превращаются в церковь, леса, горы и моря.

Особенный интерес для нашей темы представляет баллада «Гибель полонянки». Убегающая от татар полонянка просит перевозчика перевезти ее через реку «на Русь». Тот требует в качестве награды выйти за него замуж. Девушка гневно отказывается: ее род слишком высок, в одних вариантах «князья и боярины», в других вообще «матушка красно солнышко, а батюшка млад-ясен месяц».

— Так пойду ли я за тебя, за МОРДОВИЧА?

Появляются татары, девушка бросается в воду и тонет.

Попутно заметим, что брак с финноугром «мордовичем» представляется столь же неприемлемым, как и брак с «татаринком».

Самоубийство, как желанная альтернатива татарскому плену, отразилось и в пропитанной фольклорными мотивами «Повести о разорении Рязани».

На этом трагическом фоне выделяется полнейшей невыразительностью единственный «западный» вариант сюжета о полонянке. Некий «пан» обещает своей «панье» привезти пленницу с Руси, и привозит. Никакой трагедии, о войнах с западными соседями не складывается легенд, подобных преданию о Евпраксии Зарайской. Создается впечатление, что ужас татарского полоня не в том, что он — полон, а в том, что ТАТАРСКИЙ.

Итак, подведем итог. В былинах тюрки и финноугры — враги, брак с ними позорен, и, дабы избежать его, оправданны любые средства. Связь с их представителем жестоко карается судьбою или людьми. Европейцы — свои, брак с ними — норма, войн с ними не существует (точнее, они преданы забвению, как семейная ссора). Налицо явное расовое противопоставление, якобы чуждое славянам. Русский эпос — это эпос форпоста Европы, Белого мира против диких орд тайги и степи.

Именно такое представление следует считать исходным, древнейшим, народным вариантом Русской идеи, впоследствии искаженным под влиянием привнесенной идеологии — византийской (X—XVII вв.), либеральной (XVIII — нач. XX вв.) и коммунистической (1917—1991 гг.) (Характерно удивительное сходство в оценке церковной и советской историографией фигур Александра Невского и Дмитрия Донского.)

Последние исследования в области археологии и генной морфологии полностью подтверждают правоту народных сказителей: русские и славяне в культурном и расовом отношении принадлежат Европе и белому миру. И поэтому всякие попытки формулирования Русской идеи без учета этих фактов не могут рассматриваться всерьез.

Автор выносит благодарность:

Роду Всеотцу за то, что мир — есть. Макоши Пряхе — за все удачи и неудачи наши.

Перуну Метателю Молний — за силу и решимость.

Волосу Отцу Могил — за знание, память и слово.

Предкам — за кровь в моих жилах и нашу землю.

Великому князю Святославу Игоревичу — за Русь.

Полководцам Свенельду, Ермолову, Шаманову — за русский Кавказ.

Доброславу — за Коловрат.

Покойному профессору А. Г. Кузьмину — за знание о русах в Бердаа.

Расславу — за идею этой книги.

М. Жигалову — за консультацию.

Восточным летописцам, армянским, персидским, сирийским и арабским, сохранившим для нас память о восточных подвигах языческих русов, память, которой пренебрегли летописцы-монахи.

Список использованных источников и литературы

- Азбелев С. Н.* Предания о древнейших князьях Руси по записям IX—XX вв. // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 1. М., 1997.
- Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994.
- Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат. М., 1965.
- Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб., 1994.
- Былины.* М., 1998.
- Бычков А. А., Низовский А. Ю., Черношвитов П. Ю.* Загадки древней Руси. М., 2000.
- Введение христианства на Руси.* М., 1987.
- «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1987.
- Вернадский Г. В.* Древняя Русь. Тверь — М., 1996.
- Веселовский А. Н.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. // ИОРЯС, т. XI, кн. 3. СПб., 1906.
- Вилинбахов В. Б.* Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // Скандинавский сборник, вып. VII, 1963.
- Вилинбахов В. Б.* Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // «Советское славяноведение», 1980, № 1.
- Галкина Е. С.* Тайны русского каганата. М., 2002.
- Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Репринтное издание. М., 2000.

- Гедеонов С. Варяги и Русь. М., 2004.
- Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М., 1991.
- Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси: тексты, перевод, комментарий. М., 1996.
- Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI—XX вв. М., 1991.
- Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 1998.
- Долгов В. В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI—XIII веков. Ижевск, 1999.
- Древнерусские предания (XI—XVI века). М., 1982.
- Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов. М., 1999
- Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
- Ельски А. Татуировка. Минск, 1997.
- Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен, ч. 1. М., 1908.
- Иловайский Д. И. Начало Руси. М. — С. 1996.
- История боевых искусств. Россия и ее соседи. М., 1997.
- Как была крещена Русь. М., 1989.
- Карамзин Н. М. История государства российского в 12 томах. М., 1989. Т. 1.
- Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
- Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997.
- Кожин В. В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. М., 2001.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Королев А. С. Загадки первых русских князей. М., 2002.
- Костомаров Н. И. Раскол: Исторические монографии и исследования. М., 1994.
- Костомаров Н. И. Русская республика. М. — С. 1994.

- Кузьмин А. Г. Варяги и Русь на Балтийском море // Вопросы истории, 1970, № 10.
- Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов // Вопросы истории, 1974, № 11.
- Кузьмин А. Г. Истоки культовых особенностей западнославянских языческих храмов // Вопросы истории, 1980, № 4.
- Кузьмин А. Г. Падение Перуна. М., 1988.
- Кузьмин А. Г. Руги и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.
- Курбатов Г. Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984.
- Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988.
- Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Лев Диакон. История. М., 1988.
- Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 2001.
- Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.
- Матерь Лада. Божественное родословие славян. Языческий пантеон. М., 2003.
- Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966.
- Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002.
- Младшая Эдда. М., 1994.
- Назаренко А. В. О языке восточноевропейских варягов IX—X вв. (*Rod(s) — ? — Русь — Røe — Ruzzi) // Восточная Европа в древности и Средневековье. X чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 1998.
- Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000.
- Никитин А. Л. По следам апостола Андрея // Наука и религия, 1990, № 9—12.
- Никитин А. Л. Праматерь всех князей русских // Наука и религия, 1991, № 3.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000.

- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Откуда есть пошла Русская земля. Века VI—X. В 2 кн. М., 1986.
- Перес Ж.-Б. Почему Наполеона никогда не было // Наука и религия, 1993, № 1.
- Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. С. — М., 1995.
- Петрухин В. Я. Славяне. М., 1997.
- Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Поиск исторических закономерностей. М., 1982.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Плетнева С. А. Хазары. М., 1986.
- Поэзия скальдов. Л., 1979.
- Прозоров Л. Р. Еще раз о начале Руси // Государство и общество, 1999, № 3—4.
- Прозоров Л. Р. Мятажи волхвов в Верхнем Поволжье: индоевропейские параллели // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.
- Прозоров Л. Р. Этническое и расовое самосознание в русском эпосе // Этнический фактор и политика. История и современность. Ижевск, 2000.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2002.
- Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 2000.
- Радзивилловская летопись (Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследования. Описание миниатюр) в двух томах. СПб., 1994.
- Рапов О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология, 1968, № 3.
- Рапов О. М. Русская церковь в IX—первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988.
- Розанов В. В. Юдаизм // Тайна Израиля. СПб., 1993.

- Русанова И. П., Тимошук Б. А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 2001.
- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 2001.
- Санкина С. Л.* Возвращаясь к норманнской проблеме // Этнографическое обозрение, 1998, № 2.
- Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1991.
- Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994.
- Седов В. В.* Славяне в раннем Средневековье. М., 1995.
- Седов В. В.* Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Серяков М. Л.* «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. М., 2001.
- Серяков М. Л.* Сварог. М., 2004.
- Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 1998.
- Славяне и скандинавы. М., 1986.
- «Слово о полку Игореве». Древнерусский текст и переводы. М., 1981.
- Снорри Стурлусон.* Круг земной. М., 1995.
- Старшая Эдда. СПб., 2000.
- Соловьев С. Н.* Сочинения. Кн. 1. М., 1988.
- Татищев В. Н.* История Российская // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1—6. М., 1994—1996.
- Тимофеев В. П.* А все-таки «Людота коваль»! (Названия днепровских порогов — возвращаясь к старой проблеме) // Сборник русского исторического общества. № 1 (149). М., 1999.
- Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по «варяжскому вопросу». М., 2005.
- Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб., 1996.

- Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997.
- Херрман Й. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Хлевов А. А. Предвестники викингов. СПб, 2002.
- Хомяков А. С. Семирамида // История, 1997, № 3.
- Цветков С. Э. Русская история. Книга первая. М., 2003.
- Цветков С. Э. Русская история. Книга вторая. М., 2004.
- Честертон Г. К. Вечный Человек. М., 1991.
- Членов А. М. По следам Добрыни. М., 1986.
- Чудинов В. А. Загадки славянской письменности. М., 2002.
- Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
- Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М., 2002.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского Средневековья. М., 1956.

Библиография научных работ автора

Прозоров Л. Р. Еще раз о начале Руси: по поводу монографии В. Я. Петрухина «Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков» // Государство и общество, 1999, № 3—4. С. 219—226.

Прозоров Л. Р. Этническое и расовое самосознание в русском эпосе // Тезисы докладов научно-практической конференции «Этнический фактор и политика. История и современность», 3—4 марта 2000 г. Ижевск, Удмуртский университет, 2000. С. 35—39.

Прозоров Л. Р. Об исторической конкретике в былинах // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Часть 2. Ижевск, 2001.

Прозоров Л. Р. Мятежи волхвов в Верхнем Поволжье XI в.: индоевропейские параллели // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции. Ижевск, Изд-во ИЭ и УдГУ, 2002. С. 399—402.

Прозоров Л. Р. Диалоги с волхвами в ПВЛ: к вопросу о достоверности // Вестник УдГУ. История. 2003. С. 107—112.

Прозоров Л. Р. «Мужики» в былинах киевского цикла: историческая реальность фольклорного термина // Шестая российская университетско-академическая научно-практическая конференция: материалы докладов. Ижевск. Изд-во УдГУ, 2003. С. 64—65.

Указатель имен

1. Авторы древние и современные

- Абу-л-Фараджа** (ум. в 1286 г.) — сирийский историк. — 147, 149.
- Абу-л-Фида** (ум. в 1332 г.) — арабский историк. — 162.
- Адам Бременский** (ум. в 1075 г.) — северогерманский хронист. — 30.
- Адемар Шабаннский** (нач. XI в.) — франкский хронист. — 46.
- Аль Йакуби** (ум. в 897 г.) — арабский историк. — 131.
- Аль Куфи** (XI) — арабский историк. — 69, 70.
- Аль Масуди** (ум. в 957 г.) — арабский писатель и путешественник. — 69, 72, 87, 88, 102, 111, 134—147, 179, 181, 184, 189—201, 217.
- Ас-Салиби** (X в.) — персидский историк, географ. — 28, 110.
- Афанасьев А. Н.** (1826—1871) — русский историк, фольклорист. — 83.
- Бартольд В. В.** (1869—1930) — русский историк, востоковед. — 156, 183.
- Гальковский Н. М.** — русский историк, этнограф. — 160.
- Гельмольд** (1110—1177) — германский хронист. — 101.
- Гедеонов С. А.** (1815—1878) — русский историк, автор фундаментального труда «Варяги и Русь». — 145, 197.
- Геродот** (V в. до н.х.л.) — древнегреческий автор, «отец истории». — 77, 142.
- Забелин И. Е.** (1820—1909) — русский историк. — 13.
- Зенобий Глакк** (VII в.) — армянский историк. — 84—89, 92, 106.
- Иаков Мних** (XI в.) — русский церковный писатель. — 83.
- Ибн Мискавейх** (ум. в 1030 г.) — персидский писатель, библиотечарь, секретарь и казначей иранских правителей из династии Буидов. — 147—152, 156, 157, 159, 160, 169, 184, 188.

- Ибн Русте (X в.) — арабский географ. — 111, 133—136, 152, 187, 188.
- Ибн Фадлан (X в.) — арабский писатель и путешественник, посол от халифа Багдадского к правителю волжских булгар. — 88, 109, 118, 135, 153, 160, 195, 200, 208.
- Ибн Халдун (1332—1406) — арабский ученый. — 184.
- Ибн Хаукаль (X в.) — арабский купец, писатель и путешественник. — 54, 172, 178—188, 214, 217.
- Ибн Хордадбег (IX в.) — начальник таможенной станции в городе Рее, автор «Книги путей и государств». — 109, 110, 115, 116, 121—131, 153, 179.
- Ибрагим Ат-Тартуши (X в.) — арабский путешественник. — 118.
- Ибрагим ибн Якуб (X в.) — еврей-работорговец из арабской Испании. Путешественник, писатель. — 30, 122.
- Идриси (1100—1165) — арабский географ. — 30.
- Иоанн Скилица (XI в.) — византийский историк и писатель. — 115.
- Иоанн Эфесский (VI в.) — византийский церковный автор. — 53.
- Иордан Готский (VI) — готский историк. — 40, 41, 59—62, 78, 112.
- Иосиф Волоцкий (1439—1515) — игумен Волоколамского монастыря, церковный публицист и религиозно-политический деятель. — 34.
- Йоун Олавссон (1705—1779) — исландский ученый, автор трактата «Рунология». — 200.
- Карамзин Н. М. (1776—1826) — русский сентиментальный писатель, автор «Истории государства российского». — 45.
- Киплинг Редьярд (1865—1936) — британский поэт и писатель. — 198.
- Кирилл Туровский (ум. ок. 1182 г.) — древнерусский писатель и проповедник, епископ города Турова. — 128.
- Клейн Л. С. — современный российский историк. — 15, 82, 93.
- Ковачев Н. П. (род. в 1919 г.) — болгарский языковед, историк. — 89.
- Кожин В. В. — русский историк, литературовед, публицист. — 86, 142, 169.
- Козьма Пражский (1045—1135) — чешский хронист. — 30, 122, 123.
- Константин VII Рожденный в Пурпуре (Порфирогенит, Багрянородный) (905—959) — император Восточной Римской империи (945—959). Более известен своими трактатами, из которых до нас дошло два — «О дворцовых церемониях» и

- «Об управлении империей». Отравлен сыном и снохой. — 35, 135, 163, 167, 168, 172.
- Константин Манассия (XII в.) — византийский поэт. — 23.
- Королев А. С. — русский современный историк. — 13, 90, 183.
- Лебедев Г. С. — советский археолог. — 36.
- Лев Диакон (950—1012) — византийский хронист, автор единственного в византийской историографии подробного описания обычаев, обрядов, вооружения, воинской тактики и внешнего вида русов. — 47, 115, 142, 153, 186.
- Левченко М. В. (1890—1955) — русский советский историк. — 172.
- Лиутпранд Кремонский (X в.) — лангобардский епископ. — 153.
- Ломоносов М. В. (1711—1765) — великий русский ученый-энциклопедист. Историк, грамматик, химик, физик. — 18, 145.
- Маврикий Стратег (VII в.) — византийский император, составитель «Стратегикона» — руководства по военному делу. — 48, 53, 55, 71.
- Марр Н. Я. (1864—1934) — советский языковед, академик, исследователь кавказских языков. — 84, 85.
- Менандр Протиктор (VI в.) — византийский историк. — 80.
- Мецц Адам — швейцарский историк, востоковед. — 138.
- Микляев А. М. — русский советский археолог. — 36.
- Миллер Г. Ф. (1705—1783) — немецкий историк, занимавшийся русской историей. Считается одним из отцов норманизма. — 17, 18.
- Мишин Д. Е. — современный российский историк. — 138.
- Моисей, лег. — основатель иудаизма, законодатель. — 143.
- Моисей (Мовсес) Кагантакавацци — армянский историк. — 43, 44, 46, 49, 60.
- Моисей (Мовсес) Хоренский (Хоренацци) (V—VI вв.) — армянский историк. — 45, 46.
- Мухаммед Бал-ами (X в.) — персидский историк. — 26—28, 110.
- Нестор (2-я пол. XI в. — нач. XII в.) — монах Киево-Печерской лавры, летописец. Предположительно — автор «Повести временных лет». — 92.
- Нечволодов Александр — русский историк начала XX века. — 163.
- Нидерле Любор (1865—1944) — знаменитый чешский историк, археолог, славист. — 138.
- Низами, Низамеддин Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф (ум. в 1203 г.) — великий поэт Персии. — 149, 153, 169, 170.

- Новосельцев А. П. — современный историк, востоковед. — 165, 183.
- Ногмов Ш. Б. (XIX в.) — собиратель и издатель адыгейского фольклора, бывший мулла, друг Пушкина. — 76, 79.
- Павел Диакон (720 — год смерти неизвестен) — лангобардский хронист, жил в Италии. — 30.
- Пифей (IV в. до н.х.л.) — путешественник, географ. — 46.
- Погодин М. П. (1800—1875) — русский историк. — 197.
- Прокопий Кесарийский (VI в.) — придворный историк Юстиниана I Великого. — 49, 62, 112.
- Псевдозахария Ритор (VII в.) — сирийский автор. — 30—32, 188, 208.
- Пушкин А. С. (1799—1837) — великий русский поэт. — 7, 18, 21, 76, 77.
- Рабан Мавр (X в.) — немецкий монах, автор трактата о рунах. — 200.
- Рыбаков Б. А. (1908—2001) — русский, советский историк и археолог, ученый и патриот. — 26, 31, 85, 90, 92, 120, 214.
- Сахаров А. Н. — русский советский историк. — 183—186.
- Седов В. В. — русский советский археолог. — 39, 103.
- Серяков М. Л. — современный российский историк. — 187, 198, 199.
- Скржинская Е. Ч. (1899—1981) — советская исследовательница, историк. — 41.
- Снорри Стурлусон (1178—1241) — исландский поэт, политический деятель. Составитель сводов мифов и героических преданий «Младшая Эдда» и «Круг Земной». — 92.
- Срезневский И. И. (1812—1880) — русский языковед, этнограф, составитель первого исторического словаря русского языка. — 119.
- Стефанос Асохик (X в.) — армянский историк. — 191.
- Тацит, Корнелий (I в.) — римский историк, хронист, писатель и путешественник. — 46.
- Титмар Мезербургский (975—1018) — немецкий хронист. — 47, 177, 213.
- Толкин Дж. Р. Р. — английский писатель и ученый. — 78.
- Топоров В. Н. — советский лингвист-языковед. — 89.
- Третьяковский В. К. (1703—1769) — малоодаренный придворный поэт. Пробовал себя в истории. — 17, 90.
- Турольд (XII в.) — менестрель, автор «Песни о Роланде». — 71.

- Фахр ад-дин Мубаракшах Марварруди** (XIII в.) — персидский историк. — 200.
- Феодосий Печерский** (ум. в 1074 г.) — древнерусский писатель, игумен Киево-Печерского монастыря. — 128.
- Феофилакт Симокатта** (конец VI—VII в.) — восточноримский историк, хронист. — 31, 32, 208.
- Фотий** (820—897) — патриарх Константинопольский. — 186.
- Фроянов И. Я.** (род. в 1936 г.) — современный русский ученый. — 216.
- Честертон Г. К.** (1874—1936) — британский католический мыслитель, писатель и публицист. — 10, 207.
- Шлецер А. Л.** (1735—1809) — немецкий ученый, работавший некоторое время в России. Считается одним из создателей норманизма. — 21.
- Эль Недим** (X в.) — арабский историк, географ. — 195—199, 202.
- Юлиан** (XIII в.) — венгерский монах-доминиканец, странствовал по Восточной Европе перед нашествием монголов в поисках прародины своего народа — великой Венгрии. — 47.

2. Исторические деятели, реальные и легендарные

- Аарон бар Беньямен** (X в.) — каган-бек Хазарии. — 134, 140, 143, 148, 187.
- Агапит** (XII в.) — монах Киево-Печерской лавры. — 90, 91.
- Адальберт Трирский (Магдебургский)** (ум. в 981 г.) — немецкий церковно-политический деятель. — 175—177.
- Александр Великий (Искандер)** (356—323 гг. до н.х.л.) — царь Македонии. Полководец, государственный деятель. Создатель недолговечной македонской державы. — 41, 141, 188.
- Александр Пересвет** (ум. в 1380 г.) — брянский боярин, герой битвы на Куликовом поле. Монахом никогда не был. — 156.
- Али ибн аль Гайтам** (ум. в 912 г.) — ширваншах. В 909 году уничтожил караван русских купцов. В 912 году был убит русами. — 132, 139, 203.
- Аль-Муктадир** (X в.) — халиф. Прославился пьянством и разгульным нравом. — 109, 193.
- Аманд** (VII в.) — епископ. Безуспешно пытался проповедовать христианство славянам. — 101.
- Андрей Первозванный, лег.** — апостол. Путешествовал, скорее

- всего, по Дунаю, будущим землям ругов-русов. Легенда о его странствии вместе с ними перешла в Восточную Европу. — 34, 129.
- Антоний Римлянин (ум. в 1147 г.) — святой, приплывший в Новгород на камне. — 39.
- Арий (ум. в 336 г.) — священник из Александрии египетской, основатель арианства. — 128.
- Артур (V в.), лег. — легендарный король бриттов, победитель англосаксов, посмертно ставший символом англосаксонской цивилизации. — 10.
- Аскольд (ум. в 882 г.) — один из братьев-князей, правивших в Киеве. Крестился в Константинополе. Казнен Олегом Вещим. — 11, 129.
- Аттила, Бич Божий (ум. в 453 г.) — вождь гуннов. При нем племенной союз гуннов достиг наивысшего могущества. После его смерти распался. — 77.
- Ахмад бен Куяя (X в.) — вазир, предводитель мусульманских наемников Хазарии. Никакого отношения к основанию Киева не имел, как и его безвестный отец. — 87, 100, 102, 140
- Баян (Байкан) (VI в.) — каган аваров. Уничтожил племенной союз антов. — 54, 76, 80, 102.
- Балду (Балид) (X в.) — дружинник эмира Дербентского Маймуна, рус. — 208.
- Барджиль (VIII в.) — хазарский полководец, выигравший битву при Ардебиле. — 64, 139.
- Бравлин (VIII в.) — князь русов, ходил походом на крымские владения Византии. — 125, 165.
- Буга Старший (IX в.) — арабский полководец, командовавший карательной операцией в Закавказье в 40-е годы IX века. — 219.
- Булан (VIII в.) — каган-бек языческой Хазарии, женившийся на иудейке Серах и принявший иудаизм. — 94, 97.
- Бус (Бос, Баксан) (ум. в 375 г.) — антский князь. Захвачен в плен и зверски убит конунгом готов Винитаром. — 78, 79.
- Василий Буслаев, был. — новгородский удалец. — 37.
- Василиса Микулична, был. — женщина-богатырка (поляница). — 31.
- Вейнемейнен (Вейнелейнен), лег. — культурный герой карело-финского эпоса, эпоним русских (?). — 31, 39.
- Велизарий (505—565) — полководец Юстиниана Великого. Подавил восстание «Ника», воевал с персами, готами и вандалами. — 52.

- Вердингеторинг (ум. в 46 г. до н.х.л.) — галл, вождь восстания против римлян. — 10.
- Винитар (ум. в 375 г.) — готский конунг из рода Амалов. Зверски убил взятого им в плен антского князя Буса вместе с сыновьями и старейшинами. — 78.
- Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — великий князь киевский. Законодатель, политик, дипломат и полководец. — 90.
- Владимир Святославич Креститель (ум. в 1015 г.) — сын великого князя Святослава от хазарской рабыни Малки. Узурпатор престола, убийца брата по отцу, законного наследника, Ярополка Святославича. Вероотступник. — 55.
- Георгий Чула (ум. в 1014 г.) — крещеный хазарин, поднявший мятеж в крымских провинциях Византии. — 190.
- Германарих (IV в.) — готский конунг из рода Амалов. Покончил самоубийством, не сумев противостоять гуннам. — 40, 41.
- Давид — царь иудейский. Первым применил «обжигательные печи» для уничтожения пленных (2-я Царств 12:31) — за несколько тысяч лет до Освенцима. — 99.
- Дарий I Великий (ум. в 486 г. до н.х.л.) — царь персидского государства Ахеменидов. — 65, 141, 188.
- Дир (ум. в 882 г.) — один из братьев-князей, правивших в Киеве. — 11, 111.
- Днепра королевична, был. — женщина-богатырка (поляница). — 31.
- Джарах (ум. в 730 г.) — арабский полководец, проигравший битву при Ардебиле. — 64, 65, 68.
- Дунай, был. — богатырь, муж и убийца Днепры королевичны. Покончил с собой. — 31, 156.
- Езекия (VIII в.) — каган-бек, сын Обади. — 97.
- Зопирион (IV в. до н.х.л.) — полководец Александра Македонского. — 141.
- Ибн Самун (X в.) — христианин из Бердаа. — 171.
- Игорь Рюрикович (Сын Сокола) (ум. в 945 г.) — великий князь киевский. Победитель древлян, уличей, печенегов, греков. — 53, 54, 114, 141, 142, 162—173, 214, 215.
- Игорь Святославич (1150—1202) — князь новгород-северский с 1178 г., черниговский с 1199 г. Потомок Олега Святославича, организатор неудачного похода на половцев в 1185 г. Главный герой «Слова о полку Игореве». — 79, 134, 143, 217.

- Иданфирс (VI в. до н.х.л.) — вождь скифов. — 65.
- Иоанн Готский — епископ, руководитель восстания христиан против хазарского владычества в Крыму. — 104.
- Иосиф бар Аарон (X в.) — последний каган-бек Хазарии, автор письма к Хасдаю ибн Шафруту. — 29, 97, 148.
- Йездигерд III (ум. в 625 г.) — последний шах зороастрийского Ирана. — 22.
- Каллиник (VII в.) — грек, изобретатель «греческого огня». — 167.
- Карл Великий (742—814) — франкский король с 768-го, император с 800-го, основатель франкской империи. — 71, 74, 112, 152.
- Кий (Куар), лег. — полянский князь, основатель Киева, брат Щека и Хорива. — 76, 85—91.
- Кир (ум. 529 г. до н.х.л.) — царь персов, основатель державы Ахеменидов. — 141.
- Кирилл-Константин (827—869) — греческий проповедник, «просветитель» славянства, переводчик Библии и богослужебной литературы на славянский язык. Изобретатель «славянской письменности» — глаголицы. К т.н. кириллице не имеет никакого отношения. — 11, 53, 125, 200, 217.
- Кнуд Великий (ум. в 1035) — король Дании, Англии, Норвегии и южной Швеции. Способствовал утверждению в Дании христианства. — 51.
- Колумбан, (VI в.) святой — проповедник христианства. У славян потерпел неудачу. — 101.
- Константин Великий (ум. в 337 г.) — римский император с 306 г., основатель Константинополя (330 г.), первый император Восточно-Римской империи, сделавший христианство государственной религией. — 91.
- Константин V Копроним (741—775) — восточно-римский император. Поддерживал движение иконоборцев. — 63.
- Кончак (вторая половина XII в.) — половецкий хан из династии Шаруканидов. — 79.
- Копола — грузинское божество плодородия. — 40.
- Купала — русский Бог «плодов земных». — 40.
- Лаврита (Лавристан) (VI в.) — вождь дунайских славян, убитый аvaraми. — 51, 76—80.
- Людота (кон. X в.) — русский кузнец-оружейник. — 113.
- Лютовер (Илитвер) (VIII в.?) — вождь «савир» — северян.

Крестился в расчете на помощь православного кесаря и нового бога в борьбе с хазарами, но потерпел сокрушительное поражение. — 103, 104.

Маздак (ум. в 528 г.) — основатель еретического, «протокоммунистического» вероучения. — 94, 95, 96.

Маймун бен Ахмад бен Абд аль Малик (X в.) — эмир Дербента. — 192—195, 200—213.

Манассия (VIII в.) — каган-бек, внук Обадии.

Марзубан ибн Мухаммед (X в.) — правитель Бердаа, горец-дейлемит по происхождению. — 150—153, 161, 165.

Мезанмир Идарич (Маремихо, сын Идара) (VI в.) — вождь антов, посол к аварам, убит ими. — 76, 78, 80.

Мерван ибн Мухаммед, Беспощадный (ум. в 749 г.) — арабский полководец из правящего рода Омейядов, впоследствии — халиф. — 59, 68—75, 92, 93, 104, 125, 219.

Михайло Казарин, был. — богатырь. — 93.

Мохаммад (Мухаммед, Магомед) (570—632) — основатель ислама. «Пророк», точнее, посланник-расул Аллаха. — 22, 75.

Муса ат-Тузи (кон. X в.) — фанатичный исламский проповедник из Гиляна. Был орудием ширванской интриги в Дербенте. — 205, 206, 209.

Мухаммад ибн Ахмад аль Азди (ум. в 992 г.) — ширваншах. Сперва был посредником между хазарскими беженцами и русскими завоевателями на Северном Кавказе, потом интриговал против союзного русам Дербента. — 182, 194, 195, 200—204, 208—210.

Мухаммед ибн Мерван (VII в.) — эмир Месопотамии, арабский полководец. — 66, 70.

Нарзес (VI в.) — полководец Юстиниана Великого, воевал с готами в Италии. Армянин по происхождению, евнух. — 70.

Настасья Микулична, был. — женщина-богатырка (поляница). Жена Добрыни Никитича. — 31.

Небул (VII в.) — славянский вождь, пленник Юстиниана II, перешел на сторону арабов. — 59, 66—70, 73, 75, 102, 124.

Никитин Афанасий (ум. в 1472 г.) — первый купец христианской Руси, посетивший Индию, в которую язычники-русы плавали регулярно в середине IX века. Автор «Хождения за три моря». — 121.

- Обадия (VIII в.) — третий иудейский каган-бек Хазарии, ввел иудаизм в качестве государственной религии. — 97—101, 106, 220.
- Олав Альвконунг — правитель Швеции из рода Инглингов эпохи Великого переселения народов. — 92.
- Олег Вещий (ум. в 912 г.) — величайший деятель русского Средневековья. Великий князь киевский. Фактический создатель Русской державы. Объединил Киев и Новгород. Покорил древлян. Победитель хазар, освободивший от дани славянские народы вятичей, радимичей и северян. — 12, 86, 130, 137, 142, 144, 185, 202.
- Олег Святославич (Гориславич) (ум. в 1115 г.) — князь Черниговский и Тмутороканский. Авантюрист, человек сложной судьбы, политический противник Владимира Мономаха. — 146, 179, 186.
- Ольга (Аллогия, Елена) (ум. в 969 г.) — жена великого князя Киевского Игоря Рюриковича. Правительница с 945 по 962 год. Вопреки общераспространенному заблуждению, не проявила никакой государственной мудрости, мечась между Восточно-Римской империей и Священной Римской империей германской нации. Ее правление ознаменовалось падением внешней активности Руси, утратой некоторых земель, падением международного престижа Русского государства и едва не привело к оккупации страны, если бы не отстранивший мать от власти Святослав. — 12, 15, 145, 172—177.
- Оттон I (912—973) — германской король с 936 года, первый император Священной Римской империи германской нации с 962-го. При нем натиск на славянские земли («дранг нах остен») значительно усилился. — 174.
- Партатуа (VII в. до н.х.л.) — вождь скифов. — 26.
- Перун — верховный бог-громовержец славян и русов. — 76, 82, 84, 102, 153, 178.
- Пирьо (Пирьон-падчах), лег. — Перун в чеченских легендах. — 81, 83, 93, 106, 178.
- Песах, вымышл. — персонаж фальшивого «Кембриджского документа», хазарский полководец, якобы победивший «царя русов X-л-гв». — 144.
- Претич (X в.) — правитель северян. — 183.
- Рас-Тархан — каган-бек Хазарии, сын Булана. — 97.

- Рожеро (Родгейр) (ум. в 1154 г.) — герцог (ярл), впоследствии — король (конунг) сицилийских норманнов. — 37, 38.
- Рюрик Годиславич (ум. в 879 г. ?) — князь ободритов и русов, призванный славянами севера Восточной Европы для умирения усобиц и защиты от хазар. Отец (?) Игоря. — 37.
- Саак (ум. в 840 г.) — правитель (эмир) Тифлиса. — 131.
- Свенельд (X в.) — воевода киевских великих князей Игоря Рюриковича, Святослава Игоревича и Ярополка Святославича. — 160, 169, 171, 178, 215.
- Святослав I Храбрый Игоревич (942—972) — величайший деятель русского Средневековья. Великий князь киевский. Полководец и государственный муж. Уничтожил Хазарский каганат. Раздвинул границы Руси до Волги. Завоевал Болгарию, провозгласив своей целью создание общеславянской державы. Убит печенегами по наущению византийцев и киевских христиан. — 12, 26, 47, 53, 56, 115, 151, 152, 172—191, 197, 200, 210, 214, 215.
- Северин (ум. в 482 г.) — святой. Проповедник христианства среди дунайских русов-ругов. — 129.
- Села, лег. — громовержец в мифологии вайнахов. — 81.
- Селим II Мاست (Пьяница) (1566—1574) — турецкий султан. — 192.
- Серах (VIII в.) — дочь старейшины рахдонитов, жена каган-бека Булана. — 97.
- Славимир (X в.) — кузнец-оружейник. — 115.
- Солнослав (VIII в.) — славянский вождь, участвовал в гражданской войне в арабском халифате. — 72, 75, 102, 124.
- Сфенго (?) (X—XI вв.) — князь Тьмуторокана, сын Святослава. — 172, 202.
- Теодорих (493—526) — конунг восточных готов (остготов). — 51.
- Тор — скандинавский бог-громовержец. — 114, 130.
- Тузун (ум. в 945 г.) — эмир Персии. — 149.
- Умар II (ум. в 720 г.) — халиф. — 67.
- Феодосий (ум. в 840 г.) — князь абхазов. — 91, 131.
- Ханукка (VIII в.) — каган-бек, брат и наследник Обадии. — 98.
- Харальд Гардрада (ум. в 1066) — конунг норвежцев. — 55.

- Харальд Гиллекрист (ум. в 1136 г.) — конунг норвежцев и шведов. Участвовал в крестовом походе, воевал с язычниками в своей стране. — 37.
- Хасдай ибн Шафрут (X в.) — визирь халифа кордовского, иудей, адресат письма каган-бека Иосифа. — 29, 97, 143.
- Хишам (VIII в.) — халиф багдадский. — 68.
- Х-л-гв, вымышл. — персонаж фальшивого «Кембриджского документа», царь русов, напавший на Хазарию по наущению Византии, разбитый хазарином Песахом и вынужденный им напасть на Византию. В результате погиб в Персии. — 143, 162.
- Хорив (Хореван, Хорев), лег. — младший брат князя Кия, основателя Киева. — 85.
- Хосров Ануширван (Хозрой Перьский) — правитель (шах) Персии с 531 года, из династии Сасанидов. — 28, 61, 194.
- Хурзад (ум. в 712 г.) — вождь маздакитского восстания в Хорезме. — 94, 96.
- Чичак — хазарская царевна, выданная замуж за Константина V Копронима. — 63.
- Цезарь, Гай Юлий (100—44 гг. до н.х.л.) — римский полководец, государственный деятель и писатель. — 39, 46.
- Шарукан (ум. в 1107) — половецкий хан. Попал в плен, казнен русскими князьями. — 79.
- Шахрияр (VII в.) — правитель Дербента. — 21, 26, 27, 29, 43.
- Щек (Мелтей), лег. — младший брат князя Кия, основателя Киева. — 85.
- Эрик Эйегода (XII в.) — конунг-паломник, совершивший путешествие в Святую землю. — 38.
- Юдифь — супруга короля, впоследствии — императора Оттона.
- Юстиниан I Великий (482—565) — император Восточно-Римской империи. Вел войны в Италии с готами, в Подунавье со славянами и на востоке против персов. — 52.
- Юстиниан II — византийский император. — 65—67, 70, 77.
- Ярослав Владимирович Мудрый (978—1054) — князь новгородский, с 1025 года — великий князь киевский. — 35, 44, 55.

Указатель географических названий и названий народов

- Абескун — остров в Каспийском море. — 132, 138.
- Абескунское море — средневековое название Каспийского моря. — 25.
- Авары (обры) — кочевники-тюрки. В VII веке разрушили племенной союз антов. Создали в Центральной Европе аварский каганат. — 54, 80.
- Агван — историческая область в современном Азербайджане, столица — Бердаа (Партава). — 150, 161.
- Адыгейцы — они же касоги. Народность на Северном Кавказе. — 77—79.
- Азербайджан — историческая область в восточной части Закавказья. — 39, 43, 64, 139, 166.
- Азовское море — соединяется с Черным Керченским проливом. — 41, 62, 77.
- Аланы — народность на Северном Кавказе. Потомки скифосармат, предки осетин. — 61, 148, 151.
- Амазонки, лег. — племя женщин-воительниц. — 30.
- Англия — королевство на Британских островах. — 119.
- Англосаксы — группа северногерманских племен. Их потомки — англичане и американцы. — 32.
- Анты — одна из трех групп славян наряду с собственно словенами-склавиными и венедами. Жили от устья Дуная до Дона и Меотиды. — 43, 59, 61, 71, 78—80.
- Арабы — группа народностей, ныне населяющих Переднюю Азию и Северную Африку. Первоначально — кочевники пустынь Аравийского полуострова. — 68, 73, 96, 211.
- Ардебиль — местность и город у юго-западного побережья Каспия, в Южном Азербайджане. Ныне — на севере Ирана. — 59, 64, 68, 139.
- Армяне — (самоназвание хай) — древнейший народ Закавказья. По некоторым предположениям, потомки хеттов. Язык —

- индоевропейский. Религия — христианство в монофизитской (григорианской) версии. — 59.
- Арсания (Артания, Уртаб) — один из трех «городов», «групп» или «царств» русов у восточных авторов. Точное месторасположение не установлено. — 113, 146.
- Багдад — город на реке Тигр, столица арабского халифата. — 65, 110, 176, 190.
- Бадон, лег. — гора в Британии, место первой битвы короля Артура. — 10.
- Балканы — полуостров на юго-востоке Европы. — 22, 63.
- Балтийское море — часть Атлантического океана, глубоко вдающаяся в материк Европы. Проливом Эресунн, Большой и Малый Бельты соединяется с Северным морем. — 42.
- Балты — группа народов. Существующие ныне — литовцы, латыши. Исчезнувшие — пруссы, ятвяги, голядь, меря(?). — 16.
- Барсилы — одно из племен на Северном Кавказе на заре Хазарского каганата. — 61.
- Белая Вежа — русский город на месте хазарского Саркела. — 178, 202.
- Бердаа — она же Партава, совр. Барда в Азербайджане. — 43, 147—158, 161—171, 185, 192, 202, 211, 213.
- Бирка — торговый центр в Швеции «эпохи викингов». — 116, 150.
- Болгария — государство в северной части Балканского полуострова. — 11, 65, 73, 79, 102, 165, 166, 191.
- Болгары — первоначально тюркско-сарматское племя, кочевавшее у Дона и после поражения от хазар ушедшее на Дунай, где смешалось со славянами. Впоследствии — все население Болгарии. — 59, 100.
- Бородино — село под Москвой, место решающей битвы Отечественной войны 1812 года. — 12.
- Боспор Киммерийский — античное название Керчи и Керченского пролива. — 63.
- Булгария — государство, основанное на Верхней Волге и Каме булгарами. — 160, 180.
- Булгары — часть болгар (волжские болгары), ушедшая от хазар на север, в Прикамье, и обосновавшаяся там. — 180, 181.
- Буртасы — угорское (родственное венграм) кочевое племя. Предположительно, лежит в основе происхождения башкир. — 61, 179, 180.

Буян, лег. — сказочный остров из русского фольклора. По одной из версий, прототипом его является Руян-Рюген. — 28.

Варяги — изначально — название ободритов, впоследствии распространилось на всех балтийских славян и, наконец, на все племена и народы Балтики. Никогда не были «общим названием скандинавских народов», также имеют мало отношения к викингам и норманнам. — 16, 54, 55.

Варяжское море — русское название Балтийского моря. — 122.

Велеты — они же лютичи. Одно из сильнейших племенных княжеств балтийских славян. Жили между краем ободритов и Одером. — 47.

Венгры — они же угры, мадьяры. Первоначально — кочевники в Причерноморье, впоследствии откочевали на Дунай, где «обрели родину». — 61, 100.

Венеды (венеты, венды) — древний народ, предок славян, германцев, кельтов. Впоследствии его имя прилагалось в основном к славянам. — 39, 48, 62, 98.

Венеция — город на Адриатическом побережье Италии. — 176.

Византия (Восточно-Римская империя, Второй Рим) — государство, возникшее в восточной части Римской империи в результате ее распада. Византия — книжное название страны, выдуманное учеными эпохи Возрождения. Сами жители страны называли себя ромеями, а свою страну — империей ромеев. — 35, 53, 62, 63, 70, 102, 132, 160, 165, 169, 172, 179, 180, 213.

Витебск — город на Западной Двине. — 175.

Волга — река, берущая начало на Валдайской возвышенности и впадающая, как известно, в Каспийское море. — 37, 38, 61, 69, 181, 217.

Волок Ламский — город на волжско-балтийском торговом пути. — 36.

Волхов — река на северо-западе России, впадающая в озеро Ильмень. — 36.

Волын — «самый большой город в Европе» (Адам Бременский), культовый, торговый и политический центр прибалтийских славян-поморян в устье Одера. — 116, 118, 124.

Вятичи — одна из «земель» восточных славян. Название происходит от легендарного князя-родоначальника Вятко, брата (?) Радима, пришедшего со своим родом из Польши. Распо-

лагалась в бассейне Оки. Столица — Корьдно, культовый центр — Дедославль. — 61, 171.

Гавгамелы — место решающей битвы Александра Македонского с войсками Дария III. — 188.

Галлы — кельтские племена, населявшие территорию современной Франции. — 10, 32.

Гелиополь — малоазиатский греческий город, место изобретения «греческого огня». — 167.

Гилян — область на южном берегу Каспия. — 205.

Гирканское море — античное название Каспийского моря. — 25, 110.

Готланд — остров на Балтийском море. — 118.

Готы — северногерманское племя, в II—III вв. пришедшее с берегов Балтики к Северному Причерноморью, впоследствии ушедшее на земли Римской империи. — 16, 52, 62, 70, 112.

Греки — славянское (римского происхождения) название византийцев. — 13.

Грузины — народ в северо-западной и центральной части Закавказья. — 40.

Грюнвальд — город в Польше. Место решающей битвы объединенного русско-литовско-польского войска с силами Тевтонского ордена в 1410 году. — 175.

Гунны — племя неясного, скорее всего тюркского происхождения. Впервые упоминается в 375 году. — 41, 46, 62.

Дания — государство на Ютландском полуострове. — 51, 118.

Дагестан — историческая область между Главным Кавказским хребтом и Каспийским морем. — 25, 81, 148, 181.

Дарьяльское ущелье — один из путей между Северным Кавказом и Закавказьем. Русло реки Терек. — 68, 131.

Дейлем — горы к югу от Каспия. — 138.

Дейлемиты — горские племена, населявшие Дейлем. — 155, 166.

Дербент (ал-Баб, Баб-уль-Абваб) — город-крепость, возведенный Хосровом Ануширваном против набегов с севера в месте, где горы Кавказа подходят к Каспийскому морю. — 21, 22, 25, 26, 42, 63, 73, 148, 181, 182, 192—195, 202—206, 208—210.

Десна — левый приток Днепра в среднем течении. — 213, 217.

Джурджан — арабское название античной Гиркании. Местность к юго-востоку от Каспийского моря. — 110, 182, 184.

Днепр — река, текущая от Валдайской возвышенности в Черное море. — 36, 68, 183.

Дон — река, начинающаяся в Московской области и впадающая в Азовское море. — 61, 69, 75, 145, 181, 217.

Древляне — одно из «княжений» восточных славян, между Горынью, Ирпенью и Припятью. Столица — Искоростень. — 16, 61.

Дреговичи — одно из «княжений» восточных славян, между Западной Двиной и Припятью. Столица — Туров. — 16, 61.

Дулук — город в Сирии со славянским гарнизоном. — 67.

Дунай — длиннейшая река в Европе. — 34, 63, 86, 129, 183, 186.

Евреи — семитский народ. — 96.

Египет — страна на востоке Северной Африки. — 22, 134.

Закавказье — часть Кавказа к югу от Главного Кавказского хребта. — 28, 41, 43, 48, 60, 63, 165.

Ильмень — озеро на севере Русской равнины. Название, очевидно, принесено с запада ободритскими колонистами — ильменскими словенами, — образовано от речки Ильменау или Ильмер — назв. залива Зейдерзее. — 36.

Индия — страна на юге Азии. — 22, 134, 179, 199.

Иран — страна в Юго-Западной Азии, между Каспийским морем и Персидским заливом. — 28, 159, 182.

Иранцы — население Ирана либо группа народов, в которую наряду с ними входят осетины, таджики, афганцы, а также исчезнувшие народы скифов, саков, массагетов, сармат и доисламское население Средней Азии. — 16.

Испания — полуостров и государство на крайнем юго-западе Европы. — 22, 174, 179.

Италия — полуостров на юге Европы. — 52, 70, 194, 211.

Итиль (Атиль) — город, столица Хазарского каганата после победы иудейской партии в гражданской войне. Местоположение неизвестно. Где-то в низовьях Волги, возможно, в ее дельте. — 134, 138, 140, 141, 145, 146, 176, 182, 189, 211.

Итиль (Атиль) — река. Тюркское название Волги. — 69, 181.

Кадеш — место сражения Рамзеса II с хеттами. — 144.

Казань — столица Казанского ханства (в 1552 году взята русскими войсками) и современного Татарстана. — 12.

- Каир — столица мусульманского Египта. — 178.
- Калифорния — полуостров на западном побережье США. — 11.
- Касоги — древнерусское название адыгейцев. — 178.
- Кахетия — местность в Грузии на границе с Арменией. — 92.
- Кельты — группа народов, к которой в настоящий момент относятся ирландцы, валлийцы и шотландские гэлы в Британии, а также бретонцы во Франции. Ранее населяли также территории современных Франции (галлы), Бельгии (белги), Нидерландов, Австрии и Чехии (бойи). — 50.
- Кемлык — резиденция хазарских каганов. Была построена из красного кирпича. Название предположительно происходит от древнееврейского «дом царя». — 182.
- Киев — город на Днепре, напротив устья Десны. Столица полян, с 882 года — столица Киевской Руси. — 35, 38, 85—90, 111, 122, 164, 173—178, 214, 216.
- Кимбры — кельтское или германское племя, первоначально обитавшее в датском Химмерланде. Напали на Рим во II веке до н.х.л. — 46.
- Киммерийцы — кочевой народ Северного Причерноморья. В VIII—VII веках до н.х.л. вытеснены скифами на Ближний Восток. Возможно, родичи кимбров. — 77.
- Китай — крупнейшая страна Дальнего Востока. — 135.
- Константинополь (Византий, Царьград) — столица Восточно-Римской империи. — 31, 35, 37, 38, 47, 53.
- Кордова — город в Испании, столица во времена арабского владычества. — 71, 138, 176.
- Корсунь — русское название Херсонеса Таврического. — 11, 198, 217.
- Кривичи — одно из «княжений» восточных славян. Населяли земли в окрестностях Пскова, Полоцка, Смоленска и Ростова. Название предположительно происходит от балтийского «криве» — жрец. — 16.
- Крым — полуостров, отделяющий Азовское море от Черного. — 60, 165.
- Ктесифон — столица сасанидского (домусульманского) Ирана. — 23.
- Кумис — область в Персии, поблизости от современного Тегерана. — 23.
- Кура — река на Кавказе. — 43, 148, 151.

- Ладога — город на Волхове, первоначальная столица словен ильменских и Рюрика. — 123.
- Латвия — страна в Прибалтике. — 113.
- Лезги — народность на Северном Кавказе. Предки лезгин. — 148, 151.
- Лион — город во Франции. — 123.
- Литва — страна в Прибалтике. — 6, 113.
- Лондон — столица Англии. — 123.
- Ляховицкая (Политовская) земля — былинное название Польши. — 31.
- Мадьяры — самоназвание венгров. — 151.
- Мазандеран — область в Иране, примыкающая к южным берегам Каспийского моря. — 132.
- Марага — город в Южном Азербайджане, на берегу озера Урмия. Ныне — г. Мерагу на территории Ирана. — 161.
- Мараш — совр. Караманмараш в Турции. Город со славянским гарнизоном на службе арабских халифов. — 67.
- Масхат — город южнее Дербента и севернее Ширвана. — 203.
- Меотида — античное название Азовского моря. — 41, 77.
- Мерв — город в Средней Азии. — 23.
- Минск — город на Свислочи. — 175.
- Монголы — народность в Центральной Азии. — 46.
- Моравия — область в Центральной Европе. — 11, 111.
- Мубараки — местечко на берегу Куры вблизи Бердаа, место лагеря русов в 944—945 гг. — 150.
- Нева — река, соединяющая Ладожское озеро с Балтийским морем. — 123.
- Немцы — славянское название германцев, позднее распространилось на западных иноземцев вообще. Происходит не от «немоты», а от имени германского племени неметов. — 105.
- Нижний Волочок — древний город на Балтийско-Волжском торговом пути. — 36.
- Ноград — город на Дунае. — 34, 125, 129.
- Новгород на Волхове — вторая столица словен ильменских, позднее — вечевой Новгородской республики. Самый крепкий, независимый и сильный русский город-государство. — 34, 35, 38, 39, 45, 175, 216.
- Новгород-Северский — город на Десне, с 1096 года — столица удельного Новгород-Северского княжества. — 124.

Новиград — город на Дунае. — 125.

Норманны — обобщенное название скандинавских германо-язычных племен. Происходит от самоназвания норвежцев, распространенного жертвами их набегов на прочие племена Скандинавии. — 37, 157.

Ободриты (рерики, рюрики) — одно из крупнейших и сильнейших княжеств славянской Прибалтики («Поморья Варяжского»). Столица — Рерик (совр. Мекленбург). См. также варяги. Жили в нижнем течении Эльбы (Лабы), в основном по правому берегу. — 117.

Палестина — страна на Ближнем Востоке. — 16, 22.

Париж — столица Франции. — 123.

Партава — армянское название Бердаа. — 43—45, 47—49, 52, 53, 65, 92, 93.

Печенеги — тюркский союз племен, появившийся на степной границе Руси в 912 году. По некоторым предположениям, их потомками являются гагаузы в современной Молдавии. — 59, 151, 214.

Персия — историческое название древних и средневековых государств Ирана. — 22.

Полтава — город на Украине. Город победоносного сражения 29 июня 1709 года. — 12.

Поляне — восточно-славянское «княжение» в Среднем Поднепровье. Города — Киев (столица), Родня (культовый центр?). — 16, 51.

Поморье Варяжское — земли современной Северной Германии, южный берег Балтики. Был заселен балтийскими славянами-варягами, впоследствии частично уничтоженными, частично ассимилированными немецкими завоевателями. — 175.

Правобережное Цимлянское городище — руины крепости хазар-язычников, чье население было полностью истреблено захватившими ее войсками каган-бека иудея Обадии. — 99, 102, 176.

Радимичи — одно из восточно-славянских «княжений», между Днестром и Сожем. Называлось так по имени вождя Радима, брата (названного?) Вятко, пришедшего со своим родом из польских земель. Столица — видимо, Гомий (совр. Гомель). — 61, 177.

- Рей — город в Иране, неподалеку от современного Тегерана. — 23, 100.
- Рим — город в Италии, столица Римской Республики, затем — Римской империи. — 46, 194.
- Римляне — народ Рима. — 13.
- Ромеи — «римляне», самоназвание жителей Восточной Римской империи, Византии. — 127.
- Ронсеваль — ущелье в Пиренеях, где произошла неравная схватка дружины графа Роланда с сарацинами. — 59, 71.
- Руги — германо-латинское название русов. — 29.
- Ругиланд — название дунайской Руси в латиноязычной германской литературе Средневековья. — 129.
- Русарамарка — название дунайской Руси в германских торговых документах Средневековья. — 129.
- Русское море — русское и арабское название Черного моря с X века. — 142.
- Рюген (Руян) — остров в Балтийском море у северных берегов Германии. Главный культовый центр славянства. Он же «остров русов» средневековых арабских источников. Он же, возможно, Буян русского фольклора. — 28, 29, 47, 114, 129.
- Савиры — северокавказское племя, тюркского или скифо-сарматского происхождения. — 61.
- Санарийцы (ценары) — народность на Кавказе, обитавшая в районе Дарьяльского ущелья. — 131.
- Сари — город у южного побережья Каспия. — 132.
- Саркел — «Белая крепость», главная военная цитадель Хазарского каганата, база набегов на славянские земли. Возведена византийским архитектором Петроной Каматиром. — 211.
- Сарматы — ираноязычное кочевое племя Северного Причерноморья, вытеснившее скифов. — 77.
- Священная Римская империя германской нации — государство, созданное в 962 году королем Оттоном из саксонской династии, правителем Восточно-Франкского (Немецкого) королевства. Проводило агрессивную политику в отношении своих соседей, в первую очередь — полабских и балтийских славян (варягов) — «дранг нах остен». — 174.
- Севастополь — город в Малой Азии, совр. Сулу-Сарай в Турции. — 66.
- Северяне — восточно-славянское «княжение», располагавшееся

- на берегах Десны, Сейма, Сулы, Северского Донца. — 16, 78.
- Севилья — город в Испании. — 28.
- Семендер — город на дагестанском побережье Каспийского моря. Языческая столица Хазарии. — 60, 69, 181, 182.
- Семикаракорское городище — руины крепости хазар-язычников, чье население было полностью истреблено захватившими ее наемными войсками каган-бека иудея Обадии. — 99, 102, 176.
- Сибирь — часть Азии от Урала до водораздельных хребтов Тихоокеанского побережья на Востоке. — 12.
- Сирия — государство у восточного побережья Средиземного моря. — 75.
- Сицилия — остров у южного побережья Италии. — 37.
- Скандинавия — полуостров на севере Европы. — 16, 27, 158.
- Скандинавы — группа северногерманских народов, населяющих Скандинавию, Ютландский полуостров и Исландию. См. также Норманны. — 16, 17, 153, 158—160.
- Скифы — общее название племен Северного Причерноморья в античную эпоху и до сарматского нашествия. В основном — ираноязычные кочевники. — 26.
- Словене ильменские — восточно-славянское «княжение» на севере Восточной Европы. Столица — Ладога, затем — Новгород. Потомки ободритских (варяжских) колонистов. — 16.
- Словенцы — славянский народ в Центральной Европе. — 129.
- Смоленск — город в верхнем течении Днепра. — 36, 45, 175.
- Средиземное море — море между Европой и Африкой. — 38.
- Средняя Азия — часть Азии между Каспийским и Аральским морями. — 63, 74.
- Сурож — город на берегу Азовского моря (совр. Судак). С X века — русский. — 217.
- Сурожское море — русское название Азовского моря. — 125.
- Табаристан — область в Северном Предкавказье рядом с Дербентом. — 207.
- Тевтоны — германское племя. — 46.
- Тиверцы — восточно-славянское «княжение» между Днестром и устьем Дуная. Столица — город Черный. — 16.
- Тифлис — старое название Тбилиси. — 60, 68, 131.
- Тьмуторокань (Матрега, Матрика, Таматарха, Самкуш,

- непр. — Тмутаракань) — город на месте совр. Тамани. — 47, 77, 106, 146, 190, 217.
- Тюрки — в узком смысле — племя, создавшее Тюркский каганат в Средней и Северно-Восточной Азии VI—VIII веков. В широком — группа родственных по языку и культуре племен и народов (туркмены, гузы, печенеги, азербайджанцы, турки, гагаузы, половцы, татары, казахи и пр.). — 16, 46, 49.
- Уличи — восточно-славянское «княжение» между Днестром и Южным Бугом. Столица — Пересечен. — 16.
- Упсала — культовый и политический центр Швеции «эпохи викингов». — 130.
- Финны — группа племен и народностей на севере и востоке Европы. — 46.
- Франки — германское племя, обитавшее на Рейне и завоевавшее Галлию. — 55.
- Хазары — тюркское племя на Северном Кавказе, создатели Хазарского каганата. — 26, 28, 43, 44, 59—64, 96—105, 112, 132, 178—191.
- Хазран — город на Волге южнее Булгара и севернее Итиля. Разрушен великим князем Святославом Игоревичем. — 181.
- Хвалынское море — русское название Каспийского моря. — 110, 141, 148.
- Хедобю — один из крупнейших центров скандинавского ремесла и торговли «эпохи викингов». По общему мнению арабских купцов и западных проповедников, — нищее и унылое место. 116, 118.
- Херсонес Таврический — древний город в Крыму неподалеку от современного Севастополя. — 125, 198, 200.
- Хорезм — древнее государство в нижнем течении реки Амударья. — 88, 94, 95, 96.
- Царьград — русское название Константинополя. — 11, 48, 53, 91, 119, 122.
- Черкассы — город на Днестре. — 178.
- Чернигов — город на Десне. Столица северян. — 111, 214.
- Черное море — внутреннее море между Европой и Малой Азией. — 11, 38.
- Чудь — русское название эстонцев. — 40, 55.

- Шведы** — скандинавский народ, живущий на юго-востоке Скандинавского полуострова. — 27.
- Швеция** — шведское государство. — 118.
- Шелонь** — река, впадающая в озеро Ильмень. — 34, 36.
- Шипка** — перевал в Болгарии. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. русские войска захватили и шесть месяцев удерживали этот перевал. В январе 1878 года русские войска перешли в наступление и изгнали турок из Болгарии. — 12.
- Ширван** — государство на территории Апшеронского полуострова и примыкающего побережья. Столица — Шемаха. — 132, 150, 186, 192, 203, 210.
- Шпицберген** — архипелаг в Северном Ледовитом океане. — 11.
- Эстония** — страна в Прибалтике. — 113.
- Япония** — страна на островах Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Сикоку в Тихом океане. — 7.
- Яссы** — древнерусский Ясский торг, город на северо-востоке Румынии. — 178.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление, или За что нас, русских, мало ругают	7
--	---

Часть первая

КАВКАЗСКИЕ ПЛЕННИКИ. СЛАВЯНЕ НА КАВКАЗЕ: VII—VIII вв.

Глава 1. Русы под Дербентом	21
Глава 2. Волжский торговый путь	33
Глава 3. Славяне и хазары под Партавой	43
Глава 4. Арабско-хазарская война: славяне по обе стороны фронта	59
Глава 5. Сказания славянского Кавказа	76
Глава 6. «Обновленная» Хазария	94

Часть вторая

ЗА ГОРОДОМ ТЪМУТОРОКАНЕМ. РУСЬ НА КАВКАЗЕ: IX—X вв.

Глава 1. Русы-купцы на таможене ибн Хордадбега	109
Глава 2. Злосчастный год	134
Глава 3. Бердавское сидение	147
Глава 4. Государь-пардус у гор Кавказа	172
Глава 5. Дербентская эпопея эмира Маймуна и его русской дружины	192
Заключение: «Вера их притупила их мечи»	211
Летопись славян на Кавказе	221

Приложение I. ВНЕШНОСТЬ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА КАК ЭТНООПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ПРИЗНАК	222
Приложение II. РАСА И ЭТНОС В БЫЛИНАХ	248
Список использованных источников и литературы	255
Библиография научных работ автора	261
Указатель имен	262
Указатель географических названий и названий народов	274

Научно-популярное издание

РУССКИЕ КОРНИ

Лев Прозоров

КАВКАЗСКАЯ РУСЬ

ИСКОННАЯ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор Л. Незвинская
Художественный редактор С. Лях
Корректор Ю. Шумилина

ЛР № 065715 от 05.03.1998. ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.
Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495)745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении,** обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118. E-mail: vpzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91.
gm.eksmo_almaty@arna.kz

Подписано в печать 08.05.2009.
Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Академия». Печать офсетная.
Бумага. газ. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 3500 экз. Заказ 7793

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Кавказский вопрос всегда был одним из главных козырей в пропагандистском арсенале врагов России – вот уже два столетия Запад обвиняет нашу страну в «колониализме», «имперской экспансии» и «завоевании Кавказа».

Новая книга известного историка, автора бестселлера «Русь языческая», не оставляет от этих обвинений камня на камне, неопровержимо доказывая, что есть все основания считать наших славянских предков коренным народом Северного Кавказа, а сам Кавказ – исконной русской землей.

«Я не знаю, кто и когда сочинил «Велесову книгу», но кем бы он ни был, когда бы ни жил – в ней есть слова, которые подсказали боги: «РУСИЧИ! НЕ ВЕРЬТЕ ВРАГАМ ВАШИМ! ГДЕ КРОВЬ РУССКАЯ ПРОЛИЛАСЬ, ТАМ И ЗЕМЛЯ РУССКАЯ». На веки вечные освящен святою кровью русских витязей, русских солдат Кавказский рубеж».

(Лев Прозоров)

ISBN 978-5-699-35639-3

9 785699 356393 >